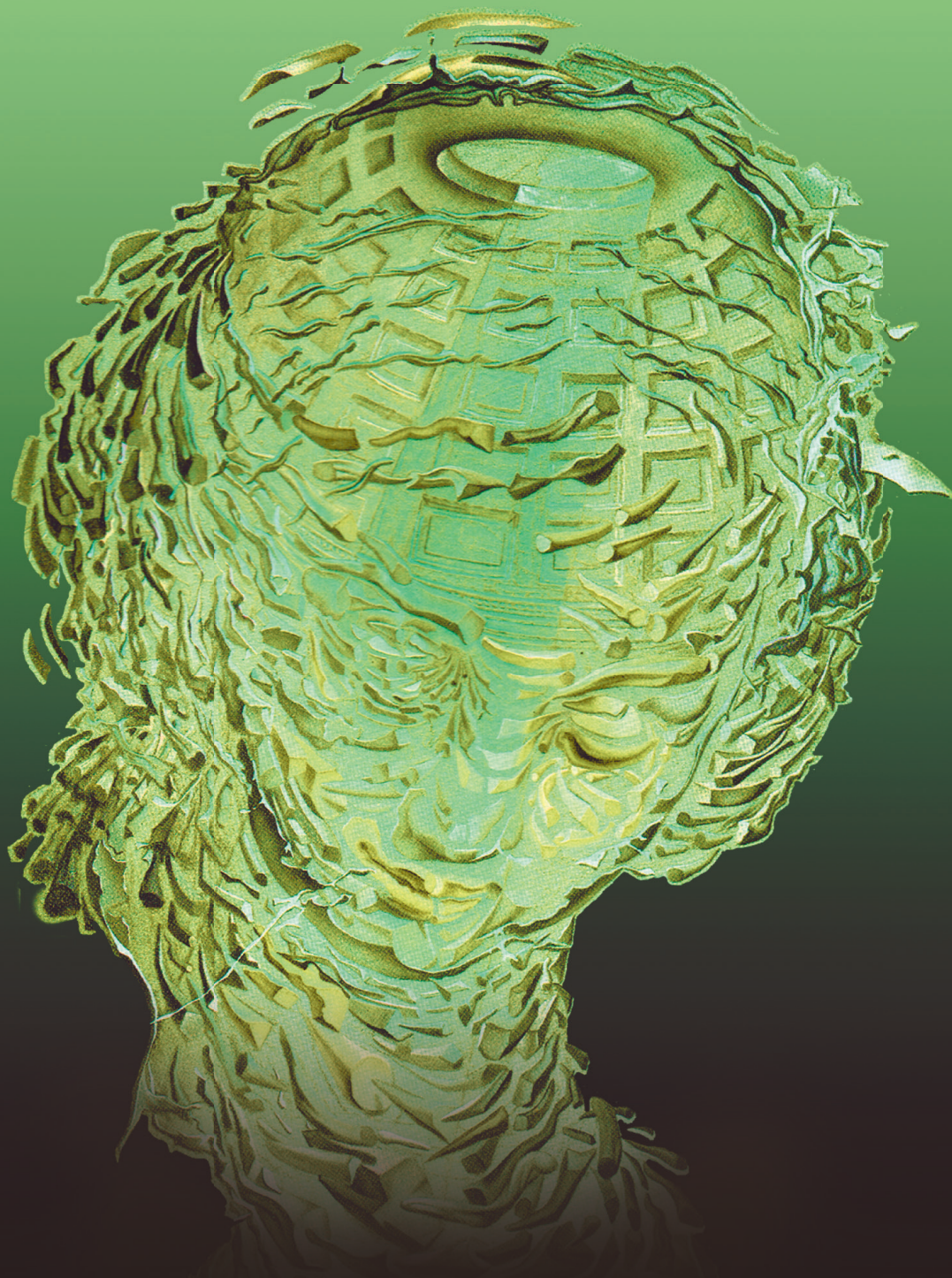

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№6, 2019

ISSN-2071-4920

Юридическая МЫСЛЬ

2019 6 (116)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787 >

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)

Главный редактор

М.Б. Ревнова, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации
теоретиков государства и права,
научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
и образования РАЕ

Ответственный секретарь редакционной коллегии

А.В. Яковлев, доцент кафедры теории и истории государства
и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

Р.Н. Дусаев, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин юридическо-
го факультета Петрозаводского государственного университета, доктор юридиче-
ских наук, профессор;

Т.А. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический
институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права
ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических
наук

Е.В. Середя, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юри-
дический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор;

О.Э. Старовойтова, профессор кафедры теории и истории государства
и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических
наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государ-
ства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-
Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
и образования РАЕ, председатель совета;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав
ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный
юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член со-
вета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, междуна-
родного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, профессор кафедры теории государства и права Башкирско-
го государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член
совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав че-
ловека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических на-
ук, профессор, член совета;

Е.С.Ч. Ковальски, директор Российской школы права Юридического факультета Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор политических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Ю.В. Романов, генеральный директор патентно-правового холдинга «Романовы и партнеры», руководитель Русского центра права и консалтинга, член совета;

Г.С. Скачкова, зав. сектором трудового права и права социального обеспечения ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, Финляндская Республика, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2019»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2019 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (второе полугодие 2019 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>;

E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Founder

Law Institute (St. Petersburg)

Chief Editor

M.B. Revnova, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD

Deputy Chief Editor

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE

Executive Secretary of the Editorial Board

A.V. Yakovlev, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD

Editorial team:

R.N. Dusaev, Head of common law disciplines Faculty of Law of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

O.E. Starovoitova, Professor of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

E.S.Ch. Kowalski, Head of the Russian law, professor of legal theory and legal logic, Deputy Dean of Science Faculty of Law of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

Yu.V. Romanov, General Director of the patent law holding "Romanovs and partners", head of the Russian center of law and consulting, member of the Council;

G.S. Skachkova, Head sector labor law and social security law of the «Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Law, Professor, member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Doctor of Geographical Sciences, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6-1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург).
Тел. (812) 325-98-90. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 20.12.2019. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экз. Заказ № 92217.
Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 4-5 (114-115), 2019

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2019 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

6 (116)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Калхидов В.А.
Институт президентуры в США: история и практика реализации 10

12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

Добрынский С.С.
Основы правового регулирования системы органов
исполнительной власти Российской Федерации 25

Кинцлер Д.Н.
Гражданский доход в Италии. Споры о его соответствии
конституции и нормам международного и европейского права 35

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Панова А.А.
К вопросу о правовом статусе доверительного
управляющего в США 52

Петухов С.В., Рачеева Ю.В.
Правовая конструкция цифровых прав
как объект гражданских прав 65

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Габдинуров А.И.
Особенности противодействия уклонению от уплаты платежей
в зарубежных странах 74

**12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

<i>Гареев М.Ф.</i> Альтернативы в уголовном праве: отдельные аспекты	82
<i>Селиверстов И.Н.</i> К вопросу о теоретическом моделировании легализации криминальных капиталов транснациональной организованной преступности	96
<i>Нестерова О.И.</i> Криминологические меры по выявлению и предупреждению незаконного оборота алкогольной продукции и наркотиков в исправительных учреждениях	104

**12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор,
организация правоохранительной деятельности**

<i>Солтанов Р.Р.</i> Полномочия прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере защиты прав предпринимателей	112
---	-----

**12.00.15 – Гражданский процесс;
арбитражный процесс**

<i>Вороненков Н.Д.</i> Основания для оспаривания решений третейских судов	119
--	-----

CONTENT

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state studies

<i>Kalkhidov V.A.</i> US Presidency Institute: History and Practice of Implementation	17
--	----

12.00.02 – Constitutional law, constitutional litigation, municipal law

<i>Dobrynsky S.S.</i> Fundamentals of legal regulation of the system of executive bodies of the Russian Federation	30
--	----

<i>Kinzler D.N.</i> Citizenship in Italy. Disputes over its compliance with the constitution and the norms of international and European law	43
---	----

12.00.03 – Civil law, business law, family law, private international law

<i>Panova A.A.</i> On the legal status of a trustee in the United States	59
---	----

<i>Petukhov S.V., Racheeva Yu.V.</i> Legal construction of digital rights as an object of civil rights	69
--	----

12.00.04 – Financial law; tax law; budget law

<i>Gabdinurov A.I.</i> Features of counteraction to evasion of payments in foreign countries	78
--	----

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

<i>Gareev M.F.</i> Alternatives in Criminal Law: Selected Aspects	89
--	----

<i>Seliverstov I.N.</i> On the issue of theoretical modeling of legalization transnational organized crime capital crime	100
--	-----

Nesterova O.I.
Criminological measures to identify and prevent illicit trafficking
in alcohol and drugs in correctional facilities 108

**12.00.11 – Judicial branch, prosecutor's supervision,
organization of law enforcement**

Soltanov R.R.
Powers of prosecutors in supervising enforcement
laws in the field of protecting the rights of entrepreneurs 115

12.00.15 – Civil process; arbitration process

Voronenkov N.D.
Grounds for contesting the decisions of the arbitration courts 126

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 340.0; 342.511

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.001

Институт президентуры в США: история и практика реализации

В.А. Калхидов*

Аннотация. В статье рассматривается историография становления института президентуры в США, выясняются причины формирования президентской республики, теоретические и практические основания реализации идеи правового государства, наличия системы сдержек и противовесов. Автор утверждает вслед за российскими и иностранными учеными, что в США сформировалась совершенно новая и ранее не существовавшая модель, основанная на демократических принципах, доказавших свою актуальность и в настоящее время.

Ключевые слова: президент, разделение властей, система сдержек и противовесов, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, федерализм, правовое государство.

В Российской Федерации параллельно созданию новых реалий управления государством происходит процесс углубления содержания правового государства, практическая оптимизация системы разделения властей, повышение эффективности функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей. По этой причине «пристальное внимание политологов, юристов, широкой общественности вызывает тот богатый опыт государственного строительства, который накопили за годы своего существования демократические государства, в частности США» [7].

В настоящей статье мы постараемся акцентировать внимание на анализе института президентуры в Соединённых Штатах Америки, что позволит определить схожие черты и различия в организации и функционировании института в государствах, имеющих различные правовые системы. Сравнение также позволит сопоставить реализацию механизма института президентства в конкретных странах.

* Калхидов Владислав Амиранович, магистрант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: kalkhidov.vlad@mail.ru.

Научный руководитель – Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Данная тема интересна и важна в силу необходимости, в свете реформирования российской государственности, путей преобразования механизма государственного управления, способного создать условия для всестороннего развития нашей страны.

Сравнение российской модели института президентства с американской президентурой интересно также тем, что в США изначально остро стоял вопрос противопоставления президентской и парламентской властей. На ранних этапах становления российского государства выбор был отдан в пользу смешанного, парламентско-президентского, правления. В США, напротив, президент получил большие полномочия. Стоит отметить, что в наших странах идут ровно противоположные процессы: в Америке говорят о необходимости сокращения президентской власти в пользу парламентской; у нас же абсолютно противоположное мнение. Тем самым сравнение позволит увидеть, где были допущены «перегибы» в американской модели.

Американский институт президентства часто являлся предметом исследования многих западных авторов. Стоит выделить произведение французского исследователя Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» [18]. Стоит обратить внимание, что книга была написана иностранцем, который решил изучать правительство в Америке и прогресс демократии в мире. Эта работа смогла обогатить изучение общей проблемы демократии в мире, а также более специфических аспектов, исходящих из нее. По словам ее автора, главной задачей этой книги является объяснение причин существования демократической республики в США.

Также, при написании данной статьи важное значение имели труды классиков европейской мысли – Дж. Локка [10], Ш.-Л. Монтескье [12].

В работе американского историка-либерала А. Шлезингера «Циклы американской истории», представляющей собой ряд очерков, один из них – «Имперское президентство» полностью посвящен изучению президентской власти в системе органов исполнительной власти США [21].

Значимым источником по теории американского конституционализма явился сборник статей авторства А. Гамильтона, М. Мэдисона и Дж. Джея «Федералист» [20], хотя у них были отличные друг от друга политические воззрения, симпатии; однако их политические пристрастия растворились в общих для всех троих представлениях об искусстве управления.

В качестве еще одного из самых важных источников следует также отметить работу Р. Бэрреса «Документы Американской революции» [2], в которой автор обращает особое внимание на историю создания американской республики и ее политических институтов, анализирует основные документы, включая "Декларацию Независимости", "Конституцию", "Билль о правах".

Конституционная система США продолжает привлекать к себе большое внимание и теоретиков, и практиков в сфере политики. Многими зарубежными и отечественными авторами описывается и комментируется структура Конституции, содержащиеся в ней основополагающие принципы государственного устройства (разделение властей, федерализм); отдельные конституционно-правовые принципы (верховенство права и др.); система высших органов государственной власти (Конгресс, Президент, Верховный

суд); их компетенция и взаимоотношения (их полномочия, закрепленные конституционно); проблема стабильности и изменения Конституции и т.д.

Исследуются отдельные конституционные принципы и доктрины, которые не отражены прямо в Конституции, но признаны в качестве таковых в результате сложившихся в конституционном праве США прецедентов, а также полномочия исполнительной и законодательной власти, которые имеют прецеденты в конституционном праве, но до сих пор являются дискуссионными и не получили четкого определения в законодательстве (например, право президента отстранять высших федеральных лиц от должности).

В политико-правовых исследованиях и концепциях американской Конституции (основных конституционных принципов и институтов) можно обозначить несколько направлений: изучение Конституции США как объекта политико-правового анализа; анализ принципа разделения властей и его применения на практике и исследование политических институтов государственной власти.

Среди авторов научных юридических трактатов по конституционному праву выделяются американские государствоведы Л. Трайб и М. Дорфф, которые считают, что американская Конституция сохраняется сегодня не только в качестве основного закона, но и как феномен мистический, составляющий суть американского национального духа. По их мнению, неизменность текста Конституции, которую бессильны нарушить даже изменения тех или иных норм, придает основному закону качество «священного мистического явления», способствует повышению уважения к нему [23]. Л. Трайб отстаивает идею «неустановившегося конституционного права», которая проявляется в том, что Основной закон остается документом, открытым для различных интерпретаций, ограниченных только ценностями, которые одушевляют сами положения Конституции, и сложным политическим процессом, который ей создается [24].

Следует отметить, что в отличие от формально-юридических исследований по конституционному праву, в политологических работах Дж. Вилсона [19], Ю.К. Абрамова и В.М. Зубок [1], М. Скидмора и Т. Картера [16] и др. содержится анализ соотношения юридической и «живой» конституции, а также внеконституционных структур, функций, обычаев, которые оказывают значительное влияние на современный конституционный механизм государственного управления (например, избирательная система, политические партии).

Теория и практика разделения властей, система сдержек и противовесов, как и их практическое воплощение, правовое государство в его различных проявлениях находятся в фокусе внимания как современных российских [4, 6, 11], так и зарубежных государствоведов и политологов. Различные аспекты механизма разделения властей стали темой многих публикаций как зарубежных, так и отечественных авторов. Среди них исследования, посвященные становлению, эволюции и современному состоянию разделения властей в конституционном механизме США, взаимоотношению основных конституционных институтов. Из огромного пласта литературы по этим проблемам отметим работу профессора конституционного

права Л. Фишера [22], который анализируя проблему разделения властей в конституционном механизме США, приходит к выводу, что слишком общий характер положений Конституции может привести к произвольному толкованию полномочий и функций отдельных отраслей власти и как следствие к узурпации.

Отсюда, на каждом конкретном этапе истории, напоминает он, одна ветвь власти играет доминирующую роль, другая подчиненную. Многие из проблем разделения властей, по мнению Л. Фишера, (в частности доктрина «делегированных полномочий») обязаны своим существованием эволюции государственного механизма США, которая потребовала значительного пересмотра и расширения фактических полномочий основных органов федеральной власти.

Интерес к структурам – конституционным основам и практическим формам президентства – сталкивается с интересом к личностям самих президентов, их происхождению, образованию, слабым и сильным сторонам их характера, к их политическим действиям и упущениям, их крушению и величию. Личности президентов, по словам профессора Принстонского университета, Ф. Гринстайна, являются «неотъемлемой частью американской политической системы и в равной степени нуждаются в пристальном и постоянном изучении» [5, с. 198]. Биографиям американских президентов посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов.

В отечественной литературе впервые обзор президентской власти в различных странах и регионах мира представлен в работе Н.А. Сахарова «Институт президентства в современном мире» [15]. В ней раскрывается правовой статус президента при парламентарной, полупрезидентской и президентской системах правления, его особая роль как лидера и арбитра в политической жизни страны. Однако здесь не нашлось места для анализа становления советского и российского президентства. Возможно, это объясняется тем, что на момент публикации книги (1994) история российского президентства была слишком непродолжительной.

Формирование президентской республики в США. Прародиной современного института президентства являются Соединённые Штаты Америки, хотя первоначально термин «президент» появился ещё во времена Римской империи. По мнению Н.А. Сахарова данным термином обозначался человек, возглавлявший собрания, а позже так стали называть председательствующего в римском Сенате [15, с. 5]. Именно так вначале стали называть руководителя исполнительной власти колонии, а затем и главу государства. Но американцы не просто переняли данный термин, а по сути создали совершенно новый правовой институт. До появления президентства в США история не знала должностного лица, наделённого такими полномочиями.

В Новом Свете сложилась совершенно новая и ранее не существовавшая модель, при которой сформировался государственный механизм, основанный на системе сдержек и противовесов, где сильная единоличная власть контролировалась, представительным органом власти. Такая единоличная власть обладала полномочиями исполнительного органа, позволяющими самостоятельно разрешать многие вопросы, при недопущении доминирования законодательной власти.

Впрочем, нужно признать верной позицию Е.Б. Зюзиной, отмечавшей, что во многом построение американского государства, в том числе, и по вопросам, касающимся главы государства, строилось на новаторских идеях, пришедших из английской метрополии [8, с. 4]. На самом деле, модель, сложившаяся в американских колониях после принятия Правил Коннектикута в 1639 году, ставшей первой конституцией на американской земле и заложившей основы не только для колониального управления, но и государственной власти уже суверенного государства, опиралась на идею верховенства закона, выраженной в писаном акте и имеющем высшую ценность, и идее о разделении властей, реализуемой посредством эффективно функционирующего механизма сдержек и противовесов. Как ни странно, но существующие в настоящее время противоречия в американской модели государственного управления во многом уходят корнями именно в ту эпоху.

Правила штата Коннектикут предусматривали учреждение поста губернатора, являвшегося главой исполнительной власти и ассамблеи, выступавших представительным органом власти. Приоритет отводился ассамблее, что в конечном итоге привело к конфликту двух ветвей власти. Этот же конфликт можно было наблюдать и при разработке проекта конституции, когда пытались определить какое управление будет у штатов – единоличное или коллегиальное. Таким образом, можно говорить о том, что пост Губернатора и определение его статуса, есть не что иное, как первые шаги к разработке президентского статуса, поскольку «отцы-основатели», создавая новое государство, исходили из существующего опыта управления территорией.

Формально институт президентства зарождается в момент разработки проекта Конституции США в 1787 году. Камнем преткновения стал вопрос именно об организации управления в государстве. Рассматривалось несколько проектов. Первоначально стоял вопрос, создавать в штатах монархию или республику. Поддерживающие монархическую форму правления открыто говорили, что стране нужно сильное единоличное правление. Так, видный политический деятель А. Гамильтон утверждал, что американскому государству нужна именно американская форма правления, а монарх должен обладать правом абсолютного вето, что позволило бы нивелировать любые попытки законодательной власти (формирование которой всё же предусматривалось) ограничить власть главы государства [17]. Поддерживало эту концепцию и так называемое «Общество Цинцината», стремящееся наделить одного из героев революции Джорджа Вашингтона короной [14, с. 216].

Однако, как верно подметила С.Г. Паречина, институт монархии «оказался неприемлемым для североамериканских штатов, у которых британская корона выработала устойчивую неприязнь никем и ничем не ограниченной власти монарха» [13, с. 30]. Таким образом, решение было принято в пользу республиканской формы правления, но это не отменяло вопрос о том, будет ли управление государством единоличным или коллегиальным.

На Конвенте, созванном для принятия конституции, сформировалось две основные позиции – сильного единого государства во главе с сильным лидером и дискретного государства, возглавляемого парламентом. Первый проект получил название «Виргинского плана». За него выступали предста-

вители крупных штатов, стремящиеся утвердить своё влияние на всё государство. Противниками этой позиции были в основном делегаты от небольших штатов, стремившиеся сохранить широкую антимонополию в рамках единой страны.

«Виргинский план» предусматривал избрание исполнительной власти законодательными органами на бессрочной основе. Фактически это был несколько скорректированный проект монархии. Оппозиционные делегаты предлагали проект, при котором в стране формировался коллегиальный орган исполнительной власти, избираемый законодательными органами. В данном случае речь шла о парламентской республике, при этом правительство было усечено в правах, так как наделялось полномочиями исключительно в сфере финансов и торговли [9, с. 19].

Формально речь шла о едином государстве, управляемом парламентом, но фактически под ним скрывалась идея создать полностью децентрализованную страну, со слабой исполнительной властью. Учитывая достаточную независимость штатов, даже в настоящий момент можно было бы предположить, что такая модель была вполне приемлема для США, однако децентрализованное государство со слабым лидером не отвечало запросам молодого государства. Прежде всего, не гарантировало его выживания. А. Гамильтон отмечал, что слабый президент подразумевает соответственно и слабую деятельность всей его администрации, что, в конечном счете, равносильно неполноценному правлению [20].

Дискуссия привела к появлению компромиссного «Плана Мэдисона», который и лёг в основу Конституции США. В соответствии с ним, исполнительная власть возлагалась на одно должностное лицо со значительным объемом полномочий – Президента. При этом данный институт унаследовал некоторые внешние черты от Виргинской модели, а именно то, что Президент становился главой и символом государства. Избираться Президент должен был на четыре года с возможностью повторного избрания. Это положение гарантировало сменяемость власти, а значит невозможность возникновения диктатуры.

В вопросе прямого или косвенного избрания выбор был сделан в пользу коллегии выборщиков от каждого штата в количестве, равном общему числу сенаторов и членов Палаты представителей. Создание коллегии позволяло «свести к минимуму возможности будущих президентов путем подкупа, интриг или силы пожизненно занимать свой пост» [19, с. 326].

Со временем институт президентства в США эволюционировал в сторону своего усиления. Но, при этом сколь бы сильной не становилась президентская власть, она никогда не выходила за очерченные Конституцией США границы.

Таким образом, можно отметить, что американская модель президентства базировалась на уже существующей модели государственного управления, свойственной ещё американским колониям. Важным является тот факт, что в основу этой модели была положена концепция баланса между законодательной и исполнительной властью.

Президент США одновременно выступает и главой государства, и главой исполнительной власти, фактически занимая центральное место в сис-

теме государственного управления. Важно, что при этом президент выступает и *гарантом* идеи разделения властей. Это вызвано тем, что сам факт его существования и наличия у него весьма большого объема полномочий гарантирует баланс с сильной законодательной властью. Американская модель президентства стала ориентиром для построения сильной государственной власти, не противопоставляющей себя демократическим началам.

Стоит отметить нюанс, который сказался на существующих и по сей день проблемах президентской власти в США. Модель сильного президента изначально ориентировалась на Джорджа Вашингтона. То есть она эффективна, когда страной руководит действительно сильный глава государства. Если же президентские полномочия достаются слабому политику, мы наблюдаем проблемы в политической жизни страны, сказывающиеся на возрастании роли и влияния парламентской власти.

Тем самым, при всей привлекательности американской модели, уже даже на основе анализа истории возникновения президентства в США, можно увидеть недостатки этой модели, которые проявляются в отдельные периоды существования американского государства. Достаточно сослаться на проблемы пересчета голосов в отдельных штатах.

Библиографический список

1. *Абрамов Ю.К., Зубок В.М.* Партии и исполнительная власть в США (70–80-е годы). – М.: Наука, 1990. – 140 с.
2. *Бэррес Р.Т.* Документы Американской революции. Документы Американской Революции. Декларация независимости. Конституция Соединенных Штатов. Билль о правах: Перевод с английского / Пер.: Бжилянская И.А., Рыбин П.В. – М.-Тверь: Альба, Рос. экон. журн., 1994. – 222 с.
3. *Власихин В. А.* Американский конституционализм // США и Канада: Экономика. Политика. Культура. – 1999. – № 10. – С. 75–92.
4. См., напр.: *Галиев Ф.Х., Комаров С.А.* Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10; *Комаров С.А.* Правовое государство, личность, власть // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 25–31.
5. *Гринштейн Ф.* Личность и институт современного американского президентства // Социально-политический журнал. – 1995. – № 2. – С. 197–203.
6. *Егоров С.Е.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / Отв. ред.: Мишин А.А. – М.: Наука, 1993. – 198 с.
7. *Зюзина Е.Б.* Институт президентства в США и России: Сравнительный анализ: дисс. ... канд.полит.наук. – Воронеж, 2002. – 220 с.
8. *Зюзина Е.Б.* Сравнительный анализ института президентской власти. Учебно-методическое пособие по элективному курсу. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 17 с.
9. *Лафитский В.И.* Основы конституционного строя США. – М.: Норма, 1998. – 267 с.
10. *Локк Дж.* Сочинения // Два трактата о правлении. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
11. *Мишин А.А., Власихин В. А.* Конституция США. Политико-правовой комментарий. – М.: Международные отношения, 1983. – 336 с.
12. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

13. *Паречина С.Г.* Институт президентства: история и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. – Мн.: ИСПИ, 2003. – 163 с.
14. *Плешков В.Н.* Общество Цинциннати // Вопросы истории. – 1973. – № 11. – С. 214–219.
15. *Сахаров Н.А.* Институт президентства в современном мире. – М.: Юрид. лит., 1994. – 176 с.
16. *Скидмор М., Картер Т.* Американская система государственного управления. Пер. с англ. – М.: «Квадрат», 1993. – 378 с.
17. Становление американского государства / С.А. Исаев, А.А. Фурсенко, В.Н. Плешков и др.; Отв. ред. А.А. Фурсенко. – СПб.: Наука, 1992. – 318 с.
18. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с. // <http://grachev62.narod.ru/tokvill/chapt02.html#viii8>
19. *Уилсон Дж.* Американское правительство / Пер. с англ. Г.А. Стеценко и др. – М.: Прогресс. Универс, 1995. – 509 с.
20. Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея / Под общ. ред. и с предисловием Н.Н. Яковлева (с. 5–27). – М.: Прогресс: Литера, 1993. – 590 с.
21. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. – М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 688 с. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/shlez/index.php
22. Fisher L. Constitutional conflicts between Congress and the President. Princeton Univ. press, 1985. 372 p.
23. Tribe L.H., Dorf M.G. On reading of the Constitution. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1991. 135 p.
24. Tribe L.H. The American Constitutional Law. N.Y.: Foundation Press, 1978. 1204 p.

Для цитирования: *Калхидов В.А.* Институт президентуры в США: история и практика реализации // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 10–17.

US Presidency Institute: History and Practice of Implementation

V.A. Kalchidov*

Annotation. The article discusses the historiography of the establishment of the institution of presidency in the United States, reveals the reasons for the formation of the presidential republic, the theoretical and practical foundations of the implementation of the idea of the rule of law, the presence of a system of checks and balances. The author claims, following Russian and foreign scientists, that a completely new and previously non-existent model has been formed in the United States, based on democratic principles that have proved their relevance at the present time.

Keywords: president, separation of powers, system of checks and balances, legislative branch, executive branch, judicial branch, federalism, legal state.

* *Kalkhidov Vladislav Amiranovich*, graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg). E-mail: kalkhidov.vlad@mail.ru.

Scientific adviser – *Komarov Sergey Aleksandrovich*, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

In the Russian Federation, in parallel with the creation of new realities of government, a process of deepening the content of the rule of law, a practical optimization of the system of separation of powers, and an increase in the efficiency of the functioning of the legislative, executive and judicial powers are taking place. For this reason, “the great attention of political scientists, lawyers, and the general public is caused by the rich experience of state building that democratic states, in particular the United States, have accumulated over the years of their existence” [7].

In this article we will try to focus on the analysis of the institution of the presidency in the United States of America, which will allow us to identify similar features and differences in the organization and functioning of the institution in states that have different legal systems. The comparison will also allow comparing the implementation of the mechanism of the institution of the presidency in specific countries.

This topic is interesting and important because of the need, in the light of the reform of Russian statehood, of ways to transform the mechanism of government that can create conditions for the comprehensive development of our country.

A comparison of the Russian model of the institution of presidency with the American presidency is also interesting because in the United States, the question of opposing the presidential and parliamentary authorities was initially acute. In the early stages of the formation of the Russian state, the choice was given in favor of mixed, parliamentary-presidential, government. In the United States, by contrast, the president received great powers. It is worth noting that exactly the opposite processes are going on in our countries: in America they talk about the need to reduce presidential power in favor of parliamentary power; we have the exact opposite opinion. So, the comparison will allow you to see where the "excesses" were allowed in the American model.

The American presidency has often been the subject of research by many Western authors. It is worth highlighting the work of the French researcher Alexis de Tocqueville "Democracy in America" [18]. It is worth noting that the book was written by a foreigner who decided to study the government in America and the progress of democracy in the world. This work was able to enrich the study of the general problem of democracy in the world, as well as the more specific aspects emanating from it. According to its author, the main task of this book is to explain the reasons for the existence of a democratic republic in the United States.

Also, when writing this article, the works of the classics of European thought – J. Locke [10], S.-L. Montesquieu [12].

In the work of the American liberal historian A. Schlesinger, “Cycles of American History”, which is a series of essays, one of them, “The Imperial Presidency”, is completely devoted to the study of presidential power in the system of executive bodies of the USA [21].

A significant source on the theory of American constitutionalism was a collection of articles by A. Hamilton, M. Madison and J. Jay, “Federalist” [20], although they had different political views and sympathies; however, their political preferences were dissolved in common to all three ideas about the art of management.

One of the most important sources should also be noted the work of R. Barres "Documents of the American Revolution" [2], in which the author pays special attention to the history of the creation of the American republic and its political institutions, analyzes the main documents, including the "Declaration of Independence", "Constitution", "Bill of Rights."

The US constitutional system continues to attract great attention from both theoreticians and political practitioners. Many foreign and domestic authors describe and comment on the structure of the Constitution, the fundamental principles of the state system contained in it (separation of powers, federalism); separate constitutional and legal principles (rule of law, etc.); system of supreme bodies of state power (Congress, President, Supreme Court); their competence and relationships (their powers enshrined in the constitution); the problem of stability and constitutional amendments, etc.

We study individual constitutional principles and doctrines that are not directly reflected in the Constitution, but are recognized as such as a result of precedents established in US constitutional law, as well as the powers of the executive and legislative powers, which have precedents in constitutional law, but are still debatable and did not receive a clear definition in the legislation (for example, the president's right to remove top federal officials from office).

In the political and legal studies and concepts of the American Constitution (basic constitutional principles and institutions), several directions can be identified: the study of the US Constitution as an object of political and legal analysis; analysis of the principle of separation of powers and its application in practice and the study of political institutions of state power.

Among the authors of scientific legal treatises on constitutional law, American state scholars L. Tribe and M. Dorf stand out, who believe that the American Constitution is preserved today not only as a fundamental law, but also as a mystical phenomenon, which is the essence of the American national spirit? In their opinion, the invariability of the text of the Constitution, which even changes in certain norms are powerless to violate, gives the basic law the quality of a "sacred mystical phenomenon", and helps to increase respect for it [23]. L. Tribe defends the idea of "unsteady constitutional law", which manifests itself in the fact that the Basic Law remains a document open to various interpretations, limited only by the values that animate the provisions of the Constitution, and the complex political process that it creates [24].

It should be noted that in contrast to the formal legal studies on constitutional law, in political science works by J. Wilson [19], Yu.K. Abramova and B.M. Tooth [1], M. Skidmore and T. Carter [16] et al. Contain an analysis of the relationship between the legal and "living" constitution, as well as extra-constitutional structures, functions, and customs that have a significant impact on the modern constitutional mechanism of government (for example, electoral system, political parties).

The theory and practice of separation of powers, the system of checks and balances, as well as their practical implementation, the rule of law in its various manifestations are in the focus of attention of both modern Russian [4, 6, 11] and foreign state and political scientists. Various aspects of the mechanism of separation of powers have become the subject of many publications by both

foreign and domestic authors. Among them, studies on the formation, evolution and current state of the separation of powers in the US constitutional mechanism, the relationship of the main constitutional institutions. From a huge body of literature on these issues, we note the work of the professor of constitutional law L. Fisher [22], who, analyzing the problem of separation of powers in the US constitutional mechanism, concludes that the too general nature of the provisions of the Constitution can lead to an arbitrary interpretation of the powers and functions of individual branches of government and as a result of usurpation.

Hence, at each particular stage of history, he recalls, one branch of power plays a dominant role, the other is subordinate. Many of the problems of separation of powers, according to L. Fisher, (in particular, the doctrine of “delegated authority”) owe their existence to the evolution of the US state mechanism, which required a significant revision and expansion of the actual powers of the main federal authorities.

Interest in structures – the constitutional foundations and practical forms of the presidency – is faced with interest in the personalities of the presidents themselves, their origin, education, their strengths and weaknesses, their political actions and omissions, their collapse and greatness. The personalities of the presidents, according to Princeton University professor F. Greenstein, are “an integral part of the American political system and equally need close and constant study” [5, p. 198]. Biographies of American presidents devoted to a large number of works of domestic and foreign authors.

For the first time in domestic literature, a review of presidential power in various countries and regions of the world is presented in the work of N.A. Sakharov "Institute of the Presidency in the Modern World" [15]. It reveals the legal status of the president in parliamentary, semi-presidential and presidential systems of government, his special role as a leader and arbiter in the political life of the country. However, there was no place for analysis of the formation of the Soviet and Russian presidency. Perhaps this is due to the fact that at the time of the publication of the book (1994), the history of the Russian presidency was too short.

The formation of a presidential republic in the United States. The ancestral home of the modern institution of presidency is the United States of America, although initially the term “president” appeared back in the days of the Roman Empire. According to N.A. Sakharov, this term refers to the person who headed the meeting, and later they began to call the chairman of the Roman Senate [15, p. 5]. That is how at first they began to call the head of the executive branch of the colony, and then the head of state. But the Americans did not just adopt the term, but essentially created a completely new legal institution. Before the presidency in the United States, history did not know an official endowed with such powers.

In the New World a completely new and previously non-existent model was formed, in which a state mechanism was formed, based on a system of checks and balances, where a strong sole power was controlled by a representative authority. Such a sole authority possessed the authority of the executive body, allowing to independently resolving many issues, while avoiding the dominance of the legislature.

However, it is necessary to recognize the position of E.B. Zyuzina, who noted that in many ways the construction of the American state, including on issues related to the head of state, was based on innovative ideas that came from the English metropolis [8, p. 4]. In fact, the model that developed in the American colonies after the adoption of the Connecticut Rules in 1639, which became the first constitution on American soil and laid the foundations not only for colonial administration, but also for the state power of an already sovereign state, was based on the idea of the rule of law, expressed in written an act of supreme value and the idea of a separation of powers, implemented through an effectively functioning mechanism of checks and balances. Oddly enough, but the current contradictions in the American model of government are largely rooted in precisely that era.

Connecticut rules provided for the establishment of the post of governor, who was the head of the executive branch and assemblies acting as a representative body. Priority was given to the assembly, which ultimately led to a conflict between the two branches of government. The same conflict could be observed during the development of the draft constitution, when they tried to determine whether the states would have sole control or collective control. Thus, we can say that the post of the Governor and the determination of his status are nothing but the first steps to develop a presidential status, since the "founding fathers", creating a new state, proceeded from the existing experience in managing the territory.

Formally, the institution of the presidency was born at the time of drafting the US Constitution in 1787. The stumbling block was the question of the organization of government in the state. Several projects were considered. The initial question was whether to create a monarchy or a republic in the states. Those who supported the monarchical form of government openly said that the country needed strong, one-man rule. So, a prominent politician A. Hamilton argued that the American state needed exactly the American form of government, and the monarch should have the right of absolute veto, which would level any attempts of the legislative power (the formation of which was still envisaged) to limit the power of the head of state [17]. The so-called "Cincinnatus Society", which seeks to endow one of the heroes of the revolution of George Washington with a crown, supported this concept [14, p. 216].

However, as S.G. Parechina, the institution of the monarchy "was unacceptable to the North American states, for which the British crown developed a stable hostility by the monarch's unlimited power" [13, p. thirty]. So, the decision was made in favor of the republican form of government, but this did not negate the question of whether state administration would be sole or collective.

At the Convention, convened to adopt the constitution, two main positions were formed – a strong united states headed by a strong leader and a discrete state headed by parliament. The first project was called the Virginia Plan. Representatives of large states spoke for him, striving to assert their influence on the entire state. Opponents of this position were mainly delegates from small states who sought to maintain broad antimony within the framework of a single country.

The Virginia Plan provided for the election of the executive branch by legislatures on an unlimited basis. In fact, it was a slightly adjusted draft of the

monarchy. Opposition delegates proposed a project in which a collegial executive body elected by the legislature was formed in the country. In this case, it was a parliamentary republic, while the government was truncated in rights, as it was vested with powers exclusively in the field of finance and trade [9, p. nineteen].

Formally, it was a single state, ruled by parliament, but in fact it hid the idea of creating a fully decentralized country with a weak executive branch. Given the sufficient independence of the states, even at the moment it could be assumed that such a model was quite acceptable for the United States, but a decentralized state with a weak leader did not meet the needs of the young state. First of all, it did not guarantee his survival. A. Hamilton noted that a weak president implies, accordingly, the weak activity of his entire administration, which, in the final analysis, is tantamount to an inferior board [20].

The discussion led to the emergence of a compromise "Madison Plan", which formed the basis of the US Constitution. In accordance with it, the executive power was vested in one official with a significant amount of authority – the President. Moreover, this institution inherited some external features from the Virginia model, namely, that the President became the head and symbol of the state. The President was to be elected for four years with the possibility of re-election. This provision guaranteed the change of power, which means the impossibility of a dictatorship.

On the issue of direct or indirect election, the choice was made in favor of the electoral college from each state in an amount equal to the total number of senators and members of the House of Representatives. The creation of the collegium made it possible to "minimize the possibilities of future presidents by taking bribes, intrigues, or the strength to hold their posts for life" [19, p. 326].

Over time, the institution of presidency in the United States evolved with a roll towards its strengthening. But at the same time, no matter how strong the presidential power becomes, it never goes beyond the boundaries outlined by the US Constitution.

So, it can be noted that the American model of presidency was based on the already existing model of government, which is still characteristic of the American colonies. It is important that this model was based on the concept of a balance between the legislative and executive branches.

The President of the United States simultaneously acts as both the head of state and the head of the executive branch, effectively occupying a central place in the system of government. It is important that the president also acts as a guarantor of the idea of separation of powers. This is due to the fact that the very fact of its existence and the presence of a very large volume of powers guarantees a balance with a strong legislative power. The American model of presidency has become a reference point for building a strong state power that does not oppose democratic principles.

It is worth noting the nuance that affected the problems of presidential power in the United States to this day. The model of a strong president was originally geared toward George Washington. That is, it is effective when the country is ruled by a really strong head of state. If the presidential powers go to a weak politician, we observe problems in the political life of the country, affecting the increasing role and influence of parliamentary power.

So, despite the attractiveness of the American model, even on the basis of an analysis of the history of the emergence of the presidency in the United States, one can see the shortcomings of this model that manifest themselves in separate periods of the existence of the American state. It is enough to refer to the problems of recounting votes in individual states.

Bibliographic list

1. Abramov Yu.K., Tooth B.M. Parties and the executive branch in the USA (70–80s). Moscow: Nauka, 1990. 140 p.
2. Barres R.T. Documents of the American Revolution. Documents of the American Revolution. Declaration of Independence. United States Constitution. Bill of Rights: Translated from English / Transl.: Bzhilyanskaya I.A., Rybin P.V. Moscow-Tver: Alba, Ros. econ. Zh., 1994. 222 p.
3. Vlasikhin V. A. American constitutionalism. // USA and Canada: Economics. Policy. The culture. 1999. No. 10. P. 75–92.
4. See, for example: Galiev F.Kh., Komarov S.A. The rule of law and legal culture: the relationship and interdependence // Jurisprudence. 2016. No. 6. P. 5–10; Komarov S.A. The rule of law, personality, power // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 2. P. 25–31.
5. Greenstein F. Personality and Institute of the Modern American Presidency // Socio-Political Journal. 1995. No. 2. P. 197–203.
6. Egorov S.E. Constitutionalism in the United States: Political and Legal Aspects / Otv. Ed. : Mishin A.A. Moscow: Nauka, 1993. 198 p.
7. Zyuzina E.B. The Institute for the Presidency of the United States and Russia: A Comparative Analysis: Diss ... Cand. Polit. sciences. Voronezh, 2002. 220 p.
8. Zyuzina E.B. Comparative analysis of the institution of presidential power. Teaching aid for the elective course. Voronezh: Voronezh State University. 2005. 17 p.
9. Lafitsky V.I. The foundations of the constitutional system of the United States. Moscow: Norma, 1998. 267 p.
10. Locke J. Works // Two treatises on the board. T.Z. Moscow: Thought, 1988. 668 p.
11. Mishin A.A., Vlasikhin V.A. US Constitution. Political and legal commentary. Moscow: International relations, 1983. 336 p.
12. Montesquieu S. Selected works. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 803 p.
13. Parechina S.G. The Institute of the Presidency: History and Present / Under the Society. ed. E.V. Matusevich. Minsk: ISPI, 2003. 163 p.
14. Pleshkov V.N. Cincinnatus Society // History. 1973. No. 11. P. 214–219.
15. Sakharov N.A. Institute of presidency in the modern world. Moscow: Jurid. lit. 1994. 176 p.
16. Skidmore M, Carter T. American system of government. Per. with eng. Moscow: "Square", 1993. 378 p.
17. The formation of the American state / S.A. Isaev, A.A. Fursenko, V.N. Pleshkov and others; Repl. ed. A.A. Fursenko. St. Petersburg: Nauka, 1992. 318 p.
18. Tocqueville A. de. Democracy in America. Moscow: Progress, 1992. 554 p. // <http://grachev62.narod.ru/tokvill/chapt02.html#viii8>
19. Wilson J. American government / Per. from English G.A. Stetsenko et al. Moscow: Progress. Univers, 1995. 509 p.
20. Federalist: Political essays by Alexander Hamilton, James Madison and John Jay / ed. and with a preface by N.N. Yakovlev (p. 5–27). Moscow: Progress: Litera, 1993. 590 p.

21. Schlesinger A. Cycles of American History M.: Progress Publishing Group, Progress Academy, 1992. 688 p. // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/shlez/index.php

22. Fisher L. Constitutional conflicts between Congress and the President. Princeton Univ. press, 1985. 372 p.

23. Tribe L.H., Dorf M.G. On reading of the Constitution. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1991. 135 p.

24. Tribe L.H. The American Constitutional Law. N.Y.: Foundation Press, 1978. 1204 p.

For citation: Kalkhidov V.A. US Presidency Institute: History and Practice of Implementation // Legal Thought. 2019. No 6 (116). P. 17-24.

12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

УДК 342.51

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.002

Основы правового регулирования системы органов исполнительной власти Российской Федерации

С.С. Добрынский*

Аннотация. Проанализированы основные достоинства и недостатки правового регулирования системы органов исполнительной власти Российской Федерации, сделан вывод о её эффективности при формировании системы и структуры федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: система федеральных органов исполнительной власти, структура федеральных органов исполнительной власти, смешанная избирательная система.

В Российской Федерации уже на протяжении более 16 лет функционирует система федеральных органов исполнительной власти, установленная Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (далее – Указ № 314) [1], которая подразумевала создание федеральных министерств, федеральных агентств и федеральных служб вместо действовавших ранее государственных комитетов, федеральных комиссий, российских агентств, федеральных надзоров и государственных комиссий. В результате принятия этого Указа было преобразовано 15, образовано (создано) 41, переименовано 3, упразднено 24 федеральных органа исполнительной власти. Таким образом, в процессе реформирования исполнительной власти появилось более 70 органов исполнительной власти федерального уровня, включающих в себя около 10 федеральных министерств и 30 федеральных агентств. Федеральные службы насчитывали 34 органа [2].

* *Добрынский Сергей Сергеевич*, студент Института права и национальной безопасности по направлению «Юрист в государственном аппарате» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sergey_d-y@mail.ru

Научный руководитель – *Гречкина Ольга Владимировна*, профессор кафедры административного и информационного права Института права и национальной безопасности национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: grechkina-ov@ranepa.ru

Начиная с 2004 г. и заканчивая 2019 г., происходили постоянные изменения в организации федеральных органов исполнительной власти. Если проследить за их реформированием, то можно обратить внимание на многообразие форм изменений, характер их интенсивности и схожие характерные особенности.

В данный период было опубликовано около 50 указов Президента РФ, преобразующих системно-структурную целостность органов исполнительной власти. При соответствующих расчётах можно прийти к выводу, что изменения происходили с частотой в каждые 90 дней. Сущность предпринимаемых мер преобразования варьировалась от образований до ликвидаций, от смены подведомственной сферы до переименований [3]. Особую ценность представляют те из указов Президента, которые утверждают устройство федеральных органов исполнительной власти. Число подобных указов равняется шести. К ним относятся указы Президента Российской Федерации, устанавливающие систему и структуру федеральных органов исполнительной власти в 2004, 2007, 2008, 2012, 2018, 2019 гг.

Представленные нормативные акты формируют более точное представление о принципах деятельности федеральных органов исполнительной власти. Например, Указ № 314 характерен не только утверждением трёхуровневой системы исполнительной власти. В нем закрепляется функциональное и правовое разграничение ответственности министерств, агентств и служб. Также было проведено уточнение вопросов формирования руководящих аппаратов и положений о федеральных органах исполнительной власти.

Интересное нововведение демонстрирует Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». Новизна заключалась в расширении полномочий заместителя федерального министра. Согласно Указу, заместитель мог брать на себя обязательства по руководству федеральным агентством, находящимся в ведении данного министерства [10].

Важно отметить, что современная структура органов исполнительной власти федерального уровня характеризуется высокими темпами реформирования и реорганизации. Однако соотношение темпов и эффективности изменений вызывает серьёзные вопросы, связанные с неразрешёнными вопросами в отношении нормативно-правовой базы для существования системы органов исполнительной власти.

Так, согласно п. «г» ст. 71 Конституции Российской Федерации, утверждение принципов устройства и функционирования органов исполнительной власти находится в зоне ответственности РФ. Но в Конституции РФ нельзя найти пояснения о принадлежности данной ответственности какой-либо из существующих должностей или структур. Согласно п. 1 ст. 76 Конституции РФ по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы. Это означает, что система федеральных органов исполнительной власти должна закрепляться законодательно [4].

В современном правовом поле системная целостность федеральных органов исполнительной власти зависит от распоряжений и принимаемых

указов президента РФ. Конституционный Суд РФ даёт важное пояснение по этому вопросу в постановлении от 27.01.1999 № 2-п «По делу о толковании статей 71 (пункт "г"), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» [2], ссылаясь на указ президента РФ. Разъяснение заключается в существовании альтернативного разрешения спорного вопроса о системе федеральных органов посредством иных правовых документов. Единичные случаи точного следования федеральным законам прописаны в Конституции РФ [2]. Однако данная правовая позиция Конституционного Суда РФ не давала каких-либо аргументов в пользу обоснованности сомнительного характера законодательной фиксации. Подобные попытки были предприняты президентом РФ Б.Н. Ельциным.

Так, 1 марта 1995 г. в Государственной Думе ФС РФ был зарегистрирован внесённый Президентом РФ проект федерального закона № 95013722-1 «О федеральных органах исполнительной власти» [3]. Пояснительная записка обуславливает принятие федерального закона на основе ст. 10, п. «г» ст. 71, ч. 1 ст. 76, ч. 1, 2, 3 ст. 78, а также ст. 112 Конституции РФ. Законодательная инициатива Б.Н. Ельцина оставалась без рассмотрения вплоть до января 2003 г., в котором её отозвали. Этот год характеризуется реализацией начального этапа в административном реформировании органов исполнительной власти на территории РФ.

Законопроект «О федеральных органах исполнительной власти» включал в систему исполнительной власти такие субъекты, как Правительство РФ, федеральные министерства и иные органы исполнительной власти. Последняя категория, на наш взгляд, остаётся без раскрытия смыслового наполнения. Действующий в настоящее время Указ Президента утверждает наличие 3-х специальных органов в системе федеральной исполнительной власти. Данными органами являются федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. Вышеуказанный нормативно-правовой акт закрепляет полномочия и устройство федеральных органов. Однако, по-прежнему неразрешённым остаётся вопрос об ответственности за реформирование системы органов исполнительной власти. Законопроект наделяет полномочиями в данном вопросе Президента РФ (ст. 10, 11, 12). Эти положения практически осуществляются указом Президента РФ.

Данный законопроект не лишён противоречий. В условиях перехода в рыночную систему экономических отношений эффективность данного закона, заключающаяся в мобильности реорганизации государственного аппарата исполнительной власти, неоспорима. Но Конституция РФ 1993 года не относит должность Президента РФ к органам исполнительной власти. По Конституции РФ Президент РФ, являясь главой государства, не входит в систему разделения властей. Президент обеспечивает согласование между деятельностью разных ветвей власти, обеспечивает действие всего государственного механизма [9, с. 36], чему противоречит вышеуказанный законопроект, рассматривающий Президента РФ как основной источник реализации исполнительной власти.

Данный недостаток отметил Комитет Государственной Думы. В ходе тщательного рассмотрения Комитет выявил также отсутствие конкретики в вопросе существования федеральных формирований исполнительной

власти и отсутствие разграничения подведомственного формирования органов Правительством и Президентом РФ.

Законопроект Президента РФ Б.Н. Ельцина усугубил неясность конституционных формулировок относительно органов исполнительной власти. Рассмотрение проблемного вопроса в призме п. «г» ст. 71 определяло его как юрисдикцию Федерального Парламента. Но положение нормативно-правового акта вносит неопределённость в понимание юридического смыслового наполнения статуса Президента РФ. Правовое разрешение спорного вопроса возможно с разработкой соответствующего законопроекта, вводящего больше ответственности в деятельность Федерального Собрания РФ. Это поможет ликвидировать неопределённость в процессе формирования системы органов исполнительной власти.

Серьёзной проблемой остаётся отсутствие юридических оснований в виде федерального закона относительно вопроса по упорядочиванию становления органов исполнительной власти федерального уровня. Данного мнения придерживается Ю.Н. Стариков, где в одной из своих книг он определяет юридическую силу указов Президента РФ как причину высоких темпов реформирования и отсутствия статичных форм существования органов исполнительной власти [7].

Понятие терминов «система» и «структура» в российском законотворческом пространстве отсутствует, что позволяет очень часто устанавливать между ними некорректное тождественное равенство, несмотря на то, что они действительно в чём-то схожи. Данная погрешность негативно отражается на формировании цельного аппарата федеральной исполнительной власти [8].

Исходя из вышесказанного, предлагается устранить данный пробел, изложив в следующей редакции п. 1 Указа Президента РФ № 314:

«1. Установить, что под системой федеральных органов исполнительной власти понимается комплекс государственных органов, сгруппированных по организационно-правовым формам, находящихся между собой в упорядоченных, закономерных связях, образующих единое целое с целью реализации исполнительной власти на всей территории Российской Федерации, исходя из установленных предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В систему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства».

Одновременно с этим предлагается дополнить п. 1.1 Указа Президента РФ № 314, изложив его в следующей редакции:

«1.1. Установить, что структура федеральных органов исполнительной власти – перечень действующих в Российской Федерации федеральных органов исполнительной власти, имеющих четкое разграничение управленческих функций, взаиморасположение которых в системе федеральных органов исполнительной власти определяется исходя из осуществления руководства их деятельностью Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации».

Устранение вышеизложенных неопределённостей и неясностей в законотворческом административном пространстве повысит качество реализа-

ции функции государственного управления. Это тем более актуально, как считает С.А. Комаров, в свете требований законодательного закрепления пределов правотворческих полномочий министерств, ведомств, государственных комитетов и служб, форм взаимодействия федеральных органов, органов субъектов федерации, местного самоуправления в исполнительной вертикали. Данное положение необходимо закрепить в виде отдельной статьи как в Конституции РФ, так и в конституциях и уставах субъектов федерации [11, с. 292].

Библиографический список

1. См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 (ред. от 12.04.2019) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 945.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 2-П // URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27011999-n/> (дата обращения: 18.10.2019).
3. См.: Проект федерального закона № 95013722-1 «О федеральных органах исполнительной власти» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95013722-1>
4. Занко Т.А. Анализ изменений системы и структуры федеральных органов исполнительной власти (2004–2016 гг.) // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 636–639.
5. Занко Т.А. Новые формы реорганизации в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти // Право и политика. – 2019. – № 5. – С. 1139–1141.
6. Брикульский И.А. Проблема нормативного закрепления системы федеральных органов исполнительной власти: историко-правовой аспект // В сб.: Право, общество, государство: проблемы теории и истории / Сборник материалов Международной студенческой научной конференции. – М.: Изд-во «Российский университет дружбы народов», 2019. – С. 81–83.
7. Стариков Ю. Н. Система федеральных органов исполнительной власти: формирование в порядке транспарентного законотворчества или правительственных процедур? // Вестник Воронежского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 16–57.
8. Туровская В. А. О некоторых проблемах построения эффективной системы федеральных органов исполнительной власти по надзору и контролю // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 2. – С. 34–38.
9. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
10. См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 14.09.2018, с изм. от 21.01.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 22. – Ст. 2754.
11. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

Для цитирования: Добрынский С.С. Основы правового регулирования системы органов исполнительной власти Российской Федерации // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 25–29.

**Fundamentals of legal regulation
of the system of executive authorities
of the Russian Federation**

S.S. Dobrynsky*

Annotation. The main advantages and disadvantages of legal regulation of the system of executive bodies of the Russian Federation are analyzed, a conclusion is made about its effectiveness in the formation of the system and structure of federal executive bodies. Due to the lack of legislative consolidation of the concepts of “system” and “structure” of executive authorities, it is proposed to eliminate this gap by setting out paragraph 1 of Presidential Decree of March 9, 2004 No. 314 “On the system and structure of federal executive bodies” in the new edition.

Key words: system of federal executive bodies, structure of federal executive bodies, mixed electoral system.

For over 16 years now, the system of federal executive bodies has been functioning in the Russian Federation, established by Decree of the President of the Russian Federation dated 09.03.2004 No. 314 “On the system and structure of federal executive bodies” (hereinafter – Decree No. 314) [1], which implied the creation of federal ministries, federal agencies and federal services instead of the previously existing state committees, federal commissions, Russian agencies, federal supervisors and state commissions. As a result of the adoption of this Decree, 15 were transformed, 41 were formed (created), 3 were renamed, and 24 federal executive bodies were abolished. Thus, in the process of reforming the executive branch, more than 70 executive bodies of the federal level appeared, including about 10 federal ministries and 30 federal agencies. Federal services totaled 34 bodies [2].

Beginning in 2004 and ending in 2019, there have been constant changes in the organization of federal executive bodies. If we follow their reform, we can pay attention to the variety of forms of change, the nature of their intensity and similar characteristic features.

During this period, about 50 decrees of the President of the Russian Federation were published, transforming the systemic and structural integrity of executive bodies. With appropriate calculations, we can conclude that the changes occurred with a frequency of every 90 days. The essence of the transformation measures undertaken varied from formations to liquidations, from a change in the subordinate sphere to renaming [3]. Of particular value are those of Presidential decrees that approve the structure of federal executive bodies. The number of such decrees is six. These include decrees of the President

* *Dobrynsky Sergey Sergeevich*, student of the Institute of Law and National Security in the direction “Lawyer in the state apparatus” of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sergey_d-y@mail.ru

Scientific adviser – *Olga Vladimirovna Grechkina*, Professor, Department of Administrative and Information Law, Institute of Law and National Security National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: grechkina-ov@ranepa.ru

of the Russian Federation establishing the system and structure of federal executive bodies in 2004, 2007, 2008, 2012, 2018, 2019.

The presented normative acts form a more accurate idea of the principles of activity of federal executive bodies. For example, Decree No. 314 is characterized not only by the approval of a three-level system of executive power. It enshrines the functional and legal differentiation of responsibilities between ministries, agencies and services. Also, clarification of the formation of governing apparatuses and regulations on federal executive bodies was carried out.

An interesting innovation is demonstrated by Decree of the President of the Russian Federation dated May 21, 2012 No. 636 "On the Structure of Federal Executive Bodies". The novelty was to expand the powers of the deputy federal minister. According to the Decree, the deputy could take responsibility for the management of the federal agency under the jurisdiction of this ministry [10].

It is important to note that the modern structure of federal executive bodies is characterized by high rates of reform and reorganization. However, the ratio of the pace and effectiveness of the change raises serious questions related to unresolved issues regarding the regulatory framework for the existence of a system of executive bodies.

So, according to paragraph "d" of Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation, the approval of the principles of the structure and functioning of executive authorities is in the area of responsibility of the Russian Federation. But in the Constitution of the Russian Federation it is impossible to find explanations about the belonging of this responsibility to any of the existing posts or structures. According to paragraph 1 of Art. 76 of the Constitution of the Russian Federation on subjects of competence of the Russian Federation, federal constitutional laws and federal laws are adopted. This means that the system of federal executive bodies should be fixed by law [4].

In the modern legal field, the systemic integrity of federal executive bodies depends on the orders and decrees of the President of the Russian Federation. The Constitutional Court of the Russian Federation gives an important explanation on this issue in the decision of January 27, 1999, No. 2-p, "In the Case of the Interpretation of Articles 71 (Clause "d"), 76 (Part 1) and 112 (Part 1) of the Constitution of the Russian Federation" [2], referring to the decree of the President of the Russian Federation. The explanation lies in the existence of an alternative resolution of the controversial issue of the system of federal bodies through other legal documents. Isolated cases of exact adherence to federal laws are prescribed in the Constitution of the Russian Federation [2]. However, this legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation did not give any arguments in favor of the validity of the dubious nature of legislative fixation. Similar attempts were made by President of the Russian Federation B.N. Yeltsin.

So, on March 1, 1995, in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, a draft federal law No. 95013722-1 "On federal executive bodies" [3] was introduced by the President of the Russian Federation. The explanatory note stipulates the adoption of a federal law on the basis of Art. 10, p. "D" Art. 71, part 1, article 76, parts 1, 2, 3, Art. 78, as well as Art. 112 of the

Constitution of the Russian Federation. The legislative initiative of B.N. Yeltsin remained without consideration until January 2003, in which she was recalled. This year is characterized by the implementation of the initial stage in the administrative reform of executive bodies in the Russian Federation.

The draft law "On Federal Executive Bodies" included subjects such as the Government of the Russian Federation, federal ministries, and other executive bodies in the system of executive power. The last category, in our opinion, remains without the disclosure of semantic content. The current Presidential Decree approves the presence of 3 special bodies in the federal executive branch. These bodies are federal ministries, federal services and federal agencies. The above legal act establishes the powers and structure of federal bodies. However, the issue of responsibility for reforming the system of executive authorities remains unresolved. The bill empowers the President of the Russian Federation in this matter (Articles 10, 11, 12). These provisions are practically implemented by decree of the President of the Russian Federation.

This bill is not without controversy. In the context of the transition to a market system of economic relations, the effectiveness of this law, which consists in the mobility of the reorganization of the state apparatus of the executive branch, is undeniable. But the 1993 Constitution of the Russian Federation does not classify the position of the President of the Russian Federation as an executive authority. Under the Constitution of the Russian Federation, the President of the Russian Federation, being the head of state, is not included in the system of separation of powers. The President ensures coordination between the activities of different branches of government, ensures the operation of the entire state mechanism [9, p. 36], which contradicts the above bill, which considers the President of the Russian Federation as the main source of implementation of the executive branch.

This flaw was noted by the State Duma Committee. In the course of a thorough review, the Committee also revealed the lack of specificity in the issue of the existence of federal executive power formations and the lack of differentiation between the subordinate bodies of the Government and the President of the Russian Federation.

The bill of the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin was aggravated by the vagueness of constitutional language regarding executive bodies. Consideration of a problematic issue in the prism of paragraph "d" of Art. 71 defined it as the jurisdiction of the Federal Parliament. But the provision of a normative legal act introduces uncertainty into the understanding of the legal semantic content of the status of the President of the Russian Federation. Legal resolution of a controversial issue is possible with the development of an appropriate bill introducing more responsibility into the activities of the Federal Assembly of the Russian Federation. This will help to eliminate the uncertainty in the process of forming the system of executive authorities.

A serious problem is the lack of legal grounds in the form of a federal law regarding the issue of streamlining the formation of executive bodies at the federal level. This opinion is shared by Yu. N. Starilov, where in one of his books he defines the legal force of decrees of the President of the Russian Federation

as the reason for the high pace of reform and the absence of static forms of existence of executive authorities [7].

The concept of the terms “system” and “structure” is absent in the Russian legislative space, which allows us to very often establish incorrect equality between them, despite the fact that they are somewhat similar. This error negatively affects the formation of a single apparatus of the federal executive branch [8].

Based on the foregoing, it is proposed to eliminate this gap by setting forth in the next version of paragraph 1 of the Decree of the President of the Russian Federation No. 314:

"1. To establish that the system of federal executive bodies is understood as a complex of state bodies, grouped by organizational and legal forms, located among themselves in strengthened, regular ties, forming a single whole for the purpose of exercising executive power throughout the Russian Federation, based on established jurisdictions and powers of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation. The system of federal executive bodies includes federal ministries, federal services and federal agencies.”.

At the same time, it is proposed to supplement paragraph 1.1 of Presidential Decree No. 314, setting out as follows:

"1.1. To establish that the structure of federal executive bodies is a list of federal executive bodies operating in the Russian Federation that have a clear delineation of managerial functions, whose mutual arrangement in the system of federal executive bodies is determined based on the management of their activities by the President of the Russian Federation or the Government of the Russian Federation.”.

The elimination of the above uncertainties and ambiguities in the legislative administrative space will increase the quality of the implementation of the function of public administration. This is all the more relevant, according to S.A. Komarov, in the light of the requirements for legislative fixing of the limits of law-making powers of ministries, departments, state committees and services, forms of interaction between federal bodies, bodies of constituent entities of the federation, and local self-government in the executive vertical. This provision must be consolidated as a separate article both in the Constitution of the Russian Federation and in the constitutions and charters of the subjects of the federation [11, p. 292].

Bibliographic list

1. See: Decree of the President of the Russian Federation of March 09, 2004 No. 314 (as amended on April 12, 2019) “On the System and Structure of Federal Executive Bodies” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11. Art. 945.

2. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 27, 1999 No. 2-P // URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27011999-n/> (appeal date: 18.10.2019).

3. See: Draft federal law No. 95013722-1 "On federal executive bodies" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95013722-1>

4. Zanko T.A. Analysis of changes in the system and structure of federal executive bodies (2004–2016) // Administrative and municipal law. 2016. No. 8. P. 636–639.

5. Zanko T.A. New forms of reorganization in the system and structure of federal executive bodies // *Law and Politics*. 2019. No 5. P. 1139–1141.

6. Brikulsky I.A. The problem of normative consolidation of the system of federal executive bodies: historical and legal aspect // In: *Law, society, state: problems of theory and history* / Collection of materials of the International Student Scientific Conference. Moscow: Publishing House "Peoples' Friendship University of Russia", 2019. P. 81–83.

7. Starilov Yu. N. The system of federal executive bodies: the formation of transparent lawmaking or government procedures? // *Bulletin of Voronezh State University*. 2016. No. 3. P. 16–57.

8. Turovskaya V. A. About some problems of building an effective system of federal executive bodies for supervision and control // *State power and local self-government*. 2017. No. 2. P. 34–38.

9. See: *Commentary on the Constitution of the Russian Federation* / S. A. Komarov [et al.]; under the editorship of S.A. Komarov. – 3rd ed., Revised. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p. (Series: Professional Comments).

10. See: Decree of the President of the Russian Federation dated May 21, 2012 No. 636 “On the structure of federal executive bodies” (as amended on September 14, 2018, as amended on January 21, 2020) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 22. Art. 2754.

11. Komarov, S. A. *General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs* / S. A. Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p. (Series: Bachelor and Master. Academic Course).

For citation: Dobrynsky S.S. Fundamentals of legal regulation of the system of executive authorities of the Russian Federation // *Legal Thought*. 2019. No 6 (116). P. 30–34.

ГРАЖДАНСКИЙ ДОХОД В ИТАЛИИ. СПОРЫ О ЕГО СООТВЕТСТВИИ КОНСТИТУЦИИ И НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

Д.Н. Кинцлер*

Аннотация. Важным нововведением для системы социального обеспечения Италии стал гражданский доход. К претендующим на его получение лицам предъявляются очень жесткие требования, не все из которых согласуются с принципом недискриминации. Речь идет о требовании проживания иностранцев на территории Италии в течение 10 лет. Юристы полагают, что данное требование противоречит не только Конституции страны, но также нормам европейского и международного права. В статье приводятся доводы в поддержку данной позиции.

Ключевые слова: гражданский доход, право Европейского союза, социальное обеспечение, пенсионер, дискриминация, Конституционный суд Италии, Европейский Суд.

Согласно статье 38 Конституции Итальянской республики «каждый гражданин, который не имеет возможности работать и нуждающийся в средствах к существованию, имеет право на социальную поддержку и услуги. Трудящиеся имеют право на предоставление соразмерных их потребностям выплат в случае несчастного случая, болезни, инвалидности, старости и увольнения» [1].

Система социального обеспечения Италии основывается на принципе, согласно которому любой работник имеет право на пенсию в соответствии с налогами, которые он выплачивал во время своей трудовой деятельности. Реализация этого принципа состоит в защите лиц, которые неспособны работать, бедных, а также работников, имеющих право на пенсию. Следует отметить, что исходя из статей 2 и 3 Конституции Италии, иностранные граждане также имеют право на получение пенсии соразмерной осуществленной ими трудовой деятельности. В этом смысле они находятся в равном положении с итальянскими гражданами.

В сферу социального обеспечения входят: медицинское обслуживание, страхование на случай болезни, страхование в связи с материнством и отцовством, страхование в случае инвалидности, пенсионное страхование,

* Кинцлер Дарья Николаевна, студентка 2 курса магистратуры МГИМО(У) МИД РФ по направлению «Право ЕС и правовые основы интеграционных процессов». E-mail: kin-darya@yandex.ru

Научный руководитель – Егорова Екатерина Никитична, доцент кафедры европейского права, заместитель декана Международно-правового факультета МГИМО(У) МИД РФ, кандидат юридических наук. E-mail: katemgimo@gmail.com

страхование в случае потери кормилица, страхование в связи с несчастными случаями на производстве и профессиональными заболеваниями, семейное страхование, страхование в случае безработицы, гарантированный минимальный доход и долгосрочная помощь.

Система социального обеспечения Италии состоит из трех секторов, находящихся под управлением Национального института социального обеспечения (l'Istituto Nazionale di Previdenza Sociale (INPS)), Национального института по страхованию от несчастных случаев на работе (Istituto nazionale per l'assicurazione contro gli infortuni sul lavoro (INAIL) и Национальной службы здравоохранения (Servizio Sanitario Nazionale (SSN) [24].

Одной из новых социальных выплат в Италии стал гражданский доход (reddito di cittadinanza) или, если исходить из его функционального назначения – минимальный гарантированный доход. Введение гражданского дохода называют одной из ключевых социальных реформ последних лет в Италии. Эта выплата была введена декрет-законом от 28 января 2019 года № 4 [3].

Гражданский доход стал главным предвыборным обещанием и визитной карточкой право-популистской партии «Движение пяти звезд» (Movimento 5 Stelle – M5S). Впервые представители этой партии стали членами Парламента в 2013 году. В этом же году они выступили с законопроектом о введении гражданского дохода [14]. Он предлагался как мера, целью которой были бы борьба с бедностью и неравенством, обеспечение социальной включенности, гарантирование права на труд, на свободу выбора работы, а также предоставление права на информацию и образование.

Получателями данных выплат предполагались граждане Италии, граждане ЕС и третьих стран, с которыми у Италии заключены двусторонние договоры о социальном обеспечении. Это совершеннолетние лица безработные и имеющие доход, который равен или достигает порога бедности, в размере 9 360 евро в год, что составляет менее 780 евро ежемесячно. Гражданский доход задумывался как финансовая поддержка в размере 780 евро или доплата до этой суммы. Обращает на себя внимание также длительность выплат этого пособия, которая гипотетически была не ограничена, единственным условием прекращения выплат было достижение минимального порога дохода.

Через 5 лет в Договоре о формировании Правительства, подписанном Движением 5 звезд и Лигой Севера, гражданскому доходу и гражданской пенсии была посвящена всего одна страница, где описание было дано лишь в общих чертах. Так, «гражданский доход – это мера, направленная на граждан, целью которой является их возвращение в социальную и трудовую жизнь государства» [15]. Кроме того, отмечалось, что лица, получающие гражданский доход, могут отказаться максимально от трех предложенных работ за последние два года.

В нынешнем виде гражданский доход был введен декрет-законом от 28 января 2019 года № 4. Для приобретения права на гражданский доход заявитель должен удовлетворять ряду требований. Первая группа требований относится к гражданству, проживанию и пребыванию. Заявителем может быть совершеннолетнее лицо, удовлетворяющее одному из следующих критериев:

во-первых, лицо является гражданином Италии или ЕС;

во-вторых, лицо является гражданином третьего государства и обладает видом на жительство в ЕС, разрешающим длительное проживание, или лицо без гражданства, обладающее аналогичным видом на жительство;

в-третьих, гражданин третьего государства, являющийся членом семьи гражданина Италии или ЕС, имеющий право на временное или постоянное проживание.

Понятие члена семьи раскрывается в статье 2 законодательного декрета от 6 февраля 2007 года № 30. В нем под членами семьи понимаются: а) супруга; б) партнер, который заключил с гражданином ЕС зарегистрированный союз в соответствии с законодательством одного из государств-членов, при условии, что законодательство принимающего государства приравнивает зарегистрированный союз к браку, с учётом условий, предусмотренных законодательством этого государства; в) лица, родственные по прямой нисходящей линии, достигшие 21 года или иждивенцы самого лица, а также его супруга или партнера; г) лица, родственные по прямой восходящей линии, находящиеся на иждивении самого лица, его супруга или партнера [4];

в-четвертых, лицо, находящееся под международной защитой.

Кроме того, важным условием является проживание лица на территории Италии в течение минимум 10 лет, последние два года из которых должны быть непрерывными.

Следующая группа требований – экономическая. Для того, чтобы претендовать на гражданский доход, годовой доход семьи должен быть менее 9 360 евро, стоимость недвижимости в Италии и за границей, отличной от места проживания, не должна превышать 30 000 евро. Стоимость движимого имущества (под которым могут подразумеваться депозиты, текущие счета, ценные бумаги и т. д.), не должна превышать 6000 евро на одного человека, в зависимости от количества членов семьи эта цифра может быть увеличена до 10 000 евро.

Если в семье более двух детей, то при каждом последующем ребенке порог увеличивается на 1000 евро. В случае наличия у какого-либо члена семьи инвалидности, порог будет увеличен еще на 5000 евро на каждого такого члена, а если такое лицо не может самостоятельно себя обслуживать, то сумма увеличится на 7 500 евро.

Граждане стран, не входящих в ЕС, должны представить специальный документ, выданный компетентным органом иностранного государства, переведенный на итальянский язык и легализованный консульским учреждением Италии для подтверждения их соответствия вышеприведенным требованиям. Такой документ могут не предоставлять 1) граждане стран, не входящих в ЕС, имеющие статус политического беженца; 2) если международными договорами предусмотрено иное; 3) гражданам государств, не входящих в Европейский Союз, где по объективным причинам невозможно получить такой документ.

Третья группа требований объединена под названием «другие требования». Чтобы претендовать на получение гражданского дохода ни один из членов семьи не должен иметь в собственности автомобили, приобретенные за 6 месяцев до подачи запроса на меры поддержки, прогулочные суда и катера.

Заявитель не должен быть подвергнут заключению под стражу и не должен быть осужден в течение 10 лет, предшествующих подаче запроса за такие преступления, как например, участие в союзах, осуществляющих террористическую деятельность и деятельность, направленную против основ демократического правопорядка (ст. 270-бис УК Италии), совершение террористического акта (ст. 280 УК Италии), похищение людей в террористических целях (ст. 289 УК Италии), участие в мафиозных союзах (ст. 416-бис УК Италии), массовые убийства (ст. 422 УК Италии), мошенничество (ст. 640 УК Италии).

Длительность выплат гражданского дохода составляет максимум 18 месяцев, по окончании этого периода, выплаты могут быть возобновлены, однако, необходим месяц перерыва.

Следующим важным для рассмотрения вопросом является порядок подачи заявления и получения гражданского дохода. Заполненная анкета, где заявитель подтверждает свое соответствие всем приведенным выше требованиям, может быть направлена через сайт Министерства труда и социальной политики, подана в центрах налоговой поддержки или в отделениях почты.

Анкеты направляются в Национальный институт социального обеспечения в течение 10 рабочих дней, где проверяется предоставленная информация в течение 5 рабочих дней на основании имеющихся в архиве данных. При отсутствии таковых направляются запросы в соответствующие органы. Если все проверки прошли успешно, за лицом признается право на получение гражданского дохода. Стоит отметить, что выплаты осуществляются не наличными денежными средствами и не переводами на банковский счет лица, а предоставлением денежных сумм на специальную карту (Carta Reddito di cittadinanza), которую лица получают в почтовых отделениях.

Важным является также то, что условия использования карты ограничены, лицо не может снять все деньги и потратить их сразу, например, на развлечения. Карту можно использовать следующим образом:

- ежемесячно возможно снятие наличных в пределах лимита в 100 евро;
- совершать платежи по аренде или по ипотечному кредиту;
- оплачивать все бытовые и иные услуги, как например, питание детей в школьных столовых;
- до 31 июля 2020 года возможно использование карты для оплаты коммунальных услуг на сайте poste.it;
- покупать практически все виды потребительских товаров и услуг.

Право на получение гражданского дохода может быть утеряно или ограничено. Лицо лишается права на получение гражданского дохода в следующих случаях:

- 1) лицо не делает заявления о немедленной готовности выйти на работу;
- 2) лицо не подписывает акт о занятости или Пакт о социальной интеграции;
- 3) при отсутствии уважительных причин не принимает участия в профессиональном обучении или переподготовке;
- 4) не принимает ни одного из трех поступивших предложений о работе;
- 5) не сообщает о появлении деятельности, приносящей доход;

б) при проверке выясняется, что лицо не намерено работать по найму, а занимается индивидуальной трудовой деятельностью, не сообщая об этом.

Следует отметить, что для лиц, предоставляющих недостоверную информацию и подложные документы, предусмотрена уголовная ответственность в виде заключения под стражу на срок от двух до шести лет (статья 316-ter УК Италии).

Из приведенных ранее положений, очевидно, что требования к лицам, претендующим на получение гражданского дохода очень строгие. Эта строгость может быть объяснима тем фактом, что политические лидеры хотели сдержать предвыборное обещание, однако, не могли создать непосильное финансовое бремя для бюджета государства [22].

Обращает на себя тот факт, что субъективные требования, которые связаны, например, с гражданством или проживанием, подвергаются критике со стороны итальянских юристов. В требованиях к 10-летнему проживанию на территории Италии иностранцев усматривается явное противоречие праву ЕС, а именно, нарушение статьи 18 Договора о функционировании Европейского союза, которая запрещает дискриминацию по признаку гражданства, и статью 4 ранее рассмотренного Регламента 883/2004 о координации систем социального обеспечения, которая устанавливает равенство обращения для граждан ЕС в вопросах получения социальных выплат.

Суд ЕС уже давно выразил свое мнение относительно требования о проживании для целей получения социальных выплат. Со ссылкой на, предусмотренный Учредительными договорами, принцип недискриминации, Суд указал, что такие требования могут представлять собой форму «замаскированной» дискриминации, поскольку граждане других государств-членов не имеют такого же простого доступа к социальным выплатам, как граждане принимающего государства. Такая позиция была отражена в решениях по делам Х. Мейнц против Министерства сельского хозяйства, природопользования и рыболовства 1997 г. [16], Комиссия против Люксембурга 2002 г. [17].

Показательным также является решение Суда ЕС по делу «Комиссия против Итальянской Республики» от 16 января 2003 г. [18], в котором Суд установил нарушение Италией права Союза в том, что для жителей были установлены льготные тарифы для посещения муниципальных музеев. Суд отметил, что «принцип равенства запрещает не только открытую дискриминацию по национальному признаку, но и все скрытые формы дискриминации, которые в результате применения других критериев дифференциации ведут к тому же результату. В частности, когда речь идет о мере, которая проводит различия между лицами по признаку проживания, есть риск, что такое требование может действовать чаще всего против граждан других государств-членов, так как в большинстве случаев нерезиденты – это иностранцы».

Говоря о лицах, не являющихся гражданами ЕС, требования о 10-летнем проживании вступают в противоречие со статьей 14 Директивы № 2009/50, об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы, приравнивающей лиц, обладающих голубой картой, к гражданам в вопросах доступа к социальному обеспечению [8].

Кроме того, статья 29 Директивы № 2011/95 о стандартах для квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве получателей международной защиты, по единому статусу для беженцев или для лиц, имеющих право на дополнительную защиту, и по объему предоставляемой защиты, устанавливает, что эти лица имеют такой же доступ к системе социального обеспечения, что и граждане [23].

Отмечается также, что требования о проживании не совместимы с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

В практике Европейского суда по правам человека не раз отмечалось, что Конвенция не налагает на государства-участников обязанности по реализации системы социальной защиты и гарантировании определенного уровня социальных пособий, однако, если же такие гарантии были установлены, то их правовое регулирование может быть поставлено под вопрос его соответствия положениям Конвенции, а именно, статье 14, которая запрещает любые формы дискриминации [5]. Примерами таких решений могут служить дело «Салези против Италии» 1993 г., «Куа Пуаэррэ против Франции» 2003 г.

В то же время, ЕСПЧ подчеркнул широкую свободу усмотрения, которой пользуются отдельные государства в отношении социальных выплат, в частности, отметив, как действуют отдельные национальные органы власти, в силу непосредственного знания особенностей, которые характеризуют их общества и соответствующие потребности, В этой связи Суд отмечает, что уважает решения, принятые по социальным и экономическим вопросам национальным законодателем, если только соответствующие меры не окажутся явно необоснованными. Данная позиция была отражена в решениях по делам «Карсон и другие против Соединенного Королевства» 2010 г. и «Лучак против Польши» 2007 г.

Страсбургский суд указывает, что о дискриминации речь идет в том случае, если требования, установленные государством, не имеют объективного и разумного оправдания, то есть отсутствует пропорциональность между используемыми средствами и целью, на которую они направлены (дело «Недзвецкий против Германии» 2005 г.). Суд отмечает, что только «очень веские причины могут убедить, что различие в обращении, основанное только на национальности, соответствует Конвенции» (дело «Си Амер против Франции» 2009 г.).

Мотивы выравнивания бюджета и снижения расходной части, хотя и являются законными, но не согласуются с принципом пропорциональности, в том случае, если они используются только для недопущения получения социальных выплат иностранцами, которые имеют достаточную связь с принимающим государством, в котором они проживают на постоянной основе, а напротив, имеют постоянный вид на жительство.

Наконец, требование об определенном сроке проживания на территории Италии для получения права на гражданский доход не соответствует Конституции страны.

Конституционный суд Италии не раз подчеркивал, что пособия, «предназначенные для обеспечения средств к существованию» (Постановление Конституционного суда № 187 от 2010 г. [19]), не могут ставиться в зависимость от условий, налагающих какие-либо ограничения. К таким услови-

ям относятся требования о наличии гражданства, определенного вида проживания и пр., например, требование о пятилетнем проживании в регионе (Постановление Конституционного суда № 166 от 2018 г.[20]).

В этом постановлении Суд признал неконституционным и нарушающим принципы разумности и недискриминации, декрет-закон № 112 от 2008 года, в той части, в которой предусматривается требование пятилетнего проживания на территории региона или десятилетнего проживания на национальной территории (так называемое долгосрочное проживание) только для лиц, не являющихся гражданами ЕС, для получения доступа к пособию для уплаты арендной платы, предусмотренного для неимущих (так называемый арендный бонус).

Кроме того, Конституционный суд в Постановлении № 168 от 2014 г. высказал свою позицию в отношении закона автономной области Валле-д'Аоста, в которой подчеркнул, что «обязанность проживания в течение как минимум 8 лет на территории области, как необходимое условие для получения доступа к общественному жилищному строительству ведет к дискриминации граждан Союза, которые в этом отношении должны иметь равные права, что и граждане принимающего государства (ст.24 Директивы о правах граждан ЕС и их членов семьи на свободное передвижение и выбор места жительства в государства-членах Союза №2004/38/ЕС [6]). Такое же равенство должно быть гарантировано гражданам третьих стран, постоянно проживающим на территории Италии (статья 11 Директивы № 2003/109/ЕС о статусе граждан третьих стран, являющихся долговременными резидентами) [7].

Еще одним интересным в этой связи судебным актом является Постановление Конституционного суда № 107 от 2018 г., которым было установлено, что требование о 15-летнем проживании для получения приоритетного доступа к детским садам, установленное региональным законодательством Венето, является неконституционным [21]. Правое обоснование Суда видится крайне интересным. Суд полагает, что введение такого ограничения противоречит принципу равенства, так как оно не существует разумной и объективной связи между проживанием в Венето и ситуацией необходимости и нужды.

Таким образом, хотя введение гражданского дохода оценивается положительно, несмотря на критику того, что он слишком дорого обходится бюджету Италии, некоторые его требования являются слишком жесткими, а требование о десятилетнем проживании для иностранцев вообще не согласуется с положениями Конституции, права ЕС, а также международного права. На сегодняшний день вопрос о неконституциональности гражданского дохода перед Конституционным судом Италии поставлен не был, однако, очевидно, что в скором времени Суд вынужден будет оценить соответствие декрет-закона положениям Конституции. Кроме того, в качестве преюдициального запроса в Суд ЕС может быть направлен вопрос о соответствии вышеназванного положения праву ЕС.

Библиографический список:

1. Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. А.П. Гринберга // Конституции государств Европейского союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1997.

2. DECRETO DEL PRESIDENTE DELLA REPUBBLICA 30 giugno 1965, n. 1124. Testo unico delle disposizioni per l'assicurazione obbligatoria contro gli infortuni sul lavoro e le malattie professionali. (GU n.257 del 13-10-1965 – Suppl. Ordinario).

3. DECRETO-LEGGE 28 gennaio 2019, n. 4 Disposizioni urgenti in materia di reddito di cittadinanza e di pensioni. (19G00008) (GU n.23 del 28-1-2019).

4. Decreto Legislativo 6 febbraio 2007, n. 30 "Attuazione della direttiva 2004/38/CE relativa al diritto dei cittadini dell'Unione e dei loro familiari di circolare e di soggiornare liberamente nel territorio degli Stati membri" pubblicato nella Gazzetta Ufficiale n. 72 del 27 marzo 2007.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст.163.

6. Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union and their family members to move and reside freely within the territory of the Member States amending Regulation (EEC) No 1612/68 and repealing Directives 64/221/EEC, 68/360/EEC, 72/194/EEC, 73/148/EEC, 75/34/EEC, 75/35/EEC, 90/364/EEC, 90/365/EEC and 93/96/EEC // Official Journal of the European Union L 58, 30.4.2004, P. 77–123.

7. Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // Official Journal of the European Union. L 16, 23.1.2004, P. 44–53.

8. Council Directive 2009/50/EC of 25 May 2009 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment // Official Journal of the European Union. L 155, 18.6.2009, P. 17–29.

9. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted // Official Journal of the European Union. L 337, 20.12.2011, P. 9–26.

10. Vivere e lavorare in Italia [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.integrazionemigranti.gov.it/normativa/procedureitalia/Pagine/Sicurezza-Sociale.aspx> (дата обращения: 25.11.2019).

11. Pensioni e Lavoro [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.pensionielavoro.it/site/home/wikiprevidenza/a-chi-rivolgersi/istituto-nazionale-della-previdenza-sociale.html> (дата обращения: 25.11.2019).

12. Istituto nazionale per l'assicurazione contro gli infortuni sul lavoro – Mode of access: <https://www.inail.it/cs/internet/istituto/chi-siamo.html> ((дата обращения: 25.11.2019).

13. Ministero della Salute [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.trovanorme.salute.gov.it/norme/dettaglioAtto?id=21035&completo=true> (дата обращения: 25.11.2019).

14. Disegno di Legge № 1148 Istituzione del reddito di cittadinanza nonche ´ delega al Governo per l'introduzione del salario minimo orario: <http://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/00814007.pdf> (дата обращения: 25.11.2019).

15. CONTRATTO PER IL GOVERNO DEL CAMBIAMENTO // URL: https://checkpointpromesse.it/wp-content/uploads/2018/09/contratto_governo.pdf#page=34 (дата обращения: 25.11.2019).

16. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 27 November 1997. H. Meints v Minister van Landbouw, Natuurbeheer en Visserij. Reference for a preliminary ruling: Raad van State – Netherlands. Regulation (EEC) No 1408/71 – Unemployment benefit – Regulation (EEC) No 1612/68 – Social advantage – Discrimination based on nationality – Residence condition. Case C-57/96. European Court Reports 1997 I-06689.

17. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 20 June 2002. Commission of the European Communities v Grand Duchy of Luxemburg. Failure by a Member State to fulfil its obligations – Article 7(2) of Regulation (EEC) No 1612/68 – Freedom of movement for workers – Article 43 EC – Freedom of establishment – Social advantages – Guaranteed minimum income. Case C-299/01. European Court Reports 2002 I-05899.

18. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 16 January 2003. Commission of the European Communities v Italian Republic. Failure to fulfil obligations – Free movement of services – Non-discrimination – Articles 12 EC and 49 EC – Admission to museums, monuments, galleries, archaeological digs, parks and gardens classified as public monuments – Preferential rates granted by local or decentralised State authorities. Case C-388/01. European Court Reports 2003 I-00721.

19. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2010&numero=187> (дата обращения: 25.11.2019).

20. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2010&numero=187> (дата обращения: 25.11.2019).

21. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2018&numero=107> (дата обращения: 25.11.2019).

22. Giubboni S. Primi appunti sulla disciplina del reddito di cittadinanza. WP C.S.D.L.E. "Massimo D'Antona".IT – 401/2019. 2019. P. 15.

23. CastriniLex. Discriminatorio il requisito della residenza decennale per il reddito di cittadinanza? [Electronic resource] – Mode of access: <https://canestrinilex.com/risorse/e-legittimo-reddito-di-cittadinanza/> (дата обращения: 25.11.2019).

24. Vivere e lavorare in Italia [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.integrazionemigranti.gov.it/normativa/procedureitalia/Pagine/Sicurezza-Sociale.aspx> (дата обращения: 25.11.2019).

Для цитирования: Кинцлер Д.Н. Гражданский доход в Италии. Споры о его соответствии конституции и нормам международного и европейского права // Юридическая мысль. – 2020. – № 1. – С. 35–43.

**Civil revenue in Italy. Disputes
on its compliance with the constitution
and the standards of international and European law**

D.N. Kintsler*

Annotation. An important innovation for Italy's social security system was civilian income. Persons applying for it receive very stringent requirements, not all of which are consistent with the principle of non-discrimination. We are talking about the requirement for foreigners to stay in Italy for 10 years. Lawyers believe that this requirement contradicts not only the country's Constitu-

* *Kintsler Daria Nikolaevna*, 2nd year student of the Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the direction of "EU Law and the Legal Basis of Integration Processes". E-mail: kin-darya@yandex.ru

Scientific advise – *Yegorova Ekaterina Nikitichna*, PhD in Law, Deputy Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Associate Professor of European Law. E-mail: katemgimo@gmail.com

tion, but also the norms of European and international law. The article argues in support of this position.

Keywords: civil income, European Union law, social security, pensioner, discrimination, Italian Constitutional Court, European Court.

According to article 38 of the Constitution of the Italian Republic, “every citizen who is unable to work and in need of livelihood has the right to social support and services. Workers have the right to provide benefits commensurate with their needs in the event of an accident, illness, disability, old age, and dismissal” [1].

Italy's social security system is based on the principle that any employee has the right to a pension in accordance with the taxes that he paid during his career. The implementation of this principle is to protect people who are unable to work, the poor, as well as workers with the right to retirement. It should be noted that on the basis of articles 2 and 3 of the Italian Constitution, foreign citizens are also entitled to receive a pension proportionate to their work. In this sense, they are on an equal footing with Italian citizens.

Social security services include: medical care, health insurance, maternity and paternity insurance, disability insurance, pension insurance, insurance in case of loss of a nurse's benefit, insurance against industrial accidents and occupational diseases, family insurance, unemployment insurance, guaranteed minimum income and long-term assistance.

Italy's social security system consists of three sectors managed by the National Social Security Institute (l'Istituto Nazionale di Previdenza Sociale (INPS), the National Institute for Work Accident Insurance (Istituto nazionale per l'assicurazione contro gli infortuni sul lavoro (INAIL) and the National Health Service (Servizio Sanitario Nazionale (SSN) [24].

One of the new social benefits in Italy is civilian income (reddito di cittadinanza) or, based on its functional purpose, the minimum guaranteed income. The introduction of civilian income is called one of the key social reforms of recent years in Italy. This payment was introduced by decree-law of January 28, 2019 No. 4 [3].

Citizenship income has become the main campaign promise and the hallmark of the right-populist party “Five Star Movement” (Movimento 5 Stelle – M5S). For the first time, representatives of this party became members of Parliament in 2013. In the same year, they came up with a bill introducing civilian income [14]. It was proposed as a measure whose goal would be to combat poverty and inequality, ensure social inclusion, guarantee the right to work, freedom of choice of work, and provide the right to information and education.

The recipients of these payments were supposed to be Italian citizens, citizens of the EU and third countries with whom Italy has concluded bilateral social security agreements. These are adults who are unemployed and have an income that is equal to or reaches the poverty threshold of 9,360 euros per year, which is less than 780 euros per month. Civil income was conceived as financial support in the amount of 780 euros or surcharge up to this amount. Also noteworthy is the duration of the payment of this allowance, which was

hypothetically unlimited, the only condition for the termination of payments was to achieve a minimum income threshold.

After 5 years, in the Agreement on the formation of the Government, signed by the 5 Star Movement and the League of the North, only one page was devoted to civilian income and civilian pension, where the description was given only in general terms. So, "civic income is a measure aimed at citizens, the purpose of which is to return them to the social and labor life of the state" [15]. In addition, it was noted that individuals receiving a civilian income can refuse at most three job offers in the last two years.

In its current form, civilian income was introduced by Decree-Law No. 4 of January 28, 2019. In order to acquire the right to a civilian income, an applicant must satisfy a number of requirements. The first group of requirements relates to citizenship, residence and stay. An applicant may be an adult who satisfies one of the following criteria:

firstly, the person is a citizen of Italy or the EU;

secondly, the person is a citizen of a third state and holds a residence permit in the EU, permitting long-term residence, or a stateless person holding a similar residence permit;

thirdly, a citizen of a third state, who is a member of the family of a citizen of Italy or the EU, who has the right to temporary or permanent residence.

The concept of a family member is disclosed in Article 2 of Legislative Decree of February 6, 2007 No. 30. In it, family members are understood to mean: a) the spouse; b) a partner who has entered into a registered union with an EU citizen in accordance with the legislation of one of the member states, provided that the legislation of the receiving state equates the registered union with marriage, taking into account the conditions provided for by the legislation of that state; c) persons related in a direct descending line who have not reached the age of 21, or dependents of the person himself, as well as his spouse or partner; d) persons related in a straight ascending line who are dependent on the person himself, his spouse or partner [4];

fourthly, a person under international protection.

In addition, an important condition is the residence of a person in Italy for at least 10 years, the last two years of which must be continuous.

The next group of requirements is economic. In order to qualify for civilian income, the annual family income must be less than 9,360 euros, the value of real estate in Italy and abroad, different from the place of residence, should not exceed 30,000 euros. The value of movable property (which may include deposits, current accounts, securities, etc.) should not exceed 6,000 euros per person, depending on the number of family members this figure can be increased to 10,000 euros.

If the family has more than two children, then with each subsequent child the threshold increases by 1000 euros. If a family member has a disability, the threshold will be increased by another 5,000 euros for each such member, and if such a person cannot serve himself, the amount will increase by 7,500 euros.

Citizens of countries outside the EU must submit a special document issued by the competent authority of a foreign state, translated into Italian and legalized by the Italian consular office to confirm their compliance with the

above requirements. Such a document may not be provided by 1) citizens of non-EU countries with political refugee status; 2) unless otherwise provided by international treaties; 3) citizens of countries outside the European Union, where for objective reasons it is impossible to obtain such a document.

The third group of requirements is combined under the name "other requirements". To qualify for civilian income, no family member should own cars purchased 6 months before submitting a request for support measures, pleasure boats and boats.

The applicant should not be detained and should not be convicted for 10 years prior to filing a request for such crimes as, for example, participation in unions engaged in terrorist activities and activities against the foundations of a democratic rule of law (Article 270 bis CC Italy), the commission of a terrorist act (Article 280 of the Criminal Code of Italy), kidnapping for terrorist purposes (Article 289 of the Criminal Code of Italy), participation in mafia unions (Article 416 bis of the Criminal Code of Italy), massacres (Article 422 of the Criminal Code of Italy), fraud (Article 640 of the Criminal Code of Italy).

The duration of payments of civil income is a maximum of 18 months, at the end of this period, payments can be renewed, however, a month break is required.

The next important issue to consider is the procedure for submitting an application and obtaining civil income. A completed questionnaire, where the applicant confirms his compliance with all the above requirements, can be sent through the website of the Ministry of Labor and Social Policy, submitted to tax support centers or post offices.

Questionnaires are sent to the National Institute of Social Security within 10 business days, where the information provided is checked within 5 business days on the basis of the data available in the archive. In the absence of such requests are sent to the relevant authorities. If all checks have been successful, the person is recognized as entitled to receive civilian income. It is worth noting that payments are not made in cash or by transfers to a person's bank account, but by the provision of money to a special card (Carta Reddito di cittadinanza) that people receive at post offices.

It is also important that the conditions for using the card are limited, a person cannot withdraw all the money and spend it immediately, for example, for entertainment. The card can be used as follows:

- monthly cash withdrawal within the limit of 100 euros;
- make payments on lease or on a mortgage loan;
- pay for all household and other services, such as meals for children in school canteens;
- until July 31, 2020, you can use the card to pay for utilities on the site poste.it;
- buy almost all types of consumer goods and services.

The right to a civilian income may be lost or limited. A person is deprived of the right to receive civilian income in the following cases:

- 1) the person does not make statements about immediate readiness to go to work;
- 2) the person does not sign the employment act or the Social Integration Pact;

3) in the absence of valid reasons, does not take part in vocational training or retraining;

4) does not accept any of the three job offers received;

5) does not report the appearance of income-generating activities;

6) upon verification, it turns out that the person does not intend to work for hire, but is engaged in individual labor activity, without informing about it.

It should be noted that for persons providing false information and false documents, criminal liability is provided in the form of detention for a period of two to six years (article 316-ter of the Italian Criminal Code).

From the above provisions, it is obvious that the requirements for individuals applying for civilian income are very strict. This severity can be explained by the fact that political leaders wanted to keep the election promise, however, they could not create an unbearable financial burden for the state budget [22].

It is noteworthy that subjective requirements that are related, for example, to citizenship or residence, are criticized by Italian lawyers. The requirements for a 10-year stay of aliens in Italy show a clear contradiction to EU law, namely, a violation of Article 18 of the Treaty on the Functioning of the European Union, which prohibits discrimination on the basis of citizenship, and Article 4 of the previously discussed Regulation 883/2004 on coordination of social security systems, which establishes equality of treatment for EU citizens in matters of receiving social benefits.

The EU court has long expressed its opinion regarding the requirement of residence for the purpose of receiving social benefits. With reference to the principle of non-discrimination provided for by the Memorandum of Association, the Court indicated that such claims could constitute a form of “masked” discrimination, since citizens of other member states did not have the same easy access to social benefits as citizens of the host state. This position was reflected in the decisions in the cases of *H. Mainz v. Ministry of Agriculture, Nature Management and Fisheries 1997* [16], *Commission against Luxembourg 2002* [17].

Also indicative is the decision of the EU Court in the case “*Commission against the Italian Republic*” of January 16, 2003 [18], in which the Court found a violation by Italy of the Union’s right that preferential rates were established for residents to visit municipal museums. The court noted that “the principle of equality prohibits not only open discrimination on the basis of nationality, but also all latent forms of discrimination that, as a result of applying other differentiation criteria, lead to the same result. In particular, when it comes to a measure that distinguishes between persons on the basis of residence, there is a risk that such a requirement may act most often against citizens of other member states, since in most cases non-residents are foreigners.

Speaking about non-EU citizens, the requirements for 10 years of residence contradict Article 14 of Directive No. 2009/50, on the establishment of entry and stay conditions for third-country nationals for the purpose of highly qualified work that equates those with a blue card with citizens in matters of access to social security [8].

In addition, Article 29 of Directive No. 2011/95 on standards for qualifying third-country nationals or stateless persons as recipients of international

protection, for a single status for refugees or for persons entitled to additional protection, and for the scope of protection provided, establishes, that these individuals have the same access to the social security system as citizens [23].

It is also noted that accommodation requirements are not compatible with the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. In the practice of the European Court of Human Rights, it has been repeatedly noted that the Convention does not impose on states parties the obligation to implement a social protection system and guarantee a certain level of social benefits, however, if such guarantees were established, their legal regulation may be called into question its conformity with the provisions of the Convention, namely article 14, which prohibits any form of discrimination [5]. Examples of such decisions are the case of *Salezi v. Italy*, 1993, and *Qua Puaerre v. France*, 2003.

At the same time, the ECHR emphasized the wide margin of appreciation enjoyed by individual states in relation to social benefits, in particular by noting how individual national authorities act, due to their direct knowledge of the characteristics that characterize their societies and their respective needs. In this connection, the Court notes that respects the decisions taken on social and economic issues by the national legislator, unless the relevant measures are clearly unreasonable. This position was reflected in the decisions in the cases of *Carson and Others v. The United Kingdom* 2010 and *Luchak v. Poland* 2007.

The Strasbourg court points out that discrimination is involved if the requirements established by the state have no objective and reasonable justification, that is, there is no proportionality between the means used and the purpose for which they are aimed (*Nedzveckki v. Germany* 2005).) The Court notes that only “very good reasons can convince us that a difference in treatment based on nationality only is consistent with the Convention” (*Sea Amer v. France* 2009).

The motives for equalizing the budget and reducing expenditures, although they are legitimate, are not consistent with the principle of proportionality if they are used only to prevent the receipt of social benefits by foreigners who have sufficient contact with the host state in which they reside on a permanent basis on the contrary, they have a permanent residence permit.

Finally, the requirement of a certain period of residence in Italy to obtain the right to a civilian income does not comply with the Constitution of the country.

The Italian Constitutional Court has repeatedly emphasized that benefits “intended to ensure livelihoods” (Constitutional Court ruling No. 187 of 2010 [19]) cannot be made dependent on conditions imposing any restrictions. Such conditions include requirements for citizenship, a certain type of residence, etc., for example, a requirement for five years of residence in the region (Constitutional Court ruling No. 166 of 2018 [20]).

In this ruling, the Court found unconstitutional and violating the principles of reasonableness and non-discrimination, Decree-Law No. 112 of 2008, in so far as it requires five years of residence in the region or ten years of residence in the national territory (the so-called long-term residence) only for per-

sons non-EU citizens to gain access to the allowance for the payment of rent provided for the poor (the so-called rental bonus).

In addition, the Constitutional Court, in Resolution No. 168 of 2014, expressed its position regarding the law of the autonomous region of Valle d'Aosta, in which he emphasized that "the obligation to stay for at least 8 years in the region, as a necessary condition for obtaining access to public housing leads to discrimination against citizens of the Union, who in this respect must have equal rights, as citizens of the host state (Article 24 of the Directive on the rights of EU citizens and their family members to free movement and choice of residence in the Member States No. 2004/38 / EC [6]). The same equality must be guaranteed to third-country nationals residing permanently in Italy (Article 11 of Directive No. 2003/109 / EC on the status of third-country nationals who are long-term residents [7]).

Another interesting judicial act in this regard is the Decree of the Constitutional Court No. 107 of 2018, which established that the requirement of 15 years of residence for priority access to kindergartens, established by the regional legislation of the Veneto, is unconstitutional [21]. The right justification of the Court seems extremely interesting. The Court considers that the imposition of such a restriction is contrary to the principle of equality, since it does not exist a reasonable and objective connection between living in Veneto and a situation of necessity and need.

So, although the introduction of civilian income is assessed positively, despite criticizing that it costs too much to Italy's budget, some of its requirements are too strict, and the requirement of ten-year residence for foreigners is generally not consistent with the provisions of the Constitution, EU law, as well as international rights. To date, the question of the unconstitutionality of civilian income has not been raised before the Italian Constitutional Court, however, it is obvious that in the near future the Court will have to assess the conformity of the decree-law with the provisions of the Constitution. In addition, as a prejudicial request to the EU Court, the issue of compliance of the above provision with EU law may be sent.

Bibliographic list

1. Constitution of the Italian Republic / trans. with ital. L.P. Grinberg // Constitution of the states of the European Union / Under the general. ed. L.A. Okunkova. Moscow: INFRA-M – NORMA, 1997.

2. DECRETO DEL PRESIDENTE DELLA REPUBBLICA 30 giugno 1965, n. 1124. Testo unico delle disposizioni per l'assicurazione obbligatoria contro gli infortuni sul lavoro e le malattie professionali. (GU n. 257 del 13-10-1965 – Suppl. Ordinario).

3. DECRETO-LEGGE 28 gennaio 2019, n. 4 Disposizioni urgenti in materia di reddito di cittadinanza e di pensioni. (19G00008) (GU n.23 del 28-1-2019).

4. Decreto Legislativo 6 febbraio 2007, n. 30 "Attuazione della direttiva 2004/38 / CE relativa al diritto dei cittadini dell'Unione e dei loro familiari di circolare e di soggiornare liberamente nel territorio degli Stati membri" pubblicato nella Gazzetta Ufficiale n. 72 del 27 marzo 2007.

5. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November. 1950 // Sobr. legislation of the Russian Federation. 2001. No 2. St. 163. P. 677-740.

6. Directive 2004/38 / EC of the European Parliament and of the Council of April 29, 2004 on the right of citizens of the Union and their family members to move and reside freely within the territory of the Member States amending Regulation (EEC) No 1612/68 and repealing Directives 64/221 / EEC, 68/360 / EEC, 72/194 / EEC, 73/148 / EEC, 75/34 / EEC, 75/35 / EEC, 90/364 / EEC, 90 / 365 / EEC and 93/96 / EEC // Official Journal of the European Union L 58, 30.4.2004. P. 77–123.

7. Council Directive 2003/109 / EC of November 25, 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // Official Journal of the European Union. L 16, 23.1.2004, P. 44–53.

8. Council Directive 2009/50 / EC of 25 May 2009 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment // Official Journal of the European Union. L 155, 18.6.2009, P. 17–29.

9. Directive 2011/95 / EU of the European Parliament and of the Council of December 13, 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted // Official Journal of the European Union. L 337, 12.20.2011, P. 9–26.

10. Vivere e lavorare in Italia [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.integrazionemigranti.gov.it/normativa/procedureitalia/Pagine/Sicurezza-Sociale.aspx> (accessed: 11.25.2019).

11. Pensioni e Lavoro [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.pensionielavoro.it/site/home/wikiprevidenza/a-chi-rivolgersi/istituto-nazionale-della-previdenza-sociale.html> (accessed: 11.25.2019).

12. Istituto nazionale per l'assicurazione contro gli infortuni sul lavoro – Mode of access: <https://www.inail.it/cs/internet/istituto/chi-siamo.html> (accessed: 11.25.2019).

13. Ministero della Salute [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.trovanorme.salute.gov.it/norme/dettaglioAtto?id=21035&completo=true> (accessed: 11.25.2019).

14. Disegno di Legge No. 1148 Istituzione del reddito di cittadinanza nonché delega al Governo per l'introduzione del salario minimo orario: <http://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/00814007.pdf> (accessed: 11.25.2019).

15. CONTRATTO PER IL GOVERNO DEL CAMBIAMENTO: https://checkpointpromesse.it/wp-content/uploads/2018/09/contratto_governo.pdf#page=34 (accessed: 11.25.2019).

16. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of November 27, 1997. *H. Meints v Minister van Landbouw, Natuurbeheer en Visserij*. Reference for a preliminary ruling: Raad van State – Netherlands. Regulation (EEC) No 1408/71 – Unemployment benefit – Regulation (EEC) No 1612/68 – Social advantage – Discrimination based on nationality – Residence condition. Case C-57/96. European Court Reports 1997 I-06689.

17. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of June 20, 2002. *Commission of the European Communities v Grand Duchy of Luxemburg*. Failure by a Member State to fulfil its obligations – Article 7 (2) of Regulation (EEC) No 1612/68 – Freedom of movement for workers – Article 43 EC -Freedom of establishment – Social advantages – Guaranteed minimum income. Case C-299/01. European Court Reports 2002 I-05899.

18. Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 16 January 2003. *Commission of the European Communities v Italian Republic*. Failure to fulfil obligations – Free movement of services – Non-discrimination – Articles 12 EC and 49 EC – Admission to museums, monuments, galleries, archaeological digs, parks and gardens classified as public monuments – Preferential rates granted by local or decentralized State authorities. Case C-388/01. European Court Reports 2003 I-00721.

19. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2010&numero=187> (accessed: 11.25.2019).

20. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2010&numero=187> (accessed: 11.25.2019).

21. Corte costituzionale: [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2018&numero=107> (accessed: 11.25.2019)).

22. Giubboni S. Primi appunti sulla disciplina del reddito di cittadinanza. WP C.S.D.L.E. "Massimo D'Antona" .IT – 401/2019. 2019. P. 15.

23. CastriniLex. Discriminatorio il requisito della residenza decennale per il reddito di cittadinanza? [Electronic resource] – Mode of access: <https://canestrinilex.com/risorse/e-legittimo-reddito-di-cittadinanza/> (accessed: 11.25.2019).

24. Vivere e lavorare in Italia [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.integrazionemigranti.gov.it/normativa/procedureitalia/Pagine/Sicurezza-Sociale.aspx> (accessed: 11.25.2019).

For citation: Kinzler D.N. Civil revenue in Italy. Disputes about its compliance with the constitution and the standards of international and European law //Legal thought. 2020. No. 6. P. 43–51.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

УДК 347.462.6

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.004

К вопросу о правовом статусе доверительного управляющего в США*

А.А. Панова**

Аннотация. Автор статьи на основе законодательства Соединенных Штатов Америки в сфере несостоятельности (банкротства), прежде всего на примере Кодекса закона о банкротстве 1978 года, раскрывает процедуру банкротства и сферу деятельности доверительных управляющих. На основе толкования норм права анализирует правовой статус доверительных управляющих США. В статье делается вывод о том, что процедура банкротства в Соединенных Штатах Америки обладает положительными и отрицательными чертами. Положительная сторона заключается в том, что у несостоятельного лица есть возможность начать жизнь «с чистого листа», не имея обязательств и долга, хотя запись в кредитной истории лица о признании банкротом хранится на протяжении 10 лет.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); доверительный управляющий; федеральный управляющий; администраторы банкротства; законодательство США.

Термин «банкротство» появился в России не так давно. Сама процедура довольно сложна и для более точного понимания всей сущности банкротства, необходимо прибегнуть к опыту других стран, в частности США. Несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

* Статья опубликована за счет средств Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права».

** Панова А.А., студентка Института заочного и открытого образования по направлению «Юрист для частного бизнеса и власти» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: lika.panova@list.ru

Научный руководитель – Попова Анна Владиславовна, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: anna0710@yandex.ru

В Соединенных Штатах Америки дела о банкротстве регулируются на федеральном уровне Кодексом законов о банкротстве [20], в котором регламентируются следующие типы процедур банкротства отдельно по главам: во-первых, *ликвидация* (глава 7 – разделы 701–784); во-вторых, *регулирование долгов муниципалитета* (глава 9 – разделы 901–946); в-третьих, *реорганизация* (глава 11 – разделы с 1101 по 1174); в-четвертых, *регулирование долгов семейного фермера или рыбака с регулярным годовым доходом* (глава 12 – разделы 1201–1231); в-пятых, *корректировка долгов физического лица с регулярным доходом* (глава 13 – разделы 1301–1330).

Надзор, контроль и судебное производство в процедуре банкротства осуществляют Суды по делам о банкротстве – это система судебных органов, созданная в соответствии с первой статьей Конституции США [7]. Действующая система судов образована решением Конгресса США в 1978 году, начала функционировать с 1 апреля 1984 года.

Суды по делам о банкротстве являются структурными подразделениями федеральных окружных судов, исключительной компетенцией которых является рассмотрение дел о банкротстве. Рассмотрение таких дел относится к юрисдикции только федеральных судов. Суды штатов этим правом не наделены, поскольку законодательное регулирование вопросов банкротства относится к федеральному уровню [2]. В каждом из 94 федеральных судов сформирован судебный состав, занимающийся разрешением дел о банкротстве [8].

Судья по делам о банкротстве назначается на должность сроком на 14 лет Федеральным апелляционным судом США того округа, в котором действует соответствующий окружной суд. Судьи могут назначаться на должность неоднократно [2]. Решения суда по делам о банкротстве не публикуются в официальном издании, выпускаемом Правительством США. Вместо этого источником для публикации решений является журнал «Вестник дел о банкротстве» [11], издаваемый частным издательством Томсон Вест.

Суд по делам о банкротстве вправе назначить для управления делами должника и обеспечения интересов кредиторов доверительного управляющего. Кроме этого, за ходом процедур банкротства также следит Федеральный управляющий США, который является должностным лицом Министерства юстиции США и осуществляет административный надзор в делах о банкротстве и за действиями Доверительных управляющих [17].

Дело о банкротстве обычно начинается с подачи должником в суд заявления о банкротстве. Ходатайство может быть подано физическим лицом, супругами вместе или корпорацией или другим юридическим лицом. От должника также требуется подавать заявление с указанием активов, доходов, обязательств, а также имен и адресов всех кредиторов и суммы их задолженности. После подачи заявления о банкротстве в Федеральный суд, Федеральный управляющий Соединенных Штатов Америки назначает беспристрастного управляющего для управления делом и ликвидации неисчерпаемых активов должника, либо администратора по банкротству, контролирующего дело и связанные с ним действия всех сторон.

Администраторы по банкротству контролируют рассмотрение дел, возбужденных только в штатах Алабаме и Северной Каролине. Конгресс

США учредил Программу администрирования банкротства в 1986 г. Офисы администраторов банкротства в шести судебных округах Алабамы и Северной Каролины осуществляют надзор за администрированием дел о банкротстве, поддерживают группу частных управляющих и следят за операциями и поведением сторон при банкротстве.

Администраторы по банкротству также утверждают и ведут список утвержденных кредитных консультационных агентств и поставщиков образования должников в своих районах. Все индивидуальные заявители о банкротстве обязаны пройти консультирование по кредитам до банкротства и получить статус должника до выписки. Они могут не предоставляться одновременно. Кредитная консультация должна проводиться до того, как вы подадите заявление о банкротстве; статус должника присваивается после подачи вами заявления. Сертификат для кредитного консультирования и статуса должника требуется, но до того, как долги должника могут быть погашены. Предоставляются только сертификаты кредитных организаций и провайдеров учебных курсов должников, которые были одобрены Программой попечителей США [25].

Помимо этого администраторы по банкротству также составляют таблицы административных расходов [22], которые по судебному округу содержатся в главе 13 Кодекса законов о банкротстве, необходимые для заполнения при определенных форм банкротства.

Программа Доверительных управляющих США (далее – ПДУ США) [17] учреждена в соответствии с Законом о реформе банкротства 1978 года, в качестве экспериментального проекта, включающего 18 районов. Он был расширен до 21-го региона по всей стране, охватывая все федеральные судебные округа, за исключением Алабамы и Северной Каролины [26], благодаря принятию Закона о назначении в банкротстве судей [14], американских управляющих [15] и Закона о банкротстве семейных фермеров 1986 года [5].

Программа финансируется Фондом Доверительной Системы США [16], взносы которой состоят в основном из сборов, выплачиваемых сторонами и предприятиями, использующими Федеральную защиту от банкротства.

Основная роль ПДУ США заключается в том, чтобы быть «надзирателем за процессом банкротства» [4]. Как указано в заявлении Института правовой информации Корнельской школы права [7], «Миссия ПДУ США состоит в том, чтобы содействовать целостности и эффективности системы банкротства на благо всех заинтересованных сторон – должников, кредиторов и общественности» [3].

Кандидат на должность Доверительного управляющего должен иметь образование либо адвоката, либо бухгалтера, либо банкира, либо кризисного управляющего, допущенного к введению в должность и отвечать условиям, указанным в Кодексе законов о банкротстве. В законодательстве Соединенных Штатов Америки закреплено право доверительного управляющего «организации – должника», позволяющего выбрать из числа всех текущих заявлений, либо контрактов те, которые реально исполнить в интересах продолжения ведения бизнеса или его завершения с наименьшими

издержками, а также те, от которых лучше отказаться из соображений целесообразности решения задач, обеспечивающих достижение основной цели – вывод организации из ситуации несостоятельности (банкротства) реорганизационным, а не ликвидационным путем.

Генеральному прокурору поручено назначение управляющих и помощников управляющих Соединенных Штатов Америки. Исполнительный офис управляющих США, входящий в состав Министерства Юстиции США в Вашингтоне, округ Колумбия, обеспечивает общую политическую и юридическую помощь, контролирует основные операции ПДУ США и выполняет административные функции.

Директор Административного управления, назначение которого осуществляет Генеральный прокурор, ведёт контроль за персоналом, состоящий из канцелярий директора, главного юрисконсульта, органов уголовного надзора, администрации, надзора, планирования и оценки информационных технологий. Административная канцелярия также оказывает административную и управленческую поддержку отдельным офисам США в реализации федеральных законов о банкротстве [7].

Доверительные управляющие США в соответствии с Кодексом законов о банкротстве контролируют администрирование следующих дел.

1. Ликвидационное производство в соответствии с главой 7 «Процесс ликвидации» контролируются только те активы, которые не освобождены от кредиторов, собираются и ликвидируются (уменьшаются до денежных средств). Выручка распределяется среди кредиторов частным управляющим, назначенным для управления имуществом должника. Приемлемый должник может получить «освобождение» от своих долгов за исключением некоторых долгов, которые запрещены к исполнению Кодексом законов о банкротстве США [9].

В делах по ликвидации сразу же после подачи заявления о банкротстве Федеральный управляющий обязан назначить временным управляющим незаинтересованное лицо, входящее в состав объединения управляющих. Временный управляющий исполняет свои обязанности до назначения или избрания постоянного управляющего, которого кредиторы должны избрать на первом собрании кредиторов. Если управляющий не избран кредиторами, то временный управляющий, назначенный федеральным управляющим, становится постоянным управляющим.

2. Процесс реорганизации (обычно связанный с бизнесом) согласно главе 11 предлагает процедуру, с помощью которой физическое или юридическое лицо может попытаться «реорганизовать» свои долги, продолжая свою деятельность. Подавляющее большинство дел подается по компаниями. Должник, часто с участием кредиторов, создает план реорганизации, в соответствии с которым полностью или частично погашается его задолженность. «Собственник-должник» может, как правило, продолжать деловые операции в ожидании реорганизации, если только доверенное лицо не назначено в соответствии с главой 11 [10].

Раздел 1930 (а) (б) Кодекса США [7] предписывает «ежеквартальные сборы», которые должны выплачиваться в каждом случае в ПДУ США. По сути, ежеквартальные платежи начисляются в течение всего периода рас-

смотрения дела о реорганизации в соответствии с главой 11 (т.е. до тех пор, пока дело не будет закрыто, прекращено или преобразовано в другую главу) и уплачиваются ежеквартально, через 30 дней после окончания каждого календарного квартала. «Сумма квартального взноса (рассчитывается) по градуированной шкале на основе общей суммы выплат», как указано в разделе 1930 (а) (6), а «выплаты» включают все платежи до и после подтверждения, сделанные должником от его имени, включая текущие операционные расходы [12].

Более обширная информация об ежеквартальных сборах по главе 11 размещается в Управление Доверительных управляющих Соединенных Штатов Америки [10] в судебном округе, где возбуждено дело.

3. Процесс реорганизации семейной фермы и рыбака в соответствии с главой 12, позволяет подходящему семейному фермеру или рыбаку подать на банкротство, реорганизовать бизнес-дела фермерского или рыболовного бизнеса, полностью или частично погасить долги предприятия и продолжить свою деятельность.

«Постоянный управляющий», назначенный Федеральным управляющим США [13], как правило, выступает в качестве доверительного управляющего имуществом должника в ожидании исполнения обязательств должника по погашению в соответствии с планом, утвержденным Судом по делам о банкротстве США [20], где было возбуждено дело.

4. Процедура реорганизации «наемного работника» согласно главе 13 используется в основном отдельными потребителями для реорганизации своих финансовых дел в соответствии с планом погашения, который должен быть завершен в течение трех или пяти лет. Чтобы иметь право на получение помощи в соответствии с главой 11, потребитель должен иметь регулярный доход и не иметь больше определенной суммы долга, как указано в Кодексе о банкротстве.

Прерогативные обязанности управляющих Соединенных Штатов Америки включают в себя назначение и надзор за частными управляющими, которые управляют банкротствами по главам 7, 12 и 13 (и содействуют управляющим в тех случаях, когда частные управляющие не могут или не желают работать); принятие юридических мер для обеспечения соблюдения требований Кодекса законов о банкротстве и предотвращения мошенничества и злоупотреблений; направление вопросов для расследования и уголовного преследования, когда это уместно; обеспечение оперативного и эффективного управления имуществом банкротства и разумной оплаты профессиональных услуг; назначение и созыв комитетов кредиторов по делам о реорганизации предприятий; рассмотрение заявлений о раскрытии и заявлений на удержание профессионалов; выступление в суде по вопросам, связанным с Кодексом законов о банкротстве и правилам процедуры банкротства.

В целом, процедура банкротства в Соединенных Штатах Америки, ровным счётом, как и во многих других странах, обладает положительными и отрицательными чертами. Положительная сторона заключается в том, что у несостоятельного лица есть возможность начать жизнь «с чистого листа», не имея обязательств и долга. Отрицательной стороной можно считать

то, что запись в кредитной истории лица о признании банкротом хранится на протяжении 10 лет. Подобное решение на практике имеет ряд последствий, одно из которых является то, что лицо в будущем не сможет получить кредит в банках Соединенных Штатов Америки, в такой ситуации финансовые потребности, такие как: средства на лечение, на покупку жилья, на обучение ребенка, будут недоступны.

Требования предъявляемые к доверительным управляющим в США, исходят из правового регулирования института управляющих в деле о банкротстве в Соединенных Штатах Америки довольно высоки.

В первую очередь это относится к уровню квалификации и репутации физического лица, которые содержатся в законодательстве США. Доверительный управляющий поднадзорен Исполнительному бюро управляющих США. В США управляющими могут быть как физические лица (Федеральный управляющий или избранный им Доверительный управляющий), так и организации (корпорации). Суды в США санкционируют (утверждают) назначение управляющего и отстранение его от должности, а также обеспечивают судебный контроль над действиями управляющего в ходе проводимых им процедур.

Законодательством США также установлено требование о предоставлении финансовых гарантий ответственности управляющего в процедурах банкротства путем страхования профессиональной ответственности управляющих. Кроме того необходимо предоставление Доверительным управляющим финансовых гарантий в пользу Соединенных Штатов Америки путем внесения залога на депозит суда.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в Соединенных Штатах Америки процедура банкротства урегулирована более конкретно в связи с наработанным опытом, а в России данная процедура была введена недавно. Возможно, для внесения поправок в российские акты с учетом сложившейся практики в будущем будет использоваться богатый опыт зарубежных государств, в частности, Соединенных Штатов Америки.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 01.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Заявление о миссии Программы попечителей США // URL: <https://www.justice.gov/ust/strategic-plan-mission> (дата обращения 16.02.2020).
3. Роберт Д. Дрейн. Краткое содержание главы 11 Кодекса США о банкротстве, включая дела с участием «малого бизнеса» и физических лиц // URL: https://www.m-logos.ru/img/tezis_Miftahutdinov_161115.pdf (дата обращения 10.02.2020).
4. House Report No. 989, 95th Cong., 2d Sess. at 88 (reprinted in 1978 U.S. Code Congressional & Admin. News at 5787, 5963, 6049).
5. Law Library of Congress // URL: <http://www.loc.gov/rr/asklib/ask-law.html> (дата обращения 16.02.2020).
6. Legal Information Institute Cornell Law School open access to law since 1992 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/581> (дата обращения 16.02.2020).

7. Legal Information Institute Cornell Law School open access to law since 1992 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1930> (дата обращения 16.02.2020).
8. Library Services University of Science and Technology of Southern Philippines // http://ustp.edu.ph/library/ask_the_librarian.php (дата обращения 16.02.2020).
9. Proc bankruptcy/bankruptcy-basics/process-bankruptcy-basics ess – Bankruptcy Basics. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/> (дата обращения 08.02.2020).
10. The United States Department of Justice // URL: <https://www.justice.gov/ust/us-trustee-regions-and-offices> (дата обращения 16.02.2020).
11. Thomson Reuters 3 Times Square New York, NY, 2020 // URL: <https://legal.thomsonreuters.com/en> (дата обращения 14.02.2020).
12. Tighe v. Celebrity Home (In re Celebrity Home Entertainment, Inc.), 210 F.3d 995 (9th Cir. April 21, 2000).
13. US Duties; supervision by Attorney General. Code § 586 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/586> (дата обращения 17.02.2020).
14. U.S. Code § 152. Appointment of bankruptcy judges // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (дата обращения 16.02.2020).
15. U.S. Code § 581. United States trustees // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (дата обращения 16.02.2020).
16. U.S. Code § 589a. United States Trustee System Fund // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (дата обращения 16.02.2020).
17. U.S. Department of Justice 950 Pennsylvania Avenue, NW Washington, DC 20530-0001. The United States Department of Justice. U.S. Trustee Program // URL: <https://www.justice.gov/ust> (дата обращения 14.02.2020).
18. U.S. Department of Justice 950 Pennsylvania Avenue, NW Washington, DC 20530-0001. The United States Department of Justice. U.S. Trustee Program // URL: <https://www.justice.gov/ust> (дата обращения 16.02.2020).
19. United States Bankruptcy Code 2019 Edition © 2015–2019 Michigan Legal Publishing Ltd. // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/chapter-7-liquidation/> (дата обращения 16.02.2020).
20. United States Bankruptcy Code 2019 Edition © 2015–2019 Michigan Legal Publishing Ltd. // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/chapter-11-reorganization/> (дата обращения 16.02.2020).
21. United States Bankruptcy Michigan Legal Publishing Ltd, 2019 // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/table-of-contents/> (дата обращения 06.02.2020).
22. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/> (дата обращения 17.02.2020).
23. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/> (дата обращения 08.02.2020).
24. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/bankruptcy/trustees-and-administrators/administrative-expense-multipliers> (дата обращения 14.02.2020).
25. URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/bankruptcy/credit-counseling-and-debtor-education-courses> (дата обращения 14.02.2020).
26. Дела о банкротстве в Алабаме и Северной Каролине не попадают под юрисдикцию Программы попечителей США. Вопросы относительно дел о банкротстве, возбужденных в шести судебных округах в этих штатах, следует направлять администратору по делам о банкротстве округа, в котором рассматривается дело.

Для цитирования: Панова А.А. К вопросу о правовом статусе доверительного управляющего в США // Юридическая мысль. – 2019. – № 6. – С. 52–58.

On the legal status of a trustee in the USA

A.A. Panova*

Annotation. The author of the article, based on the legislation of the United States of America in the field of insolvency (bankruptcy), primarily on the example of the Bankruptcy Law Code of 1978, discloses the bankruptcy procedure and the scope of trustees. Based on the interpretation of the rule of law, he analyzes the legal status of US trustees. The article concludes that bankruptcy proceedings in the United States have positive and negative features. The positive side is that the insolvent person has the opportunity to start life “from scratch”, without obligations and debt, although a record in the person’s credit history of declaring bankrupt has been kept for 10 years.

Keywords: insolvency (bankruptcy); Trustee; the Federal Manager; the administrators of the bankruptcy; the laws of the United States.

The term “bankruptcy” appeared in Russia not so long ago. The procedure itself is quite complicated and for a more accurate understanding of the whole essence of bankruptcy, it is necessary to resort to the experience of other countries, in particular the United States. Insolvency (bankruptcy) – the debtor’s inability recognized by the arbitral tribunal to fully satisfy the creditors’ claims for monetary obligations to pay severance pay and (or) for remuneration of persons working or working under an employment contract, and (or) to fulfill the obligation to pay mandatory payments [1].

In the United States of America, bankruptcy cases are regulated at the federal level by the Bankruptcy Law Code [20], which regulates the following types of bankruptcy proceedings separately by chapter: first, liquidation (chapter 7 – sections 701–784); secondly, the regulation of the debts of the municipality (chapter 9 – sections 901–946); thirdly, reorganization (chapter 11 – sections 1101 to 1174); fourthly, the regulation of the debts of a family farmer or fisherman with a regular annual income (chapter 12 – sections 1201–1231); fifthly, the adjustment of debts of an individual with regular income (chapter 13 – sections 1301–1330).

Supervision, control and litigation in bankruptcy proceedings is carried out by the Bankruptcy Courts, a judicial system created in accordance with the first article of the US Constitution [7]. The current court system was formed by a decision of the US Congress in 1978, and began operating on April 1, 1984.

Bankruptcy courts are structural units of the federal district courts, the exclusive competence of which is the consideration of bankruptcy cases. The consideration of such cases falls within the jurisdiction of the federal courts only. The state courts are not endowed with this right, since the legislative regulation of bankruptcy issues refers to the federal level [2]. In each of the 94 federal courts, a judicial composition has been formed to deal with bankruptcy cases [8].

* Panova Angela Alexandrovna, student of the Institute of correspondence and open education in the direction of "Lawyer for private business and government", «Financial University under the Government of the Russian Federation». E-mail: lika.panova@list.ru

A bankruptcy judge is appointed for a term of 14 years by the US Federal Court of Appeals for the county in which the relevant district court operates. Judges may be appointed repeatedly [2]. Bankruptcy court decisions are not published in an official publication issued by the US Government. Instead, the source for publishing decisions is Bankruptcy Herald magazine [11], published by Thomson West, a private publisher.

The bankruptcy court has the right to appoint a trustee to manage the affairs of the debtor and ensure the interests of creditors. In addition, the bankruptcy proceedings are also monitored by the US Federal Manager, who is an official of the US Department of Justice and administers bankruptcy cases and the actions of Trustees [17].

Bankruptcy proceedings usually begin with the filing of a bankruptcy petition by the debtor. An application may be filed by an individual, spouses together, or by a corporation or other legal entity. The debtor is also required to submit an application indicating the assets, income, liabilities, as well as the names and addresses of all creditors and the amount of their debt. After filing a bankruptcy petition with the Federal Court, the Federal Manager of the United States of America appoints an impartial manager to manage the case and liquidate the debtor's inexhaustible assets, or a bankruptcy administrator to supervise the case and related actions of all parties.

Bankruptcy administrators oversee cases brought only in Alabama and North Carolina. The United States Congress established the Bankruptcy Administration Program in 1986. Bankruptcy administrators' offices in six judicial districts of Alabama and North Carolina supervise the administration of bankruptcy cases, support a group of private managers and monitor bankruptcy transactions and conduct of the parties.

Bankruptcy administrators also approve and maintain a list of approved credit counseling agencies and education providers for debtors in their area. All individual bankruptcy applicants are required to undergo pre-bankruptcy loan counseling and obtain debtor status before discharge. They may not be provided at the same time. Credit counseling should be done before you file for bankruptcy; Debtor status is assigned after you submit your application. A certificate for credit counseling and debtor status is required, but before the debtor's debts can be repaid. Only certificates issued by credit institutions and debt training providers are approved and approved by the US Trustees Program [25].

In addition, bankruptcy administrators also compile tables of administrative expenses [22], which for the judicial district are contained in chapter 13 of the Bankruptcy Code, which are necessary for filling in certain forms of bankruptcy.

The US Trustees Program (hereinafter referred to as the US PDU) [17] was established in accordance with the Bankruptcy Reform Act of 1978, as a pilot project involving 18 districts. It has been expanded to the 21st region across the country, covering all federal judicial districts, with the exception of Alabama and North Carolina [26], thanks to the passage of the Bankruptcy Law for Judges [14], US Governors [15], and the Family Bankruptcy Law farmers in 1986 [5].

The program is funded by the US Trust System Fund [16], whose contributions mainly consist of fees paid by parties and entities using Federal Bankruptcy Protection.

The main role of the US PDU is to be a “bankruptcy supervisor” [4]. As stated in a statement by the Cornell Law School Institute of Legal Information [7], “The mission of the US PDS is to promote the integrity and effectiveness of the bankruptcy system for the benefit of all interested parties – debtors, creditors, and the public” [3].

The candidate for the position of trustee must have the education of either a lawyer, or an accountant, or a banker, or a crisis manager, who is admitted to office and must meet the conditions specified in the Bankruptcy Law Code. The legislation of the United States of America enshrines the right of the trustee of the "organization-debtor", which allows you to choose from among all current applications or contracts that you can actually fulfill in the interests of continuing to conduct business or its completion at the lowest possible cost, as well as those that it is better to refuse for reasons of expediency of solving problems ensuring the achievement of the main goal – the organization’s withdrawal from a situation of insolvency (bankruptcy) by reorganization rather than liquidation eat.

The Attorney General has been assigned the appointment of governors and assistant managers of the United States of America. The US Governing Executive Office, part of the US Department of Justice in Washington, DC, provides general political and legal assistance, oversees the main operations of the US Remote Control and administrative functions.

The Director of the Administrative Department, the appointment of which is carried out by the Prosecutor General, supervises the staff, consisting of the offices of the director, the General Counsel, criminal supervisory authorities, administration, supervision, planning and evaluation of information technologies. The Administrative Office also provides administrative and managerial support to individual US offices in implementing federal bankruptcy laws [7].

Trustees in the United States, in accordance with the United States Bankruptcy Code, oversee the administration of the following cases.

1. Liquidation proceedings in accordance with Chapter 7 “Liquidation Process” control only those assets that are not exempt from creditors, are collected and liquidated (reduced to cash). The proceeds are distributed among creditors to a private manager appointed to manage the debtor's property. An eligible debtor may receive an “exemption” from his debts, with the exception of certain debts that are prohibited by the US Bankruptcy Code [9].

In liquidation cases, immediately after filing a bankruptcy petition, the Federal Manager is obligated to appoint an uninterested person who is part of the Association of Managers as interim manager. The interim trustee shall perform his duties until the appointment or election of a permanent trustee, whom creditors must elect at the first meeting of creditors. If the manager is not elected by the creditors, then the interim manager appointed by the federal manager becomes the permanent manager.

2. The reorganization process (usually related to a business), in accordance with Chapter 11, proposes a procedure by which an individual or legal

entity can try to “reorganize” its debts while continuing to operate. The vast majority of cases are filed by companies. The debtor, often with the participation of creditors, creates a reorganization plan, in accordance with which his debt is fully or partially repaid. A “debtor owner” can, as a rule, continue business operations pending reorganization, unless a proxy is appointed in accordance with chapter 11 [10].

Section 1930 (a) (6) of the US Code [7] prescribes “quarterly fees”, which must be paid in each case to the US Remote Control. In fact, quarterly payments are accrued during the entire period of consideration of the reorganization case in accordance with Chapter 11 (i.e., until the case is closed, dismissed or converted to another chapter) and paid quarterly, 30 days after the end each calendar quarter. “The amount of the quarterly payment (calculated) on a graded scale based on the total amount of payments”, as described in section 1930 (a) (6), and “payments” include all payments before and after confirmation made by the debtor on his behalf, including current operating expenses [12].

More extensive information on quarterly fees under chapter 11 is available at the United States Trustees Office [10] in the court district where the case is opened.

3. The process of reorganizing the family farm and the fisherman in accordance with Chapter 12 allows a suitable family farmer or fisherman to file for bankruptcy, reorganize the business of the farming or fishing business, fully or partially pay off the debts of the enterprise and continue its activities.

The “Permanent Manager,” appointed by the US Federal Manager [13], usually acts as the trustee of the debtor’s property pending the fulfillment of the debtor’s repayment obligations in accordance with the plan approved by the US Bankruptcy Court [20], where the case was opened .

4. The reorganization procedure of the “employee” in accordance with Chapter 13 is mainly used by individual consumers to reorganize their financial affairs in accordance with the repayment plan, which must be completed within three or five years. In order to be eligible for assistance in accordance with Chapter 11, a consumer must have regular income and not have more than a certain amount of debt, as specified in the Bankruptcy Code.

The prerogative responsibilities of the managers of the United States of America include the appointment and supervision of private managers who manage bankruptcies under chapters 7, 12, and 13 (and assist managers in cases where private managers cannot or do not want to work); taking legal measures to ensure compliance with the requirements of the Bankruptcy Code and the prevention of fraud and abuse; sending questions for investigation and prosecution, when appropriate; ensuring prompt and efficient management of bankruptcy property and reasonable payment for professional services; the appointment and convening of committees of creditors in cases of reorganization of enterprises; consideration of disclosure statements and applications for retention of professionals; court appearance on issues related to the Bankruptcy Code and bankruptcy rules.

In general, the bankruptcy procedure in the United States of America, absolutely, like in many other countries, has positive and negative traits. The positive side is that the insolvent person has the opportunity to start life "from

scratch", without obligations and debt. The negative side can be considered that the record in the person's credit history of declaring bankrupt is kept for 10 years. Such a decision in practice has a number of consequences, one of which is that a person in the future will not be able to get a loan from banks in the United States of America, in such a situation financial needs, such as funds for treatment, for the purchase of housing, for the education of a child will be unavailable.

The requirements for trustees in the United States come from the legal regulation of the institution of managers in the bankruptcy case in the United States of America is quite high.

This primarily relates to the level of qualification and reputation of an individual, which is contained in US law. The Trustee is overseen by the Executive Board of Governors of the United States. In the USA, managers can be individuals (the Federal Manager or the Trustee chosen by him), or organizations (corporations). Courts in the United States authorize (approve) the appointment of a manager and remove him from office, as well as provide judicial control over the actions of the manager in the course of his procedures.

US law also establishes a requirement to provide financial guarantees of a manager's liability in bankruptcy proceedings by insuring professional managers' liability. In addition, it is necessary for the Trustees to provide financial guarantees in favor of the United States of America by depositing a deposit with the court.

Based on the foregoing, we can conclude that in the United States of America the bankruptcy procedure was settled more specifically in connection with the experience gained, and in Russia this procedure was introduced recently. It is possible that in the future, the rich experience of foreign countries, in particular, the United States of America, will be used to amend Russian acts taking into account the prevailing practice.

Bibliographic list

1. Federal law of October 26, 2002 No. 127-ФЗ (as amended on April 1, 2020) "On insolvency (bankruptcy)" // Official Internet portal of legal information // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Statement of Mission of the US Trustees Program // URL: <https://www.justice.gov/ust/strategic-plan-mission> (accessed 02.16.2020).
3. Robert D. Drain. Summary of Chapter 11 of the United States Bankruptcy Code, including cases involving "small businesses" and individuals // URL: https://www.m-logos.ru/img/tezis_Miftahutdinov_161115.pdf (accessed 02.10.2020).
4. House Report No. 989, 95th Cong., 2d Sess. at 88 (reprinted in 1978 U.S. Code Congressional & Admin. News at 5787, 5963, 6049).
5. Law Library of Congress // URL: <http://www.loc.gov/rr/asklib/ask-law.html> (accessed 02.16.2020).
6. Legal Information Institute Cornell Law School open access to law since 1992 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/581> (accessed 02.16.2020).
7. Legal Information Institute Cornell Law School open access to law since 1992 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1930> (accessed 02.16.2020).
8. Library Services University of Science and Technology of Southern Philippines // http://ustp.edu.ph/library/ask_the_librarian.php (accessed 02.16.2020).

9. Proc bankruptcy / bankruptcy-basics / process-bankruptcy-basics ess – Bankruptcy Basics. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/> (accessed 08.02.2020).

10. The United States Department of Justice // URL: <https://www.justice.gov/ust/us-trustee-regions-and-offices> (accessed 02.16. 2020).

11. Thomson Reuters 3 Times Square New York, NY, 2020 // URL: <https://legal.thomsonreuters.com/en> (accessed 02/14/2020).

12. Tighe v. Celebrity Home (In re Celebrity Home Entertainment, Inc.), 210 F.3d 995 (9th Cir. April 21, 2000).

13. US Duties; supervision by Attorney General. Code § 586 // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/586> (accessed 02.17.2020).

14. U.S. Code § 152. Appointment of bankruptcy judges // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (accessed 02.16.2020).

15. U.S. Code § 581. United States trustees // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (accessed 02.16.2020).

16. U.S. Code §589a. United States Trustee System Fund // URL: <https://www.law.cornell.edu/> (accessed 02.16.2020).

17. U.S. Department of Justice 950 Pennsylvania Avenue, NW Washington, DC 20530-0001. The United States Department of Justice. U.S. Trustee Program // URL: <https://www.justice.gov/ust> (accessed 14.02.2020).

18. U.S. Department of Justice 950 Pennsylvania Avenue, NW Washington, DC 20530-0001. The United States Department of Justice. U.S. Trustee Program // URL: <https://www.justice.gov/ust> (accessed 02.16.2020).

19. United States Bankruptcy Code2019 Edition © 2015–2019 Michigan Legal Publishing Ltd. // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/chapter-7-liquidation/> (accessed 02.16.2020).

20. United States Bankruptcy Code2019 Edition © 2015–2019 Michigan Legal Publishing Ltd. // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/chapter-11-reorganization/> (accessed 02.16.2020).

21. United States Bankruptcy Michigan Legal Publishing Ltd, 2019 // URL: <https://www.usbankruptcycode.org/table-of-contents/> (accessed 02/06/2020).

22. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/> (accessed 02.17.2020).

23. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/> (accessed 02/08/2020).

24. United States Courts // URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/bankruptcy/trustees-and-administrators/administrative-expense-multipliers> (accessed 02/14/2020).

25. URL: <https://www.uscourts.gov/services-forms/bankruptcy/credit-counseling-and-debtor-education-courses> (accessed 14.02.2020).

26. Bankruptcy cases in Alabama and North Carolina do not fall under the jurisdiction of the US Trustees Program. For bankruptcy proceedings in six jurisdictions in these states, questions should be directed to the bankruptcy administrator of the county in which the case is heard.

For citation: Panova A.A. To the question of the legal status of a trustee in the USA // Legal Thought. 2019. № 6. P. 59–64.

УДК 347.195.42
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.004

Правовая конструкция цифровых прав как объекта гражданских прав

С.В. Петухов*
Ю.В. Рачеева**

Аннотация. В статье проводится анализ цифровых прав как объекта гражданских прав, приводятся примеры новой цифровой реальности. Авторы согласны с тем, что зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта, появляются примеры конкретного законодательного регулирования в ряде стран, включая и Российскую Федерацию.

Ключевые слова: цифровые права, информационные технологии, цифровизация, объект гражданских прав, токен.

Информационные технологии стремительными темпами проникают во все сферы общественной жизни, формируя новую, так называемую, цифровую реальность. Более того, ряд ученых считают, что «цифровизация важнейших сфер государственной и общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной) есть важнейшее направление деятельности государства как адекватный ответ на вызовы современного государственно организованного общества вообще, российского – в особенности. Это имеет первостепенное значение в формировании и реализации целей и задач информационного общества» [10, с. 25].

Следует согласиться с идеей о том, что «изменение информационных отношений в мире невольно наталкивает нас на мысль о воплощении в жизнь многих футуристических идей, остававшихся еще совсем недавно за гранью реальности. Новые информационно-коммуникационные технологии наращивают свою мощь, становятся доступными и популярными среди населения всего международного сообщества. Использование передовых наукоемких технологий не только во многих сферах общественной

* *Петухов Сергей Владимирович*, студент 1 курса магистратуры Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Направление: Юрист для частного бизнеса и власти. E-mail: s.petuhov97@mail.ru

** *Рачеева Юлия Владимировна*, студентка 2 курса бакалавриата Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Направление: гражданское и предпринимательское право.

Научный руководитель – *Петюкова Оксана Николаевна*, заместитель декана Юридического факультета по научной работе и международному сотрудничеству Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

жизни, заставляет нас задуматься об имеющейся зависимости людей от всевозможных компьютерных и роботизированных систем. Интеграция передовых технологий в социальную жизнь позволяет нам констатировать существование некой закономерности приводящей к зависимости человека перед информационными технологиями» [12, с. 22].

Показательными примерами новой цифровой реальности являются технологии блокчейн, банковские операции в онлайн режиме, электронные библиотеки, различные технологии облачных сервисов, искусственный интеллект [1, с. 17]. Существуют различные виды цифровых активов: токены (шифр, владение которым предоставляет возможности, другими словами, заменяет ценные бумаги в цифровом мире); цифровые валюты (биткойны, эфириум, монеро и др.); большие данные (big data); доменные имена и аккаунты; виртуальное игровое имущество (например, принадлежащее игроку/аккаунту приобретенное за денежные средства имущество, которое дает преимущества/новые возможности в игре) [13].

Российские правоведы достаточно активно исследуют данную область знаний, так, например, председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин отмечал, что «зарождается новое право, регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта». Более того, он подчеркивает, что «признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений – задача государства» [2].

С учетом экономических особенностей, зарубежного опыта и доктринального толкования, основной задачей государства становится своевременное законодательное регулирование цифровых технологий.

Актуальность данной темы подчеркивается подписанием Президентом РФ Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 34-ФЗ) [3]. Этот Федеральный закон вступил в силу 1 октября 2019 года, основополагающей задачей которого является расширение списка объектов гражданских прав, в частности, объектами гражданских прав будут признаваться и цифровые права.

Согласно п. 3 ст. 1 Закона № 34-ФЗ, под цифровыми правами следует понимать названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержания и условия осуществления которых, определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Кроме того, указано, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Также, в соответствии с ч. 2 п. 3 ст. 1 Закона № 34-ФЗ обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Сделки заключаются в письменной форме. Они будут считаться заключенными в случае ее совершения с помощью электронных либо иных технических устройств, позволяющих достоверно определить лицо, выра-

жившее волю. Письменной формой согласия на дистанционное подписание договора может стать заполнение формы в Интернете или путем отправки SMS-сообщения.

По мнению самих разработчиков этого Федерального закона с помощью этого нововведения будет возможен полноценный оборот цифровых прав, а стороны смогут всесторонне защищать свои права по таким сделкам. Кроме того, станет возможным заочно голосовать с помощью технических средств на собраниях гражданско-правовых сообществ.

Проблематика данного вопроса кроется в понимании, что представляет собой цифровое право. Например, Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в своем заключении на проект указывал, что цифровое право – это новый способ фиксации обязательственных и иных прав, а не объект гражданских прав [4].

Для последовательного понимания сущности цифровых прав и их роли в действующем правовом регулировании необходимо проанализировать позицию целого ряда ученых. Так, по мнению, Л.Ю. Василевской «цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации» [5, с. 111].

В свою очередь, профессор А.М. Эрдлевский указывает следующее: «очевидный дефект второго предложения п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, где после слова «осуществление» оказались пропущены слова «цифрового права», в результате чего подлежащее «осуществление» оказалось не связанным с каким-либо дополнением, в том числе с цифровым правом» [6].

Кроме того, возникает вопрос в необходимости признания цифровых прав новым объектом гражданских прав. При этом, сама категория объект гражданского права предполагает установление определенного гражданско-правового режима, который, по сути, до сих пор не создан, хотя цифровые права были введены Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ [3]. Совершенно естественно, что для государства еще один способ фиксации прав на объекты гражданских прав позволяет упростить контроль с точки зрения фискального интереса государства. Однако введенные нормы обладают декларативным и отсылочным характером, а нормы, устанавливающие определенное правовое регулирование цифровой среды до сих пор не приняты, в том числе не приняты законы, закрепляющий правовой статус цифровых финансовых активов, виртуальной валюты и целого ряда иных категорий [7, с. 110].

Представляет обоснованной позиция Ю.В. Кузнецова, который отмечает, что рассматриваемый закон «предполагает серьезную переработку значительной части корпуса гражданского права и гражданского-правовой доктрины в условиях, когда практика оборота новых объектов еще не устоялась, а осмысление ее профессионалами, экономистами и юристами еще только начинается» [8, с. 103]. Также возникает целый ряд вопросов, связанных с моделью закрепления правового регулирования цифрового знака, то есть токена.

Введенное понятие цифровых прав весьма схоже с понятием «токен» по Декрету Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» [11]. Согласно п. 2.2 «физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных настоящим Декретом, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены» [11].

Однако, понятие цифровых прав в то же время резко отличается от понятия токена, содержащегося в законопроекте о цифровых активах. Подобная ситуация может привести к тому, что право на финансовый актив будет одним, а цифровое право другим. В результате, получится различное правовое регулирование в гражданском, налоговом и бюджетном законодательстве, что не способствует гармонизации и унификации правового регулирования в Российской Федерации [9, с. 76].

В этой связи очевидным представляется необходимость единообразного подхода законодателя к правовому регулированию институтов, возникающих в цифровой экономике. Кроме того, вводимые изменения должны быть продиктованы не волей определенных субъектов, а потребностью общества и правовой системы в закреплении правового статуса отдельных элементов цифровизации. Представляется, что от решения вышеобозначенных вопросов зависит степень развития цифровой экономики, способность права адекватно отвечать вызовам современности.

Библиографический список

1. *Булгатова Ю.С., Сандакова Б.В.* Блокчейн-технология как новый путь развития экономики России // Вестник Бурятского государственного университета. – Экономика и менеджмент. – 2018. – Вып. 1. – С. 16–21.
2. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (Дата обращения: 25.02.2020).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
4. *Шестакова М.* Цифровые права как новый вид объектов гражданских прав. Что еще поменялось в ГК РФ? // ЭЖ-Юрист. – 2019. – № 11 (1062).
5. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
6. *Эрделевский А. М.* О цифровых правах. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=122169#08341457871907578>.
7. *Овчинников А.И., Фатхи В.И.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. № 3 (90). 2019. С. 104–112.
8. *Кузнецов Ю.В.* Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. – Сентябрь 2018. – С. 96–105.

9. Фатьянов А.А. Актуальные проблемы правового регулирования в области развития цифровой экономики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 3. – С. 71–77.

10. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении // Теория государства и права. – 2019. № 4 (16). С. 25–37.

11. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/sanacija-i-bankrotstvo/Dekret-Prezidenta-Respubliki-Belarus-ot-21-12-2017-N-8-O-r.pdf>

12. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

13. См.: Цифровые права как объекты гражданских прав // https://rusjurist.ru/teoriya_prava/cifrovye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-prav/

Для цитирования: Петухов С.В., Рачеева Ю.В. Правовая конструкция цифровых прав как объекта гражданских прав // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (118). – С. 65–69.

Legal design of digital rights as an object of civil rights

S.V. Petukhov*
Y.V. Racheeva**

Annotation. The article analyzes digital rights as an object of civil rights, provides examples of a new digital reality. The authors agree that a new law is emerging that regulates relations in the context of the world of numbers and artificial intelligence, there are examples of specific legislative regulation in a number of countries, including the Russian Federation.

Keywords: digital rights, information technology, digitalization, civil rights object, token.

Information technologies are rapidly penetrating into all spheres of public life, forming a new, so-called, digital reality. Moreover, a number of scientists believe that “the digitalization of the most important spheres of state and public life (economic, political, social, spiritual) is the most important direction of the state’s activity as an adequate response to the challenges of a modern state-organized society in general, and of Russia in particular. This is of paramount importance in the formation and implementation of the goals and objectives of the information society” [10, p. 25].

It is necessary to agree with the idea that “a change in informational relations in the world involuntarily prompts us to realize many futuristic ideas that

* *Petukhov Sergey Vladimirovich*, 1st year student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Direction: Lawyer for private business and government.

** *Racheeva Yulia Vladimirovna*, 2nd year undergraduate student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Direction: civil and business law.

Scientific adviser: Petyukova Oksana Nikolaevna, Deputy Dean of the Faculty of Law for Science and International Cooperation, Doctor of Law, Professor.

have recently remained beyond reality. New information and communication technologies are increasing their power, becoming accessible and popular among the population of the entire international community. The use of advanced high-tech technologies not only in many areas of public life, makes us think about the existing dependence of people on all kinds of computer and robotic systems. The integration of advanced technologies in social life allows us to ascertain the existence of a certain pattern leading to the dependence of mankind on information technology" [12, p. 22].

Illustrative examples of the new digital reality are blockchain technologies, online banking, electronic libraries, various technologies of cloud services, artificial intelligence [1, p. 17]. There are various types of digital assets: tokens (a cipher, the possession of which provides opportunities, in other words, replaces securities in the digital world); digital currencies (bitcoins, ethereum, monero, etc.); big data (big date); domain names and accounts; virtual gaming property (for example, property belonging to a player / account acquired for money that gives advantages / new opportunities in the game) [13].

Russian lawyers are quite actively exploring this area of knowledge, for example, the chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin noted that "a new law is emerging that regulates relations in the context of the world of numbers and artificial intelligence." Moreover, he emphasizes that "the recognition and protection of digital rights of citizens from all kinds of violations is the task of the state" [2].

Given the economic characteristics, foreign experience and doctrinal interpretation, the main task of the state is the timely legislative regulation of digital technologies.

The relevance of this topic is emphasized by the signing by the President of the Russian Federation of Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" (hereinafter – Law No. 34-FZ) [3]. This Federal Law entered into force on October 1, 2019, the fundamental task of which is to expand the list of civil rights, in particular, digital rights will be recognized as civil rights.

According to paragraph 3 of Art. 1 of Law No. 34-ФЗ, digital rights should be understood as binding and other rights mentioned in such a quality in the law, the contents and conditions of which are determined in accordance with the rules of the information system that meets the criteria established by law. In addition, it is indicated that the implementation, disposal, including transfer, pledge, encumbrance of digital law in other ways or limiting the disposal of digital law is possible only in the information system without contacting a third party.

Also, in accordance with Part 2, Clause 3, Article 1 of Law No. 34-FZ, the owner of digital law is a person who, in accordance with the rules of the information system, has the ability to dispose of this right. Transactions are in writing. They will be deemed to be concluded if it is committed using electronic or other technical devices that will reliably identify the person who expressed the will. A written form of consent to the remote signing of the contract may be filling out the form on the Internet or by sending an SMS message.

According to the developers of this Federal Law, with the help of this innovation, a full circulation of digital rights will be possible, and the parties will be able to comprehensively protect their rights in such transactions. In addition, it will become possible to vote in absentia by technical means at meetings of civil law communities.

The problematic of this issue lies in understanding what constitutes digital law. For example, the Presidential Council for the Codification and Improvement of Civil Legislation in its conclusion to the draft indicated that digital law is a new way of fixing obligations and other rights, and not an object of civil rights [4].

For a consistent understanding of the essence of digital rights and their role in the current legal regulation, it is necessary to analyze the position of a number of scientists. So, according to L.Yu. Vasilevskaya "digitalization of rights does not lead to the emergence of a new type of property rights that exist along with binding, corporate, exclusive rights, but to their digital way of fixing" [5, p. 111].

In turn, Professor A.M. Erdlevsky points out the following: "an obvious defect in the second sentence of paragraph 1 of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, where after the word "implementation" the words "digital law" were omitted, as a result of which the subject "implementation" turned out to be unrelated to any amendment, including digital law" [6].

In addition, the question arises of the need to recognize digital rights as a new subject of civil rights. In this case, the category itself, the object of civil law involves the establishment of a certain civil law regime, which, in fact, has not yet been created, although digital rights were introduced by the Federal Law of March 18, 2019 Law No. 34-FZ [3]. It is quite natural that for the state one more way of fixing rights to objects of civil rights allows simplifying control from the point of view of the fiscal interest of the state. However, the introduced norms have a declarative and reference character, and the norms establishing a certain legal regulation of the digital environment have not yet been adopted, including laws that enshrine the legal status of digital financial assets, virtual currency, and a number of other categories [7, p. 110].

It represents a reasonable position Yu.V. Kuznetsova, who notes that the law in question "involves a serious revision of a significant part of the civil law corpus and civil law doctrine in a situation where the practice of trafficking in new facilities has not yet been established, and its comprehension by professionals, economists and lawyers is only just beginning" [8, p. . 103]. Also, a whole series of issues arises related to the model of consolidating the legal regulation of a digital sign, that is, a token.

The introduced concept of digital rights is very similar to the concept of "token" according to Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 21, 2017 No. 8 "On the development of the digital economy" [11]. According to paragraph 2.2, "individuals have the right to own tokens and, taking into account the features established by this Decree, perform the following operations: mining, storing tokens in virtual wallets, exchanging tokens for other tokens, their acquisition, alienation for Belarusian rubles, foreign currency, electronic money, as well as giving and bequeathing tokens" [11].

However, the concept of digital rights is at the same time sharply different from the concept of a token contained in the bill on digital assets. Such a situation may lead to the fact that the right to a financial asset will be one, and digital law will be different. As a result, we get different legal regulation in civil, tax and budget legislation, which does not contribute to the harmonization and unification of legal regulation in the Russian Federation [9, p. 76].

In this regard, the need for a uniform approach of the legislator to the legal regulation of institutions that arise in the digital economy seems obvious. In addition, the changes introduced should not be dictated by the will of certain entities, but by the need of society and the legal system to consolidate the legal status of individual elements of digitalization. It seems that the degree of development of the digital economy and the ability of the law to adequately meet the challenges of our time depend on solving the above issues.

Bibliographic list

1. Bulgatova Yu.S., Sandakova B.V. Blockchain technology as a new way of development of the Russian economy // Bulletin of the Buryat State University. Economics and management. 2018. Issue 1. P. 16–21.

2. Right in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum [Electronic resource]. Access mode: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchish-chat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (Date of access: 25.02.2020).

3. The Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” dated March 18, 2019 No. 34-ФЗ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No 12. Art. 1224.

4. Shestakova M. Digital rights as a new kind of objects of civil rights. What else has changed in the Civil Code of the Russian Federation? // EJ Lawyer. No. 11 (1062) 2019.

5. Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of the legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. No 5. P. 111–119.

6. Erdelevsky AM On digital rights // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=122169#08_341457871907578.

7. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. Digital rights as objects of civil rights // Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. No. 3 (90). 2019. P. 104–112.

8. Kuznetsov Yu.V. Crypto assets as documentary securities // Law. September 2018. P. 96–105.

9. Fatyanov A.A. Actual problems of legal regulation in the field of development of the digital economy // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2018. No. 3. P. 71–77.

10. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension // Theory of state and law. 2019. No 4 (16). P. 25–37.

11. Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 21, 2017 No. 8 “On the development of the digital economy” // URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/sanacija-i-bankrotstvo/Dekret-Prezidenta-Respubliki-Belarus-ot-21-12-2017-N-8-Or.pdf>

12. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The legal status of cyberphysical systems: theoretical and legal understanding // Theory of state and law. 2020. No. 1. P. 22–35.

13. See: Digital rights as objects of civil rights // https://rusjurist.ru/teoriya_prava/cifrovye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-prav/

For citation: Petukhov S.V., Racheeva Yu.V. Legal construction of digital rights as an object of civil rights // Legal Thought. 2019. № 6 (116). P. 69–73.

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

УДК 340.

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.006

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ ПЛАТЕЖЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А.И. Габдинуров*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты платежей и сборов в зарубежных странах. На сегодняшний день уклонение от уплаты платежей в бюджеты является достаточно распространенным явлением. Уклонение от уплаты налогов и иных платежей, как основание привлечения к уголовной ответственности, получило распространение и в отдельных зарубежных странах. Безусловно зарубежные меры противодействия будут способствовать повышению эффективности в сфере противодействия уклонению от уплаты платежей и сборов в нашей стране. Проанализированы возможность использования зарубежного опыта в российском правоприменении.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов и сборов, уголовная ответственность, налоги и сборы. Таможенные платежи, преступления, зарубежные страны, противодействие преступности.

Современная экономика России построена таким образом, что каждый хозяйствующий субъект обязан уплачивать различные налоги, платежи и сборы. Экономический кризис, вызванный введением различных санкций, усилил давление на граждан и субъектов хозяйственной деятельности, в связи с чем, наблюдается динамика роста преступлений в сфере уклонения от уплаты платежей в соответствующие бюджеты.

Конституция Российской Федерации в статье 57 закрепляет положение о том, что «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» [1].

Появление уголовной ответственности за невыплату платежей, сборов и налогов обусловлено, прежде всего, развитием рыночных отношений.

* Габдинуров Артур Ильдарович, студент 2 курса магистратуры ВШГА Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: artur.gabdinurov@mail.ru

Научный руководитель – Анищенко Владимир Николаевич, профессор кафедры экономических и финансовых расследований, ВШГА Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор технических наук. E-mail: anpvladimir@list.ru

При этом уклонение от уплаты платежей получило распространение не только в России, но и в большинстве зарубежных стран. В рамках настоящей статьи проанализированы особенности уголовной ответственности в странах континентальной Европы. Безусловно, это связано с тем, что правовая система стран континентальной Европы очень схожа с правовой системой России.

Анализ особенностей противодействия уклонению от уплаты платежей необходимо начать с Франции. Уголовная ответственность регламентирована Налоговым кодексом Франции 1950 года [2]. Законодательный акт содержит около 30 составов, предусматривающих ответственность за уклонение от оплаты платежей. Интересен тот факт, что Уголовный кодекс Франции 1992 года не содержит не одного состава ответственности за налоговые преступления. При этом разделяет общественно опасные налоговые деяния на уголовные проступки и налоговые преступления, чего нет в российском уголовном законодательстве [8, 9].

Среди наиболее распространенных составов уголовной ответственности в данной сфере выступают:

- непредставление декларации о доходах или предоставление не в установленном срок;
- предоставление ложной информации в декларации;
- несвоевременная уплата налогов;
- несоблюдение правил декларирования либо оплаты налога в электронной форме.

Заметим, что законодатель за допущенные нарушения предусматривает такой вид наказания, как штраф, либо увеличение суммы вносимого налога.

Налоговое мошенничество получило широкое распространение на территории Франции. Законодатель указывает, что за любое уклонение от уплаты налогов или уклонение от частичной уплаты может быть назначен штраф или тюремное заключение на срок до 5 лет. Как можно заметить, во Франции отсутствуют самостоятельные статьи дифференцирующие уголовную ответственность за данные преступления в зависимости от субъекта уклонения (будь то физическое, либо юридическое лицо), как это сделано в УК РФ, а ответственность наступает по общим статьям об уклонении.

Об эффективном противодействии в сфере уклонения от уплаты налогов и сборов во Франции может свидетельствовать право суда лишить любого виновного в совершении такого преступления, гражданских, политических права, а также возможности осуществления коммерческой деятельности [7]. Конечно, в российском законодательстве нет таких возможностей у судебной власти. Заметим, что французский законодатель устанавливает возможность привлечения к ответственности юридическое лицо, что в свою очередь до настоящего времени невозможно по российскому законодательству. Необходимо также отметить, что французское законодательство не регламентирует вопросы ответственности за уклонение от уплаты иных платежей и сборов в соответствующие бюджеты.

Уголовное законодательство Германии также не предусматривает налоговых преступлений. Из общего правила есть исключения, в частности, нарушение налоговой тайны и подделка знаков оплаты пошлины. Нормы

об ответственности за уклонение от уплаты платежей в бюджет предусмотрены Положением о налогах и платежах Германии. При этом, в сравнении с законодательством Франции к налоговым платежам, за нарушение которых наступает уголовная ответственность, относятся не только налоговые платежи, но и иные виды платежей, так же и таможенные платежи и сборы. Законодатель Германии также разграничивает налоговые правонарушения и налоговые преступления. В качестве субъекта подлежащего уголовной ответственности может выступать только физическое лицо. Германское законодательство по аналогии с французским законодательством предусматривает право суда лишить виновного политических права и возможности занятия государственной должности [6].

Подразделение общественно опасных действий в налоговой сфере предусматривалось и в Италии. В свою очередь, законодательство Италии предусматривает ответственность не только за неуплату налогов, но и за уклонение от уплаты иных платежей и сборов в бюджет. Кроме того, все преступления имеют подразделение в зависимости от бюджета, в который они поступают.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов в результате умышленных действий по сокрытию доходов или занижению прибыли, и иных объектов налогообложения [4].

Уклонение от уплаты налогов в Соединенных штатах Америки признается тяжким преступлением и может наказываться либо достаточно высоким штрафом, либо лишением свободы на определенный срок.

Широкое распространение получил общественный контроль уплаты налогов на территории Финляндии. Правоприменитель использует общественный контроль с целью исключения возможного уклонения граждан и организаций от уплаты налогов и сборов. Такой публичный отчет размещается в местных газетах ежегодно. Финляндия является одним из государств в мире, где наблюдается высокий уровень налоговой культуры, особенно в сети Интернет. Именно через такие каналы связи производится консультирование и информирование плательщиков.

Положительным в противодействии уклонению от уплаты налогов сеть Интернет и иные коммуникации признают и в Великобритании. Через подобные сети плательщикам налогов и сборов производится рассылка уведомлений и предупреждений, что позволяет экономить время на обмен информацией, а также признается наиболее удобной для обеих сторон правоотношений.

Безусловно, наличие составов уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и иных платежей стоит признавать положительным моментом в противодействии. Однако, это нельзя признать такой весомой особенностью, отличающей зарубежное законодательство в сфере регулирования от российского законодательства. Российской Федерации необходимо перенимать опыт противодействия уклонению налогов именно в следующем. Особое значение, как свидетельствует практика, в зарубежных странах играет обмен налоговой информацией о налогоплательщиках. Среди исследователей данный способ признается одним из наиболее эф-

фективных. Обмен информацией может осуществляться как по запросу, так и автоматически [3].

Проведение выездных и камеральных налоговых проверок выступает методом противодействия уклонению от уплаты налогов. Так как зачастую по результатам таких проверок выявляется большое количество ошибок.

Уровень налоговой культуры оказывает воздействие на возможное уклонение от уплаты налогов [7].

Не менее важным шагом в противодействии уклонению от уплаты налогов признается прозрачность системы распределения поступивших налогов, чего не скажешь о распределении налогов и сборов в Российской Федерации [5].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что уголовная ответственность за уклонение от уплаты обязательных платежей в бюджеты предусмотрена во всех зарубежных странах. Меры ответственности, принимаемые государствами разнообразны, и включают в себя различные способы противодействия. Санкции за неуплату обязательных платежей здесь предусматриваются от штрафа до лишения свободы на определенный срок. Специфическими признаками здесь следует признать возможность в некоторых странах лишить политических прав, государственной поддержки, возможность привлечь к уголовной ответственности помимо физических и юридических лиц. Рассмотренные страны в отличие от России имеют обширнейший опыт противодействия указанным деяниям и выработали систему отягчающих и смягчающих признаков уклонения от уплаты обязательных платежей. Законодательный и правоприменительный опыт этих стран может стать основой для дальнейшего совершенствования системы ответственности и противодействия уклонениям в бюджеты России.

Поэтому России в противодействии уклонению от уплаты налогов необходимо использовать не только опыт зарубежных стран, но и повышать взаимодействие всех структурных ведомств с целью выявления и профилактики совершения общественно опасных деяний в налоговой сфере.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Комментарий к Конституции Российской Федерации /С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 129–132.

2. Налоговый кодекс Франции 1950 г. // https://taxlink.ua/ua/print/international_normative_acts/437/ (Дата обращения: 26.11.2019).

3. Волова А.И. Особенности правового регулирования международных налоговых отношений // Финансовое право. – 2019. – № 7. – С. 31–35.

4. Дютин А. Н. Европейский опыт противодействия уклонению от уплаты налогов // Молодой ученый. – 2018. – № 39. – С. 113–116.

5. Сазонова Н.Г. Зарубежный опыт решения проблем уклонения от уплаты налогов // http://sisupr.mrsu.ru/2009-2/pdf/14.21_sazonova.pdf (Дата обращения: 27.11.2019).

6. Салказанов А.Э. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за неуплату платежей в бюджеты России и Европы // Юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 105–115.

7. Трусова Н.С. Мировой опыт выявления и противодействия уклонению от уплаты налогов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 194–202.

8. Уголовное законодательство зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2001. – С. 255–259.

9. Financial crime in France: overview. [Electronic resource] URL: <http://us.practicallaw.com/2-519-9872> (Дата обращения 26.11.2019 г.).

Для цитирования: Габдинуров А.И. Особенности противодействия уклонению от уплаты платежей в зарубежных странах // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 74–78.

Features of counteraction to evasion from payment of payments in foreign countries

A.I. Gabdinurov*

Annotation. In this article we will consider the features of criminal prosecution for evasion of payments and fees in foreign countries. To date, the evasion of payments to the budgets is quite common. Tax evasion, as a basis for criminal prosecution, has become widespread in some foreign countries. Of course, foreign counteraction measures will help to increase the effectiveness in the field of combating evasion of payments and fees. We analyzed the possibility of using foreign experience in Russian law enforcement.

Keywords: evasion of taxes and fees, criminal liability, taxes and fees. Customs payments, crimes, foreign countries, crime prevention.

The modern economy of Russia is structured in such a way that every business entity is required to pay various taxes, fees and charges. The economic crisis, caused by the introduction of various sanctions, increased pressure on citizens and business entities, in connection with which, there is a dynamic growth of crimes in the field of tax evasion in the relevant budgets.

The Constitution of the Russian Federation in article 57 establishes the provision that “everyone is obliged to pay legally established taxes and fees” [1].

The emergence of criminal liability for non-payment of fees, charges and taxes is due primarily to the development of market relations. Moreover, payment evasion has spread not only in Russia but also in most foreign countries. This article analyzes the features of criminal liability in countries of continental Europe. Of course, this is due to the fact that the legal system of countries of continental Europe is very similar to the legal system of Russia.

* *Gabdinurov Artur Ildarovich*, 2nd year student of the graduate school of the Graduate School of State Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow state University. E-mail: artur.gabdinurov@mail.ru.

Scientific supervisor – *Anishchenko Vladimir Nikolaevich*, Professor of the Department of economic and financial investigations of the Graduate School of State Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow state University, doctor of technical sciences. E-mail: anpvladimir@list.ru

An analysis of the features of counteracting payment evasion must begin with France. Criminal liability is regulated by the French Tax Code of 1950 [2]. The legislative act contains about 30 compositions providing for liability for tax evasion. An interesting fact is that the French Penal Code of 1992 does not contain more than one liability for tax crimes. At the same time, it divides socially dangerous tax deeds into criminal offenses and tax crimes, which is not in Russian criminal law [8, 9].

Among the most common formulations of criminal liability in this area are:

- failure to submit income statements or not submitted within the prescribed time period;
- the provision of false information in the declaration;
- late payment of taxes;
- Failure to comply with the rules for the declaration or payment of tax in electronic form.

Note that the legislator for the violations provided provides for this type of punishment, such as a fine, or an increase in the amount of tax payable.

Tax fraud is widespread in France. The legislator indicates that for any tax evasion or partial tax evasion, a fine or imprisonment for up to 5 years may be imposed. As you can see, in France there are no independent articles differentiating the criminal liability for these crimes depending on the subject of evasion (whether it is an individual or a legal entity), as is done in the Criminal Code of the Russian Federation, and liability arises from general articles on evasion.

An effective counteraction in the field of tax evasion in France may be evidenced by the right of the court to deprive anyone guilty of such a crime, civil, political rights, as well as the possibility of carrying out commercial activities [7]. Of course, the Russian legislation does not have such opportunities for the judiciary. Note that the French lawmaker establishes the possibility of holding a legal entity liable, which in turn is still not possible under Russian law. It should also be noted that French law does not regulate liability for evasion of other payments and fees to the respective budgets.

German criminal law also does not provide for tax crimes. There are exceptions to the general rule, in particular, violation of tax secrecy and falsification of duty payment signs. The rules on liability for tax evasion are provided for in the German Tax and Payments Regulation. Moreover, in comparison with French law, tax payments for the violation of which criminal liability arises include not only tax payments, but also other types of payments, as well as customs payments and fees. German lawmakers also distinguish between tax offenses and tax crimes. Only an individual can act as a subject of criminal liability. German law, by analogy with French law, provides for the right of the court to deprive the perpetrator of political rights and the possibility of taking public office [6].

The division of socially dangerous actions in the tax sphere was also envisaged in Italy. In turn, Italian law provides for liability not only for tax evasion, but also for evasion of other payments and fees to the budget. In addition, all crimes have a unit depending on the budget to which they are transferred.

The Criminal Code of the Republic of Belarus provides for liability for tax evasion as a result of deliberate actions to conceal income or understate profit, and other objects of taxation [4].

Tax evasion in the United States of America is recognized as a serious crime and may be punished either with a sufficiently high fine or with imprisonment for a fixed term.

Widespread public control over the payment of taxes in Finland. The law enforcer uses public control to exclude the possible evasion of citizens and organizations from paying taxes and fees. Such a public report is published in local newspapers annually. Finland is one of the countries in the world where a high level of tax culture is observed, especially on the Internet. It is through such communication channels that counseling and information is provided to payers.

In the UK, the Internet is recognized as positive in countering tax evasion. Notifications and warnings are sent out through such networks to payers of taxes and fees, which saves time on the exchange of information, and is also recognized as the most convenient legal relationship for both parties.

Of course, the presence of criminal liability for tax evasion, fees and other payments should be recognized as positive in opposition. However, this cannot be recognized as such a significant feature that distinguishes foreign legislation in the field of regulation from Russian legislation. The Russian Federation needs to learn from the experience of countering tax evasion in the following. Of particular importance, as practice shows, in foreign countries is the exchange of tax information about taxpayers. Among researchers, this method is recognized as one of the most effective. Information exchange can be carried out both on request and automatically [3].

Field and desk tax audits are a method of counteracting tax evasion. Since often a large number of errors are revealed by the results of such checks.

The level of tax culture has an impact on possible tax evasion [7].

An equally important step in countering tax evasion is the transparency of the distribution of taxes received, which cannot be said about the distribution of taxes and fees in the Russian Federation [5].

The above indicates that criminal liability for evading mandatory payments to the budgets is provided for in all foreign countries. Responsibilities taken by States are diverse and include various countermeasures. Sanctions for non-payment of mandatory payments are provided for from a fine to imprisonment for a certain period. Specific features here should be recognized as the possibility in some countries to deprive of political rights, state support, the ability to bring to criminal liability in addition to individuals and legal entities. The countries examined, unlike Russia, have extensive experience in countering these acts and have developed a system of aggravating and mitigating signs of evading mandatory payments. The legislative and law-enforcement experience of these countries can become the basis for further improvement of the system of responsibility and counteraction to deviations in the budgets of Russia.

Therefore, in countering tax evasion, Russia needs to use not only the experience of foreign countries, but also increase the interaction of all structural

departments in order to identify and prevent the commission of socially dangerous acts in the tax sphere.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. N 31. Article 4,398; Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S.A. Komarov [et al.]; under the editorship of S.A. Komarov. 3rd ed., Revised. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. P. 129–132.

2. The French Tax Code of 1950 // [https://taxlink.ua/ua/print/international_normative_acts / 437 /](https://taxlink.ua/ua/print/international_normative_acts/437/) (Date of access: 11/26/2019).

3. Volova L.I. Features of the legal regulation of international tax relations // Financial Law. 2019. No. 7. P. 31–35.

4. Dyutin AN. European experience of counteracting tax evasion // Young scientist. 2018. No. 39. P. 113–116.

5. Sazonova N.G. Foreign experience in solving problems of tax evasion // http://sisupr.mrsu.ru/2009-2/pdf/14.21_sazonova.pdf (Date of treatment: 11/27/2019).

6. Salkazanov A.E. Comparative legal analysis of criminal liability for non-payment of payments to the budgets of Russia and Europe // Legal Studies. 2017. No. 1. P. 105–115.

7. Trusova N.S. World experience in identifying and counteracting tax evasion // Bulletin of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2017. T. 7. No. 4 (25). P. 194–202.

8. The criminal law of foreign countries. General Part / Ed. I.D. Kozochkina. Moscow: Institute of International Law and Economics. A.S. Griboedova, 2001. P. 255–259.

9. Financial crime in France: overview. [Electronic resource] URL: <http://us.practicallaw.com/2-519-9872> (Date accessed 11/26/2019).

For citation: Gabdinurov A.I. Features of counteraction to evasion of payments in foreign countries // Legal Thought. 2019. No 6 (116). P. 78–81.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право

УДК 343.0

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.007

АЛЬТЕРНАТИВЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В настоящей статье поднимается проблема альтернатив в уголовном праве. Предлагается законодательно регламентировать иные меры уголовно-правового характера, выступающие альтернативой наказанию и меры уголовно-правового воздействия, выступающие альтернативой уголовной ответственности.

Ключевые слова: альтернативы; уголовное право; уголовная ответственность; цели уголовно-правового воздействия, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера.

течественными учёными в области уголовного права отмечалось о негативных изменениях в уголовном законодательстве. Налицо системный кризис уголовно-правового регулирования, требующих кардинальных решений [1, с. 19].

Обусловлено это рядом изменений и дополнений, внесенных в УК РФ, которые привели не только к существенным противоречиям, но и нарушили фундаментальные основы российского уголовного права.

Это меры (средства) уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления. В действующем уголовном законе меры уголовно-правового воздействия можно классифицировать на: 1) наказание; 2) иные меры уголовно-правового характера и 3) уголовно-правовые меры, посредством которых не реализуется уголовная ответственность. Данную классификацию можно осуществить путем проведения анализа действующего УК РФ.

Среди них наиболее стабильным является институт наказания (глава 9 УК РФ). По сравнению с иными мерами уголовно-правового характера в ст. 43 УК РФ зафиксированы дефиниция и цели наказания. В главе 10 УК РФ нашло отражение законодательная регламентация порядок их назначения.

* Гареев Марат Фаизович, доцент Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

Ряд трудностей может возникнуть при уяснении сущности и правовой природы иных мер уголовно-правового характера в связи с их ошибочной регламентацией законодателем.

Иные меры уголовно-правового характера нашли законодательное закрепление в разделе VI УК РФ, которые внесены Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, т.е. после, того как прошло значительное время после вступления в действие уголовного закона [2].

Законодателем в указанный раздел помещены только три его разновидности: принудительные меры медицинского характера (глава 15), конфискация имущества (глава 15.1), судебный штраф (глава 15.2).

Особое недоумение вызывает законодательная регламентация принудительных мер медицинского характера, назначаемая в отношении лиц, совершивших деяние, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

При исследовании ряда норм Общей части УК РФ следует вывод, что иные меры уголовно-правового характера отнесены законодателем к альтернативной форме реализации уголовной ответственности. Подобный вывод следует при рассмотрении ст. 3 УК РФ, провозгласившей принцип законности, где иные меры уголовно-правового характера расположены в одном категориальном ряду с наказанием. Наиболее отчетливо тесная взаимосвязь наказания и иных мер уголовно-правового характера нашло отражение в принципе справедливости (ст. 6 УК РФ). В ней предписывается, что они должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

О необходимости следовать принципу справедливости указывают разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3]. В п. 1 данного постановления высшего судебного органа при выборе вида и размера наказания необходимо строго следовать строгому индивидуальному подходу, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, что справедливое наказание способствует достижению решения задач и достижению целей, указанных в статьях 2 и 43 УК РФ.

Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера степени общественной опасности преступления, следует учитывать объект преступного посягательства, т.е. направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный вред. Соответственно, чем ценнее объект преступления, тем более строгое наказание заслуживает виновный. Об этом также свидетельствуют санкции Особенной части УК РФ.

В зависимости от преступного поведения виновного, зависит степень общественной опасности преступления. В частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный), либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Назначая наказание, суд должен обязательно учитывать смягчаю-

щие или отягчающие обстоятельства (статьи 61 и 63 УК РФ). Также при определении степени общественной опасности преступления необходимо учитывать обстоятельства, относящиеся к совершенному преступлению, к которым, например, могут относиться его совершение в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, либо по мотиву сострадания, особая активная роль в его совершении.

К сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К ним могут быть отнесены сведения не только правового характера (например, наличие непогашенных судимостей), но и социального, семейного и психофизиологического характера. В частности, к ним могут быть отнесены наличие иждивенцев, несовершеннолетних детей, состояние здоровья и другие факты [3].

Взаимозависимость, взаимообусловленность и расположенность в одном категориальном ряду в Общей части УК РФ наказания и иных мер уголовно-правового характера указывает, что при их назначении следует также учитывать положения ст. 6 УК РФ. По этой причине, назначая любую меру уголовно-правового характера суд должен учитывать объект преступного посягательства, степень общественной опасности преступления и личность лица, совершившего преступное деяние. Соответственно интенсивность уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, зависит именно от вышеупомянутых факторов.

Исходя из положений ряда других норм Общей части УК РФ (например, ст. 7) следует, что посредством иных мер уголовно-правового характера реализуется уголовная ответственность.

В связи с тем, что иные меры уголовно-правового характера отнесены законодателем к одной категории с наказанием, с помощью которых реализуется уголовная ответственность, для вышеупомянутых мер могут быть характерны и цели наказания. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, целями наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение преступлений.

Одним из отличий наказания от иных мер уголовно-правового характера является то, что последние не обладают значительным карательным потенциалом. В частности, целями принудительных мер медицинского характера является излечение лиц, совершивших деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими этих деяний.

О значительном отличии целей принудительных мер медицинского характера от целей применения наказания говорится в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [4].

По этой причине, о достижении цели исправления и восстановления социальной справедливости при применении принудительных мер медицинского характера, не может идти речь. Для достижения таких целей, как восстановление социальной справедливости и исправления, требуется применение более интенсивных мер уголовно-правового воздействия. Наказание может вызвать лишения и страдания лица, совершившего престу-

пление, которое проявляется в его психологической ломке, способствует формированию у него правопослушного посткриминального поведения.

Это отчетливо проявляется при назначении наказания в виде лишения свободы, когда осужденный в полной мере в состоянии ощутить карательный потенциал уголовного наказания. Этому способствует порядок и режим отбывания наказания исправительных учреждений, установленный уголовно-исполнительным законодательством. Достижению целей восстановления социальной справедливости и исправления осужденного способствует вид исправительного учреждения, где должен отбывать наказание преступник, назначаемый судом в соответствии со ст. 58 УК РФ.

Относительно достижения цели восстановления социальной справедливости следует отметить, что она больше свойственна наказанию, чем иным мерам уголовно-правового характера, поскольку в ней в большей степени реализуется её карательный потенциал, заключающийся не столько в компенсации вреда, причиненного преступлением, сколько в воздаянии за его совершение. Тем более, в ряде случаев не представляется возможным компенсировать причиненный вред потерпевшей стороне. Например, при лишении жизни потерпевшего. Отчасти цель восстановления социальной справедливости в действующем УК представляет собой «модернизированную» кару, имевшее место в прежнем УК РСФСР 1960 г. (ст. 20).

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера выступают одной из альтернативных форм реализации уголовной ответственности.

Рассматривая принудительные меры медицинского характера, назначаемые в отношении невменяемых, по своей правовой природе они не могут быть отнесены к иным мерам уголовно-правового характера, поскольку посредством их применения не реализуется уголовная ответственность. Такие выводы следуют из анализа положений ст. 21 УК РФ, когда из-за хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики, указанная категория лиц не в состоянии воспринимать исправительный и предупредительный потенциал мер уголовно-правового воздействия, и они подлежат освобождению от уголовной ответственности.

Принудительные меры медицинского характера, применяемые в отношении невменяемых, можно отнести к мерам уголовно-правового характера, посредством которых не реализуется уголовная ответственность. Попытка осуществить дифференциацию мер уголовно-правового воздействия предпринята высшим органом судебной власти. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [4] дается разъяснение, что принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера. Избегая термина «иные меры уголовно-правового характера», Верховный Суд России тем самым дает понять, что посредством применения принудительных мер медицинского характера, применяемые в отношении невменяемых, не реализуется уголовная ответственность.

Следуя логике законодателя в новом УК РФ, необходимость принятия которого уже назрела, следует закрепить законодательную дифференциа-

цию мер уголовно-правового воздействия и классифицировать их следующим образом:

- 1) наказание, которое традиционно выступает основной формой реализацией уголовной ответственности;
- 2) иные меры уголовно-правового характера, выступающие альтернативной формой реализации уголовной ответственности;
- 3) уголовно-правовые меры, посредством которых не реализуется уголовная ответственность.

В правотворческой деятельности законодательная регламентация уголовного наказания не вызывает особых вопросов. Законодателю следует обратить внимание на альтернативные формы уголовной ответственности, каковыми являются иные меры уголовно-правового характера, а также альтернативам уголовной ответственности, посредством которых она не реализуется.

Закрепив в разделе VI УК РФ иные меры уголовно-правового характера, законодатель проигнорировал иные альтернативные меры реализации уголовной ответственности. В частности, к ним относится условное осуждение, наиболее часто назначаемое российскими судами. В своей сущности условное осуждение не может быть отнесено к наказанию, поскольку наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы (ч. 1 ст. 73 УК РФ) назначаются условно, т.е. не реально, с установлением испытательного срока и возложением обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ.

В случае реального назначения наказания, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УК РФ, они подлежат реальному отбыванию. Наиболее это ярко проявляется в отношении назначения реального наказания в виде лишения свободы на определенный срок (п. «а» ст. 43 УК РФ). В этом случае на основании ст. 58 УК РФ и с учетом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительного учреждения» суд обязан определить вид исправительного учреждения, где осужденный будет отбывать наказание в виде лишения свободы [5].

По своей сущности условное осуждение можно отнести к одной из разновидностей условного неисполнения наказания, а установление испытательного срока и возложение обязанностей, перечисленных в ч. 5 ст. 73 УК РФ, указывают, что она является альтернативной формой реализации уголовной ответственности. По этой причине условное осуждение по своей правовой природе относится к иным мерам уголовно-правового характера.

Также к иным мерам уголовно-правового характера, связанные с условным неисполнением наказания, можно отнести отсрочку отбывания наказания, применяемая в отношении беременных женщин, женщин, имеющих ребенка до 14 лет, мужчины, являющиеся единственным родителем малолетнего ребенка (ст. 82 УК РФ) и отсрочку отбывания наказания большим наркоманией (ст. 82.1 УК РФ).

Аналогичная ситуация возникает в отношении различных видов освобождения от наказания, предусмотренного главой 12 УК РФ и принуди-

тельные меры воспитательного воздействия, применяемые на основании ст. 92 УК РФ в отношении несовершеннолетних, совершивших преступные деяния.

Отказ законодателя регламентировать в разделе VI УК РФ все альтернативные формы реализации уголовной ответственности, возможно, объяснить необходимостью «реанимировать» институт конфискации имущества, отмененный Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. До его отмены, конфискация имущества была закреплена в уголовном законе в качестве наказания. В пользу этих доводов указывает тот факт, что раздел VI УК РФ отсутствовал в момент принятия уголовного закона. Он был введен Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ [2]. Необходимость возобновления института конфискации имущества теперь уже в качестве иной меры уголовно-правового характера была вызвана ратификацией Российской Федерацией ряда международных правовых актов, предусматривающий его использования для противодействия терроризма, экстремизма, организованной преступности, коррупции. Примером этому может служить Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» [6].

Учитывая разнообразие альтернативных форм реализации уголовной ответственности, в зависимости от характера, содержания и, специфики достижения целей все иные меры уголовно-правового характера можно классифицировать следующим образом:

1) меры, связанные с условным неисполнением наказания (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам, женщинам, имеющим детей до достижения четырнадцатилетнего возраста, мужчинам, которые являются единственными родителями малолетних детей, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией);

2) меры, сопряженные с освобождением от отбывания наказания, как они регламентированы в главе 12 УК РФ. Например, условно-досрочное освобождение от отбывания и освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних лиц, совершивших преступление с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

3) принудительные меры медицинского характера, связанные с назначением наказания.

По аналогии со ст. 44 УК РФ иные меры уголовно-правового характера и их цели следует регламентировать в отдельной норме уголовного закона. В своих исследованиях автор ранее предлагал иные меры регламентировать в УК РФ, дополнив ст. 72¹ под названием «Иные меры уголовно-правового характера и их цели» [7, с. 125].

К иным мерам уголовно-правового характера предлагается отнести:

- а) условное осуждение;
- б) отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей;
- в) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые в соответствии со ст. 92 настоящего Кодекса;
- г) принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания;

д) вынесение обвинительного приговора с освобождением от наказания (ст.81.1 УК РФ);

е) возложение от отбывания наказания с возложением обязанностей и запретов, предусмотренных настоящим Кодексом.

К третьей группе мер уголовно-правового воздействия следует отнести меры уголовно-правового характера, посредством которых не реализуется уголовная ответственность. В основном они применяются в отношении лиц совершившие преступные деяния с последующим освобождением от уголовной ответственности. Прежде всего, к ним относятся различные формы освобождения от уголовной ответственности. Примерами могут служить освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и ряд других её разновидностей, позволяющих правоприменителю в лице суда и органа предварительного расследования прийти к выводу, что лицо совершившее преступление не представляет общественной опасности. Поэтому данное лицо не только не нуждается в применении наказания, но и применение иных мер уголовно-правового характера будет чрезмерным.

Как известно, чрезмерное воздействие, оказываемое в рамках уголовно-правовых отношений в состоянии сломать лицо, не представляющее общественной опасности и в состоянии вызвать озлобленность, рекрутировав тем самым ряды преступников. Основанием для освобождения от уголовной ответственности данной категории лиц могут быть обстоятельства, указывающие, что преступление было совершено впервые, оно относится к категории небольшой или средней тяжести, а также обстоятельства, указывающие о позитивном посткриминальном поведении (например, возмещение ущерба, заглаживание вреда), иные положительные устремления, свидетельствующие об освобождении от уголовной ответственности. К этой категории мер следует отнести принудительные меры воспитательного воздействия в случае прекращения уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности.

К мерам уголовно-правового характера, выступающие альтернативой уголовной ответственности можно отнести принудительные меры медицинского характера, применяемые в отношении невменяемых и к лицам, которые после совершения преступления из-за психического расстройства не способны осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний или руководить ими.

Библиографический список

1. *Благов Е.В.* Новый Уголовный кодекс или новая его редакция. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М.: Проспект, 2012 – 664 с.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительного учреждения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

6. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // Российская газета, 2006, 21 марта.

7. Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: диссертация канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 198 с.

Для цитирования: Гареев М.Ф. Альтернативы в уголовном праве: отдельные аспекты // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 82–89.

Alternatives in Criminal Law: Selected Aspects

M.F. Gareev*

Annotation. This article raises the issue of alternatives in criminal law. It is proposed to legislatively regulate other measures of a criminal legal nature that are an alternative to punishment and measures of a criminal legal effect that are an alternative to criminal liability.

Keywords: alternatives; criminal law; criminal liability; goals of criminal law influence, other measures of a criminal law nature, compulsory measures of a medical nature.

Domestic scientists in the field of criminal law noted negative changes in the criminal law. There is a systemic crisis of criminal law regulation requiring cardinal decisions [1, p. nineteen].

This is due to a number of changes and additions made to the Criminal Code of the Russian Federation, which led not only to significant contradictions, but also violated the fundamental principles of Russian criminal law.

These are measures (means) of criminal legal influence on the persons who committed crimes. In the current criminal law, measures of criminal legal influence can be classified into: 1) punishment; 2) other measures of a criminal law nature; and 3) criminal law measures by which criminal liability is not implemented. This classification can be done by analyzing the current Criminal Code of the Russian Federation.

Among them, the most stable is the institution of punishment (Chapter 9 of the Criminal Code of the Russian Federation). Compared with other measures of criminal law in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation recorded the definition and purpose of punishment. Chapter 10 of the Criminal Code of the Russian Federation reflected legislative regulation of the procedure for their appointment.

* *Gareev Marat Faizovich*, Associate Professor of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

A number of difficulties may arise in understanding the essence and legal nature of other measures of a criminal legal nature in connection with their erroneous regulation by the legislator.

Other measures of a criminal-legal nature were legislatively enshrined in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation, which were introduced by the Federal Law of July 27, 2006 No. 153-FZ, i.e. after a considerable time has passed since the entry into force of the criminal law [2].

The legislator contains only three of its varieties in this section: compulsory medical measures (chapter 15), confiscation of property (chapter 15.1), and a court fine (chapter 15.2).

Of particular perplexity is the legislative regulation of coercive measures of a medical nature, imposed on persons who have committed an act provided for in the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, in a state of insanity (paragraph "a" part 1 of article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation).

When studying a number of norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, it follows that other measures of a criminal legal nature are referred by the legislator to an alternative form of criminal responsibility. A similar conclusion follows when considering Art. 3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which proclaimed the principle of legality, where other measures of a criminal law nature are located in the same categorical row with punishment. The most distinctly close relationship of punishment and other measures of a criminal law nature was reflected in the principle of justice (Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation). It prescribes that they must correspond to the nature and degree of social danger of the crime, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator.

The need to follow the principle of justice is indicated by the clarifications of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" [3]. In paragraph 1 of this decision of the highest judicial body, when choosing the type and amount of punishment, it is necessary to strictly follow a strict individual approach, taking into account the nature and degree of public danger of the crime, that fair punishment helps to achieve the objectives and goals specified in articles 2 and 43 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The nature of the public danger of the crime is determined by criminal law and depends on the elements of the crime established by the court. When taking into account the nature of the degree of public danger of a crime, the object of criminal encroachment, i.e. orientation of the act on social values protected by criminal law and the harm caused. Accordingly, the more valuable the object of the crime, the more severe the punishment the guilty deserves. This is also evidenced by the sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Depending on the criminal behavior of the perpetrator, the degree of public danger of the crime depends. In particular, the nature and extent of the consequences, the method of committing the crime, the role of the defendant in

the crime committed in complicity, the type of intent (direct or indirect), or negligence (frivolity or negligence). When imposing a sentence, the court must take into account extenuating or aggravating circumstances (Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation). Also, when determining the degree of public danger of a crime, it is necessary to take into account the circumstances related to the crime committed, which, for example, may include its commission due to a combination of difficult life circumstances, or due to compassion, a special active role in its commission.

Information about the person that must be taken into account when sentencing includes information characterizing the guilty person that the court has at the time of sentencing. This can include information not only of a legal nature (for example, the presence of outstanding convictions), but also of a social, family and psychophysiological nature. In particular, the presence of dependents, minor children, health status and other facts can be attributed to them [3].

The interdependence, interdependence and arrangement in the same categorical row in the General part of the Criminal Code of the Russian Federation of punishment and other measures of a criminal law nature indicates that when they are appointed, the provisions of Art. 6 of the Criminal Code. For this reason, when appointing any measure of a criminal law nature, the court must take into account the object of the criminal offense, the degree of public danger of the crime and the identity of the person who committed the criminal act. Accordingly, the intensity of the criminal law impact on the person who committed the crime depends on the above factors.

Based on the provisions of a number of other norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation (for example, Article 7), it follows that, through other measures of a criminal law nature, criminal liability is realized.

Due to the fact that other measures of a criminal law nature are assigned by the legislator to the same category with punishment, by which criminal liability is realized, the goals of punishment may also be characteristic of the above measures. According to Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code, the purposes of punishment are the restoration of social justice, the correction of a convict and the prevention of crimes.

One of the differences between punishment and other measures of a criminal law nature is that the latter do not have significant punitive potential. In particular, the goals of compulsory medical measures are to cure the perpetrators of the acts provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, or to improve their mental state, as well as to prevent them from committing these acts.

A significant difference between the goals of coercive measures of a medical nature and the goals of punishment is mentioned in paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 No. 6 "On the practice of applying compulsory medical measures by courts" [4].

For this reason, there can be no talk of achieving the goal of correcting and restoring social justice when applying coercive measures of a medical nature. To achieve goals such as restoring social justice and redressing, more intensive criminal law enforcement measures are required. Punishment can

cause deprivation and suffering of the person who committed the crime, which is manifested in his psychological breakdown, contributes to the formation of his law-abiding post-criminal behavior.

This is clearly manifested when sentencing in the form of imprisonment, when the convicted person is fully able to feel the punitive potential of criminal punishment. This is facilitated by the order and regime of serving sentences of correctional institutions, established by the penal legislation. Achieving the goals of restoring social justice and correcting condemnation is facilitated by the type of correctional institution where the criminal appointed by the court in accordance with Art. 58 of the Criminal Code.

Regarding the achievement of the goal of restoring social justice, it should be noted that it is more characteristic of punishment than other measures of a criminal law nature, since it implements its punitive potential to a greater extent, consisting not so much in compensating for the harm caused by the crime, but in retribution for its commission. Moreover, in some cases it is not possible to compensate for the harm caused to the injured party. For example, when taking the life of a victim. In part, the goal of restoring social justice in the current Criminal Code is a “modernized” punishment, which took place in the former Criminal Code of the RSFSR in 1960 (Article 20).

Thus, other measures of a criminal law nature are one of the alternative forms of criminal responsibility.

Considering compulsory medical measures imposed in relation to the insane, by their legal nature they cannot be attributed to other measures of a criminal-legal nature, since through their application criminal liability is not realized. Such conclusions follow from an analysis of the provisions of Art. 21 of the Criminal Code, when due to a chronic or temporary mental disorder, dementia or other painful state of the psyche, this category of people is not able to perceive the corrective and preventive potential of criminal legal measures, and they are subject to exemption from criminal liability.

Compulsory medical measures applied in relation to the insane can be attributed to criminal measures, through which criminal liability is not implemented. An attempt to differentiate criminal law measures was undertaken by the highest judicial authority. In paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 No. 6 “On the practice of applying compulsory medical measures by the courts” [4], it is explained that compulsory medical measures are criminal-law measures. Avoiding the term “other measures of a criminal legal nature”, the Supreme Court of Russia thereby makes it clear that through the use of coercive measures of a medical nature, applied to the insane, criminal liability is not realized.

Following the logic of the legislator in the new Criminal Code of the Russian Federation, the need for adoption of which is already ripe, it is necessary to consolidate the legislative differentiation of measures of criminal law and classify them as follows:

- 1) punishment, which traditionally acts as the main form of implementation of criminal liability;
- 2) other measures of a criminal-legal nature, acting as an alternative form of implementation of criminal liability;

3) criminal law measures through which criminal liability is not implemented.

In lawmaking, the legislative regulation of criminal punishment does not raise special issues. The legislator should pay attention to alternative forms of criminal liability, which are other measures of a criminal legal nature, as well as alternatives to criminal liability through which it is not implemented.

Having secured other measures of a criminal law nature in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator ignored other alternative measures of criminal responsibility. In particular, they include conditional conviction, most often assigned by the Russian courts. In its essence, conditional conviction cannot be attributed to punishment, since punishment in the form of corrective labor, restrictions on military service, detention in a disciplinary military unit or imprisonment (part 1 of article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation) are conditionally assigned, i.e. not really, with the establishment of a probationary period and assignment of duties under Part 5 of Art. 73 of the Criminal Code.

In the case of a real sentence, listed in part 1 of Art. 73 of the Criminal Code, they are subject to real serving. This is most clearly manifested in relation to the imposition of a real punishment in the form of imprisonment for a specific term (paragraph "1", article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation). In this case, on the basis of Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation and taking into account the clarifications of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2014 No. 9 "On the practice of appointing and changing the types of correctional institutions by the courts", the court is obliged to determine the type of correctional institution where the convicted person will serve a sentence of imprisonment [5].

In essence, conditional conviction can be attributed to one of the varieties of conditional non-execution of punishment, and the establishment of a probationary period and the imposition of duties listed in part 5 of article 73 of the Criminal Code, indicate that it is an alternative form of criminal responsibility. For this reason, conditional conviction by its legal nature refers to other measures of criminal law nature.

Other criminal measures related to conditional non-execution of punishment include deferment of punishment, applied to pregnant women, women with a child under 14 years old, a man who is the only parent of a young child (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation) and postponement of serving a sentence by a drug addict (Art. 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

A similar situation arises in relation to various types of exemption from punishment provided for in Chapter 12 of the Criminal Code of the Russian Federation and coercive educational measures applied on the basis of Art. 92 of the Criminal Code in relation to minors who have committed criminal acts.

The legislator's refusal to regulate in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation all alternative forms of criminal responsibility may possibly be explained by the need to "reanimate" the institution of confiscation of property, repealed by Federal Law of December 8, 2003 No. 162-FZ. Prior to its cancellation, confiscation of property was enshrined in criminal law as a punishment. In favor of these arguments, the fact that section VI of the Criminal

Code of the Russian Federation was absent at the time of the adoption of the criminal law indicates. It was introduced by the Federal Law of July 27, 2006 No. 153-FZ [2]. The need to resume the institution of confiscation of property, now as a different measure of a criminal legal nature, was caused by the ratification of a number of international legal acts by the Russian Federation, which provides for its use to counter terrorism, extremism, organized crime, and corruption. An example of this is the Federal Law of March 8, 2006 No. 40-ФЗ "On Ratification of the UN Convention against Corruption" [6].

Given the variety of alternative forms of implementation of criminal liability, depending on the nature, content and specifics of achieving goals, all other measures of a criminal legal nature can be classified as follows:

1) measures related to conditional non-execution of sentences (conditional conviction, postponement of serving sentences to pregnant women, women with children under the age of fourteen, men who are the only parents of young children, postponement of serving sentences to patients with drug addiction);

2) measures associated with exemption from serving a sentence, as they are regulated in chapter 12 of the Criminal Code of the Russian Federation. For example, parole from serving and release from serving the sentence of minors who have committed a crime with the use of compulsory educational measures.

3) compulsory medical measures related to sentencing.

By analogy with Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation, other measures of a criminal legal nature and their goals should be regulated in a separate norm of the criminal law. In his studies, the author previously suggested other measures to be regulated in the Criminal Code of the Russian Federation, supplementing Art. 721 under the name "Other measures of a criminal law nature and their goals" [7, p. 125].

Other measures of a criminal legal nature are proposed to include:

a) conditional conviction;

b) postponement of serving sentences to pregnant women and women with young children;

c) coercive educational measures applied in accordance with Art. 92 of this Code;

d) compulsory medical measures connected with the execution of punishment;

e) conviction with release from punishment (Article 81.1 of the Criminal Code of the Russian Federation);

f) the imposition of a sentence with the imposition of duties and prohibitions provided for by this Code.

The third group of measures of criminal law should include measures of a criminal law nature, through which criminal liability is not implemented. They are mainly applied to persons who have committed criminal acts with subsequent release from criminal liability. First of all, they include various forms of exemption from criminal liability. Examples include exemption from criminal liability in connection with active repentance (Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation), reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) and a number of other varieties of it, allowing the law enforcer in the person of the court and the preliminary investigation body to conclude

that the person who committed the crime does not constitute a public danger. Therefore, this person not only does not need to apply punishment, but also the application of other measures of a criminal law nature will be excessive.

As you know, the excessive influence exerted in the framework of criminal law relations is able to break a person who is not a public danger and is able to cause embitterment, thereby recruiting the ranks of criminals. The grounds for exemption from criminal liability of this category of persons may be circumstances indicating that the crime was committed for the first time, it belongs to the category of small or medium gravity, as well as circumstances indicating positive post-criminal behavior (for example, compensation for damage, redress of harm), other positive aspirations testifying to exemption from criminal liability. This category of measures should include coercive educational measures in the event of termination of a criminal case with exemption from criminal liability.

Criminal measures that act as an alternative to criminal liability include compulsory medical measures that are applied to the insane and to persons who, after committing a crime due to a mental disorder, are not able to recognize the factual nature and social danger of their actions or direct them.

Bibliographic list

1. Blagov E.V. New Criminal Code or its new edition. Modern criminal policy: search for an optimal model. Materials of the VII Russian Congress of Criminal Law (May 31 – June 1, 2012). Moscow: Prospect, 2012. 664 p.

2. Federal Law of July 27, 2006 No. 153-FZ (as amended on July 6, 2016) «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On Countering Terrorism”» // Collection of Russian legislation. 2006. No. 31 (1). Art. 3452.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 (as amended on December 18, 2018) “On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 2.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 No. 6 “On the practice of applying compulsory medical measures by the courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 7.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2014 No. 9 “On the practice of appointing and changing the types of correctional institutions by the courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 7.

6. Federal law of March 8, 2006 No. 40-ФЗ “On ratification of the UN Convention against corruption” // Russian newspaper, 2006, March 21.

7. Gareev M.F. The goals of other measures of a criminal law nature and the means to achieve them under Russian criminal law: Ph.D. legal sciences. Kazan, 2005. 198 p.

For citation: Gareev M.F. Alternatives in criminal law: individual aspects // Legal Thought. 2019. No 6 (116). P. 89–95.

К вопросу о теоретическом моделировании легализации криминальных капиталов транснациональной организованной преступности

И.Н. Селиверстов*

Аннотация. В статье дается характеристика основным тенденциям трансформации организованной преступности в условиях глобализации. С учетом приоритетного значения противодействия легализации ее криминальных капиталов, рассматриваются подходы российских и зарубежных криминологов к возможностям построения теоретических моделей «отмывания» капиталов транснациональной организованной преступности и их использования в практике противодействия деятельности организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, правоохранительные органы, легализация криминальных капиталов, модели легализации, противодействие преступности

Экономические, социальные и политические условия, создаваемые процессами глобализации, многократно усиливают негативные для общества тенденции в развитии организованной преступности. В первую очередь значительно увеличивается социальная опасность всех без исключения видов деятельности организованной преступности; возрастают возможности преодоления социального контроля, осуществляемого правоохранительными органами различных государств (и прежде всего тех государств, на территории которых преимущественно производятся наркотики), а также международных полицейских и правоохранительных органов и организаций.

Во-вторых, организованная преступность активно идет по пути международного сотрудничества в интересах реализации своих преступных замыслов, что открывает новые возможности в преступлениях, связанных с трансграничными операциями (контрабанда, незаконный оборот оружия, наркотиков, биоматериалов, торговля людьми, содействие в нелегальной миграции и т.п.).

В-третьих, в развитии «традиционной» организованной преступности в условиях глобализации все более определено проявляются тенденции к ее конвергенции со структурами политического экстремизма и террориз-

* Селиверстов Илья Николаевич, следователь Кингисеппского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области. Магистрант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации. E-mail: i9602533366@gmail.com

ма, что синергетически усиливает степень социальной опасности всех этих форм негативной деятельности [4, с. 98–101]. Налицо стремление отдельных преступных синдикатов поставить под свой контроль значительные сегменты системы транснациональной организованной преступности переводят на глобальный уровень традиционную для преступности борьбу за сферы влияния, что многократно усиливает степень социальной опасности организованной преступности. В итоге система транснациональной организованной преступности становится все более сложной, идут процессы ее интеграции.

В этих условиях правоохранительные органы, находящиеся в авангарде борьбы с организованной преступностью [2, с. 9–12], должны иметь в своем арсенале научный инструментарий, теоретико-методологический уровень которого соответствует сложности современных социальных процессов, которые связаны с деятельностью организованной преступности [4, с. 251–254; 7, с. 54–64]. Прежде всего, на наш взгляд, следует сосредоточиться на вопросах экономической деятельности транснациональной организованной преступности, в которой качественные изменения последних лет проявились особенно ярко и потому решение задач теоретического моделирования противодействия этой деятельности вызывает особые сложности.

В последние годы деятельность организованной преступности все более дрейфует в область экономической деятельности (особенно финансово-экономической деятельности, прежде всего связанной с легализацией криминальных капиталов), что ведет к снижению инвестиционной привлекательности государств, криминализации легального сектора экономики, распространению криминальной субкультуры и свойственных для нее форм социального поведения на весь социум, ведет к проблемам в борьбе с экономической деятельностью организованной преступности в условиях взаимопереплетения ее легальных и нелегальных форм. В противодействии ей особенно важно сочетание российского и международного опыта [1, с. 14–15; 8, с. 254–258].

Сегодня борьба с организованной преступностью – это, прежде всего, перекрытие каналов движения и отмывания преступных капиталов международной организованной экономической преступности. Именно в результате организованной преступной деятельности эти капиталы достигают крупных и особо крупных размеров, успешно отмываются и приумножаются в ходе криминальной экономической деятельности, используются для коррумпирования государственных и банковских служащих. Легализация преступных средств стала одним из наиболее изощренных и сложных видов «интеллектуальной» преступности.

Процессы глобализации и интеграции мировой экономики открывают новые возможности, прежде всего для развития финансовой деятельности организованных преступных сообществ, в частности, для легализации ее средств. Проблема заключается в том, что мировая финансовая система выходит из-под контроля национальных государств и начинает определять собственные приоритеты, связанные с ускоренным получением прибыли и полностью оторванные от социальных ориентиров развития экономики. Значительно усложняется процесс контроля движения финансовых потоков.

Вопросам противодействия легализации криминальных капиталов организованной преступности посвящена обширная научная литература в нашей стране и за рубежом, в которой рассматриваются методологические и теоретические вопросы построения концептуальной модели легализации криминальных капиталов, противодействия ей в рамках действующего законодательства [10]. Актуальность этих исследований определяется тем, что «... сама процедура легализации (отмывания) денег свойственна большинству форм организованной преступности, которая преломляет процесс принятых экономических решений, подрывает деятельность финансовых учреждений, обостряет социальные проблемы, а также способствует коррупционным проявлениям» [6, с. 3].

В современной западной криминологии сложилось два основных типа концептуального моделирования легализации криминальных средств: построение так называемой «циклической» модели и построение «целевой» модели, теоретические основы которых были заложены около 30 лет назад.

Согласно циклической модели легализации криминальных средств, доходы от наказуемых деяний поступают на рынок и там нелегально реализуются, реинвестируясь косвенно через легальные инвестиции или непосредственно в другую преступную деятельность. Так, в книге швейцарского криминолога А. Зюнда «Отмывание денег: мотивы – формы – защита» [13] эта модель используется для объяснения механизмов легализации криминальных капиталов европейскими организованными преступными группами, специализирующимися на «теневой» экономической деятельности.

В последние годы все более доминирующей становится целевая модель Дж. Престона [11], в которой приоритетом при анализе всех форм легализации криминальных капиталов является ориентация на цели отмывания денег, среди которых выделяются конкретные цели: интеграции средств в легальные финансовые потоки; инвестиции; обхода налоговых законов; финансирования новых преступлений.

Для минимизации рисков владельцы наркодолларов диверсифицируют и оптимизируют свои вложения с помощью разнообразных ликвидных инвестиций. Часть средств реинвестируется в торговлю наркотиками для модернизации производства, его диверсификации и расширения. Обобщая эмпирические данные, целевая модель в то же время выходит за рамки описания отдельных способов отмывания денег, стремится вскрыть особенности операции отмывания «грязных» денег в общей взаимосвязи финансовой политики организованной преступности. Данная модель представляется современным криминологам универсальной, поскольку именно она позволяет более полно сформулировать состав преступления посредством того, что учитывает различное содержание умысла, которое в значительной мере соответствует выбранным целям отмывания денег [12, с. 283–289]. Новые аспекты в исследовании вопросов противодействия легализации криминальных капиталов вносит развитие финансового рынка криптовалют [9, с. 352–357].

С целью институционализации совместной деятельности представителей различных правоохранительных структур различных государств, в том числе и по вопросам разработки теоретико-методологических основ проти-

водействия легализации криминальных капиталов транснациональной организованной преступности, была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), с которой активно сотрудничает Следственный комитет Российской Федерации [3, с. 20]. Последнее не является случайностью, ведь для российской организованной преступности использование транснациональных схем отмывания криминальных средств представляется особенно перспективным. К сегодняшнему дню, практически, исчерпали себя те возможности массовой легализацией преступного капитала, которые открывались специфическими условиями 1990-х годов: внедрением неэффективной экономической модели, максимально открытой для возможной криминализации, вместе со слабым правовым обеспечением противодействия преступности и деградацией общественного правосознания.

В настоящее время возможное увеличение доходов организованной преступности, связанное с намеченным новым этапом приватизации, потребует поиска новых возможностей для их легализации, которые российские преступные группировки уже активно прорабатывают по схемам транснациональной преступности. Поэтому важно, чтобы правоохранительные органы были готовы действовать «на опережение».

Библиографический список

1. *Бастрыкин А.И.* Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2019 году // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3 (21). – С. 11–15.
2. *Бастрыкин А.И.* Следственный комитет Российской Федерации как правоохранительный орган, находящийся в авангарде защиты экономической безопасности государства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 3 (25). – С. 9–12.
3. *Бастрыкин А.И.* Следственному комитету Российской Федерации – 8 лет: достижения и стремление к совершенствованию // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 1 (19). – С. 18–22.
4. *Белоцерковский С.Д.* Выявление и разоблачение организованных преступных формирований: новая практика // Проблемы детерминации и предупреждения преступности. Под редакцией профессора А.И. Долговой. – М., 2017. – С. 251–255.
5. *Бутенко О.С., Шепелева Ю.А.* Противодействие преступлениям экстремистского и террористического характера на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 5 (96). – С. 98–102.
6. *Емцева К.Э.* Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 27 с.
7. *Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А.* Организованная преступность и проблема моделирования борьбы с ней // Государство и право. – 2015. – № 10. – С. 54–65.
8. *Шакирьянов М.М.* Противодействие организованной преступности: российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 254–259.
9. *Grzywotz J.* Virtuelle Kryptowährungen und Geldwäsche. Berlin : Duncker & Humblot, 2019.

10. *Horstmann F.* Geldwäscherechtliche Regularien in Deutschland, England und den USA. Ein Rechtsvergleich am Beispiel von Banken. München: GRIN Verlag, 2019.
11. *Preston J.* International and Domestic Money Laundering. Washington, 1989.
12. *Still M.* The Impact of Money Laundering On Organised Crime and Terrorism. München: GRIN Verlag, 2019.
13. *Zünd A.* Geldwäscherei: Motive-Formen-Abwer. Bern, 1990.

Для цитирования: *Селиверстов И.Н.* К вопросу о теоретическом моделировании легализации криминальных капиталов транснациональной организованной преступности // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 96–100.

On the issue of theoretical modeling of the legalization of criminal capital of transnational organized crime

I.N. Seliverstov*

Annotation. The article describes the main trends in the transformation of organized crime in the context of globalization. Taking into account the priority importance of counteracting the legalization of its criminal capital, the approaches of Russian and foreign criminologists to the possibilities of constructing theoretical models of laundering the capital of transnational organized crime and their use in the practice of countering the activities of organized crime are considered.

Keywords: organized crime, law enforcement agencies, legalization of criminal capital, legalization models, crime counteraction.

The economic, social and political conditions created by the processes of globalization repeatedly reinforce negative trends in the development of organized crime for society. First of all, the social danger of all types of organized crime activities increases significantly; there are increasing opportunities to overcome social control exercised by law enforcement agencies of various states (and especially those states on the territory of which drugs are mainly produced), as well as international police and law enforcement agencies and organizations.

Secondly, organized crime is actively pursuing the path of international cooperation in the interests of realizing its criminal intentions, which opens up new opportunities for crimes related to cross-border operations (smuggling, illegal trafficking of weapons, drugs, biomaterials, human trafficking, assistance in illegal migration, etc.).

Thirdly, in the development of “traditional” organized crime in the context of globalization, tendencies toward its convergence with the structures of political extremism and terrorism are more and more clearly manifested, which syn-

* *Seliverstov Ilya Nikolaevich*, investigator of the Kingisepp interdistrict investigative department of the investigative department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Leningrad Region. Master student of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. E-mail: i9602533366@gmail.com

ergistically enhances the degree of social danger of all these forms of negative activity [4, p. 98–101]. There is a desire for individual crime syndicates to take control of significant segments of the transnational organized crime system that are moving to the global level the traditional crime struggle for spheres of influence, which greatly increases the degree of social danger of organized crime. As a result, the system of transnational organized crime is becoming more and more complex; processes of its integration are ongoing.

In these conditions, law enforcement agencies at the forefront of the fight against organized crime [2, p. 9–12], should have in their arsenal scientific tools, the theoretical and methodological level of which corresponds to the complexity of modern social processes that are associated with the activities of organized crime [4, p. 251–254; 7, c. 54–64]. First of all, in our opinion, we should focus on the issues of economic activity of transnational organized crime, in which the qualitative changes in recent years have manifested themselves particularly clearly and therefore the solution of the problems of theoretical modeling of counteraction to this activity causes particular difficulties.

In recent years, the activity of organized crime has drifted more and more into the field of economic activity (especially financial and economic activity, primarily related to the legalization of criminal capital), which leads to a decrease in the investment attractiveness of states, criminalization of the legal sector of the economy, and the spread of the criminal subculture and its characteristic forms social behavior throughout society, leads to problems in the fight against the economic activities of organized crime in the interweaving of its legal and illegal forms. In counteracting it, the combination of Russian and international experience is especially important [1, p. 14–15; 8, c. 254–258].

Today, the fight against organized crime is, above all, the closure of the channels for the movement and laundering of criminal capital in international organized economic crime. It is as a result of organized criminal activity that these capitals reach large and especially large sizes, are successfully laundered and multiplied in the course of criminal economic activity, and are used to corrupt government and bank employees. The legalization of criminal means has become one of the most sophisticated and complex types of "intellectual" crime.

The processes of globalization and integration of the world economy open up new opportunities, primarily for the development of financial activities of organized criminal communities, in particular, for the legalization of its funds. The problem is that the global financial system is getting out of the control of nation states and is starting to determine its own priorities related to accelerated profit-making and completely divorced from the social guidelines of economic development. The process of controlling the movement of financial flows is greatly complicated.

Extensive scientific literature in our country and abroad is devoted to counteracting the legalization of organized crime criminal capital, which examines methodological and theoretical issues of constructing a conceptual model of criminal capital legalization and counteracting it in the framework of the current legislation [10]. The relevance of these studies is determined by the fact that "... the very procedure of money laundering (laundering) is typical of most forms of organized crime, which refracts the process of economic deci-

sions, undermines the activities of financial institutions, aggravates social problems, and also contributes to corruption” [6, p. 3].

In modern Western criminology, there are two main types of conceptual modeling of the legalization of criminal means: the construction of the so-called "cyclic" model and the construction of the "target" model, the theoretical foundations of which were laid about 30 years ago.

According to the cyclical model of the legalization of criminal means, the proceeds of punishable acts go to the market and are illegally realized there, reinvested indirectly through legal investments or directly into other criminal activities. So, in the book of the Swiss criminologist A. Zund “Money laundering: motives – forms – protection” [13] this model is used to explain the mechanisms of legalization of criminal capital by European organized criminal groups specializing in “shadow” economic activity.

In recent years, John Preston's target model [11] has become increasingly dominant, in which the analysis of all forms of legalization of criminal capital focuses on money laundering, among which specific goals stand out: integration of funds into legal financial flows; investments; circumvention of tax laws; financing new crimes.

To minimize the risks, drug-dollar owners diversify and optimize their investments with a variety of liquid investments. Part of the funds is reinvested in the drug trade to modernize production, diversify and expand it. Summarizing empirical data, the target model at the same time goes beyond the description of individual methods of money laundering, seeks to reveal the features of the operation of laundering "dirty" money in the overall relationship of the financial policy of organized crime. This model seems to be universal for modern criminologists, since it is it that allows us to more fully formulate the corpus delicti by taking into account the different content of intent, which largely corresponds to the chosen goals of money laundering [12, p. 283–289]. The development of the financial cryptocurrency market [9, p. 352–357].

In order to institutionalize the joint activities of representatives of various law enforcement agencies of various states, including on the development of theoretical and methodological foundations for countering the legalization of criminal capital of transnational organized crime, the Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF) was created, with which Investigative is actively cooperating Committee of the Russian Federation [3, p. 12]. The latter is not an accident, because for Russian organized crime, the use of transnational criminal money laundering schemes seems especially promising. To this day, the possibilities of mass legalization of criminal capital, which were opened up by the specific conditions of the 1990s, have practically exhausted themselves: the introduction of an ineffective economic model that is as open as possible for possible criminalization, together with weak legal support for combating crime and the degradation of public justice.

Currently, a possible increase in organized crime revenues associated with the planned new stage of privatization will require the search for new opportunities for their legalization, which Russian criminal groups are already actively working on transnational crime schemes. Therefore, it is important that law enforcement agencies are prepared to act “proactively”.

Bibliographic list

1. Bastrykin A.I. The main activities of the Investigative Committee of the Russian Federation in 2019 // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. No 3 (21). P. 11–15.
2. Bastrykin A.I. The Investigative Committee of the Russian Federation as a law enforcement body at the forefront of protecting the economic security of the state // Investigation of crimes: problems and solutions. 2019. No 3 (25). P. 9–12.
3. Bastrykin A.I. The Investigative Committee of the Russian Federation is 8 years old: achievements and striving for improvement // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. No 1 (19). P. 18–22.
4. Belotserkovsky S.D. Identification and exposure of organized criminal groups: a new practice // Problems of determination and prevention of crime. Edited by Professor A.I. Debt. Moscow, 2017. P. 251–255.
5. Butenko O.S., Shepeleva Yu.L. Countering extremist and terrorist crimes at the present stage // Science and Education: Economics and Economics; entrepreneurship; law and management. 2018. No 5 (96). P. 98–102.
6. Emtseva K.E. Counteraction to legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. Abstract. diss ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2016. 27 p.
7. Maksimov S.V., Vasin Yu.G., Utarov K.A. Organized crime and the problem of modeling the fight against it // State and Law. 2015. No. 10. P. 54–65.
8. Shakiryanov M.M. Combating organized crime: Russian and foreign experience // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 254–259.
9. Grzywotz J. Virtuelle Kryptowährungen und Geldwäsche. Berlin: Duncker & Humblot, 2019.
10. Horstmann F. Geldwäscherechtliche Regularien in Deutschland, England und den USA. Ein Rechtsvergleich am Beispiel von Banken. München: GRIN Verlag, 2019.
11. Preston J. International and Domestic Money Laundering. Washington, 1989.
12. Still M. The Impact of Money Laundering On Organized Crime and Terrorism. München: GRIN Verlag, 2019.
13. Zünd A. Geldwäscherei: Motive-Formen-Abwer. Bern, 1990.

For citation: Seliverstov I.N. To the question of theoretical modeling of the legalization of criminal capital of transnational organized crime // Legal Thought. 2019. No. 6 (000). P. 100–103.

Криминологические меры по выявлению и предупреждению незаконного оборота алкогольной продукции и наркотиков в исправительных учреждениях

О.И. Нестерова*

Аннотация. В статье рассматриваются меры по реализации одной из важнейших задач уголовно-исполнительной системы, направленные на предотвращение проникновения на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов и профилактика употребления этих предметов, в частности алкоголя и наркотических средств. Анализируются практика работы исправительных учреждений, виды и способы доставки наркотиков и алкогольной продукции на территорию исправительного учреждения. Автор утверждает, что большое значение в предупреждении оборота и употребления наркотических средств и алкогольной продукции имеет работа по своевременному освидетельствованию осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, алкогольная продукция, наркотические средства, предупреждение незаконного оборота, запрещенные предметы, лекарственные средства

дной из важных задач деятельности уголовно-исполнительной системы является регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний осужденными. В системе мер по обеспечению указанных порядка и условий (режима) важную роль играет предупреждение проникновения на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов и профилактика употребления этих предметов, в частности алкоголя и наркотических средств.

Несомненно, подготовка и совершение преступлений в местах лишения свободы подрывает основы функционирования любого исправительного учреждения [2, с. 30]. Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы направлено на предупреждение совершения преступлений, как осужденными, так и другими лицами. Запрещенные предметы, которые поступают к осужденным различными путями и способами могут быть средствами совершения преступления (мобильные телефоны, сим-карты, колюще-режущие предметы), а иногда выступать объектами преступных посягательств (денежные средства). В 2019 г. в исправительных учреждениях было изъято 1383,2 тыс. рублей, 47940 единиц средств связи,

* Нестерова Ольга Ивановна, старший инспектор по особым поручениям Правового управления ФСИН России, доктор исторических наук. E-mail: molga.77@yandex.ru

17353 сим-карт, 13037 зарядных устройств, 3 единицы оружия, 43 единицы боеприпасов, 7363 колюще-режущих предметов [4].

Естественно, что хранение указанных запрещенных предметов само по себе является грубым нарушением установленного порядка отбывания наказания. А употребление алкогольной продукции и наркотиков наносит вред не только самому осужденному, но и другим лицам, влияет на обеспечение режима в исправительном учреждении, дестабилизирует оперативную обстановку.

Практика функционирования уголовно-исполнительной системы показывает, что получение и употребление алкогольной и наркотической продукции осужденными также может стать причиной (а иногда условием) совершения преступлений. В 2019 г. в исправительных учреждениях было изъято 27405,6 л. алкогольных напитков кустарного производства (в том числе 23376,1 л. в жилых и 3749,4 л. в производственных зонах), 1675,4 л. алкогольных напитков промышленного производства (в том числе 2,9 л. в жилых и 8,8 л. в производственных зонах). Количество изъятых наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов так же достаточно велико. В 2019 г. было изъято 65505,447 г. наркотиков (в том числе 65327,851 г. при доставке) [4].

Способы доставки наркотиков и алкогольной продукции на территорию исправительного учреждения могут быть самыми разнообразными: при использовании транспортных средств; пронос лицами через контрольно-пропускные пункты; при проведении свиданий; в почтовых отправлениях; в передачах; при перебросах; при поступлении осужденных в исправительное учреждение.

Официальные статистические данные ФСИН России показывают, что за последние годы количество осужденных за преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков остается на стабильно высоком уровне (в 2017 г. – 141645 осужденный отбыли наказания за указанную категорию преступлений; в 2018 г. – 135162 осужденных; в 2019 г. – 124901 осужденный) [4].

Практика деятельности исправительных учреждений показывает, что в них проводится работа по предотвращению распространения наркомании и употребления наркотиков среди осужденных. Анализ эмпирических источников показывает, что многие осужденные стали употреблять наркотические средства именно в местах лишения свободы.

Предупреждение распространения наркотиков и алкогольной продукции среди осужденных должна вестись посредством реализации целого комплекса мер воспитательного, режимного, оперативного, уголовно-правового характера [3, с. 184].

Необходимо понимать, что хоть эффект от употребления наркотиков и алкоголя примерно один – опьянение различной степени тяжести, но средства борьбы с рассматриваемыми запрещенными предметами должны быть разными.

Статистика показывает, что основная масса наркотических средств (около 95 %) изымается при доставке, соответственно попадает в исправительные учреждения извне. Соответственно, проводимые мероприятия по

предупреждению распространения наркотических веществ должны носить комплексный характер. Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы не должна ограничиваться только изобличением осужденных, хранящих или распространяющих наркотики. Выявление источников распространения наркотиков вне пределов мест лишения свободы, каналов поступления наркотиков на территорию исправительного учреждения, изобличение преступных связей осужденных с поставщиками – все указанные мероприятия также должны проводиться сотрудниками уголовно-исполнительной системы [1, с. 8].

Основываясь на изложенном выше, необходимо отметить, что подобная работа должна вестись в тесном взаимодействии с сотрудниками иных правоохранительных органов, а в особенности с сотрудниками органов внутренних дел. Тактика предупреждения проникновения и поиска наркотических средств в местах лишения свободы должна строиться по определенному сценарию: от осужденного до лица, передавшего наркотики, далее до поставщика, а в идеале до каналов производства. Это идеальная схема, которая поможет минимизировать распространение наркотических средств внутри исправительных учреждений, трудновыполнима, но работу необходимо вести именно в этом направлении.

Немного по-другому дело обстоит с распространением и употреблением алкоголя в местах лишения свободы. Статистические данные показывают, что основная масса алкогольной продукции (94 %), изымаемая в исправительных учреждениях, кустарного производства. Следовательно, алкоголь изготовлен на территории исправительного учреждения из разрешенных к хранению и употреблению компонентов. Работа по недопущению изготовления, распространения и употребления алкоголя должна вестись в основном режимными методами.

Производство алкоголя достаточно трудоемкий процесс, поэтому его выявлению помогут стационарные камеры видеонаблюдения. Также важным элементом предупредительной деятельности будет являться проведение комплексных режимных мероприятий. Деятельность оперативных сотрудников исправительных учреждений в сфере агентурной работы также может помочь в выявлении лиц, изготавливающих и распространяющих алкоголь. Сотрудники подразделений охраны, просматривающие видеоархивы, начальники отрядов, непосредственно работающие с осужденными – все эти должностные лица непосредственные субъекты организации предупреждения употребления алкоголя.

На основании изложенного можно сделать вывод, что работа по предупреждению оборота и употребления алкогольной продукции должна вестись в тесном взаимодействии всех структурных подразделений исправительного учреждения. В данной работе важна роль каждого сотрудника, ведь именно исполнение должностных обязанностей на высоком уровне должно привести к минимизации распространения и употребления алкоголя осужденными.

Анализ эмпирических источников и практика деятельности исправительных учреждений показывает, что в настоящее время не удастся полностью пресечь проникновение наркотиков и алкогольной продукции на ре-

жимную территорию. Способы ухищрений, которые используют осужденные для сокрытия и употребления рассматриваемых запрещенных предметов разнообразны и зависят от вида режима исправительного учреждения, его состояния, от качества организации проведения оперативно-режимных мероприятий.

Как мы указывали выше, осужденные получают наркотические вещества и алкогольную продукцию либо с «воли», либо изготавливают сами. Но также существуют случаи, когда осужденные с целью получения запрещенных веществ (зачастую наркотических) симулируют различные заболевания. Осужденные делают это с целью попадания в медицинскую часть исправительного учреждения и получения (а иногда и кражи) сильнодействующих лекарственных средств.

Осужденные, систематически употребляющие наркотики, достаточно хорошо осведомлены о симптомах тех или иных заболеваний. Подобная симуляция позволяет им вводить в заблуждение сначала сотрудников исправительных учреждений, а потом и медицинских работников. Нередко симуляция осужденных настолько успешна, что им выписывают с целью лечения различные препараты, в том числе и психотропные.

Работа сотрудников уголовно-исполнительной системы должна вестись и в направлении выявления лиц, употребляющих алкоголь или наркотики. Анализ эмпирических источников показывает, что осужденные умеют скрывать видимые признаки алкогольного или наркотического опьянения. Справедливости ради стоит сказать, что наркотическое опьянение скрыть практически невозможно, тем не менее, осужденные знают и применяют ряд ухищрений, которые позволяют ввести в заблуждение сотрудников исправительных учреждений. К ним можно отнести действия по использованию табака с целью расширения зрачков; маскировка различными веществами «запаха изо рта» и т.д.

Также осужденные применяют меры по искусственному и оперативному снижению концентрации алкоголя (а иногда эти действия помогают снизить концентрацию наркотиков) в крови. К ним можно отнести употребление крепко заваренного чая, гормональных препаратов, биологически активных веществ и т.д.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что большое значение в предупреждении оборота и употребления наркотических средств и алкогольной продукции имеет работа по своевременному освидетельствованию осужденных. Своевременно и правильно выявленные лица, подвергнутые алкогольному или наркотическому опьянению, должны быть изолированы, а в дальнейшем поставлены на различные виды профилактического учета.

Библиографический список

1. *Анисимков В.М.* Организация исправительно-трудовыми учреждениями борьбы с наркоманией: учебное пособие /Анисимков В.М., Барабанов Н.П., Метелкин М.Б. – М., 1990. – 70 с.
2. *Мальчук О.И., Нуждин А.А.* Оперативно-розыскная профилактика преступности в исправительных учреждениях: теоретический аспект // Уголовно-

исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 29–31.

3. *Нуждин А.А.* Предупреждение преступности: теоретико-правовой аспект // В сб.: III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах. – Рязань, 2017. – С. 183–186.

4. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://фсин.рф/>

Для цитирования: *Нестерова О.И.* Криминологические меры по выявлению и предупреждению незаконного оборота алкогольной продукции и наркотиков в исправительных учреждениях // Юридическая мысль. 2019. № 6. (116). С. 104–108.

Criminological measures for identification and preventing illegal trafficking of alcohol products and drugs in corrective institutions

O.I. Nesterova*

Annotation. The article discusses measures to implement one of the most important tasks of the penitentiary system, aimed at preventing the penetration of prohibited items into the territory of the correctional institution and preventing the use of these items, in particular alcohol and drugs. The practice of the work of correctional institutions, the types and methods of delivery of drugs and alcohol to the territory of the correctional institution are analyzed. The author claims that the work on the timely examination of convicts is of great importance in preventing the trafficking and use of narcotic drugs and alcoholic beverages.

Keywords: penal system, alcohol, narcotic drugs, prevention of illicit trafficking, prohibited items, medicines.

One of the important tasks of the penitentiary system is to regulate the procedure and conditions for the execution and serving of sentences by convicts. In the system of measures to ensure the specified order and conditions (regime), an important role is played by the prevention of penetration of prohibited items into the territory of the correctional institution and the prevention of the use of these items, in particular alcohol and narcotic drugs.

Undoubtedly, the preparation and commission of crimes in prisons undermines the functioning of any correctional institution [2, p. 30]. The activities of the employees of the penitentiary system are aimed at preventing the commission of crimes, both by convicts and other persons. Prohibited items that are sent to convicts in various ways and ways may be means of committing a crime (mobile phones, SIM cards, piercing and cutting objects), and sometimes act as objects of criminal assault (money). In 2019, 1383.2 thousand rubles, 47940 units of communication equipment, 17353 SIM cards, 13037 chargers,

* *Nesterova Olga Ivanovna*, Senior Inspector for Special Assignments of the Legal Department of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Historical Sciences. E-mail: molga.77@yandex.ru

3 units of weapons, 43 units of ammunition, 7363 piercing and cutting items were seized in correctional facilities [4].

Naturally, the storage of these prohibited items in itself is a gross violation of the established procedure for serving a sentence. And the use of alcohol and drugs harms not only the convicted person, but also other people, affects the maintenance of the regime in the correctional institution, and destabilizes the operational situation.

The practice of the functioning of the penitentiary system shows that the receipt and use of alcohol and drug products by convicts can also cause (and sometimes condition) crimes. In 2019, 27,405.6 liters were confiscated in correctional facilities. homemade alcoholic beverages (including 23376.1 liters in residential and 3749.4 liters in production areas), 1675.4 liters alcoholic beverages of industrial production (including 2.9 liters in residential and 8.8 liters in industrial areas). The number of seized narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues is also quite large. In 2019, 65,505.447 g of drugs was seized (including 65,327.851 g during delivery) [4].

The methods for delivering drugs and alcohol to the territory of a correctional institution can be very diverse: when using vehicles; carried by persons through checkpoints; when holding dates; in postal items; in gears; during re-deployment; upon receipt of convicts in a correctional institution.

Official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia show that in recent years the number of convicted persons for crimes related to drug trafficking remains at a consistently high level (in 2017 – 141645 convicted persons served sentences for this category of crimes; in 2018 – 135162 convicted persons; in 2019 – 124901 convicted) [4].

The practice of correctional facilities shows that they are working to prevent the spread of drug addiction and drug use among prisoners. An analysis of empirical sources shows that many prisoners began to use drugs precisely in places of imprisonment.

Prevention of the spread of drugs and alcohol among convicts should be carried out through the implementation of a whole range of educational, security, operational, criminal law measures [3, p. 184].

It must be understood that although the effect of drug and alcohol use is approximately the same – intoxication of varying severity, the means of dealing with the prohibited items in question must be different.

Statistics show that the bulk of narcotic drugs (about 95%) are seized upon delivery, and accordingly fall into correctional facilities from outside. Accordingly, ongoing measures to prevent the spread of narcotic substances should be comprehensive. The activities of the employees of the penitentiary system should not be limited only to the exposure of convicts storing or distributing drugs. Identification of sources of drug trafficking outside the prison, channels of drug trafficking to the territory of the correctional institution, exposure of criminal connections of convicts with suppliers – all these measures should also be carried out by the penitentiary system [1, p. 8].

Based on the foregoing, it should be noted that such work should be carried out in close cooperation with employees of other law enforcement agencies, and especially with employees of internal affairs bodies. The tactics of prevent-

ing the penetration and search of narcotic drugs in prisons should be built according to a certain scenario: from the convicted person to the person who transmitted drugs, then to the supplier, and ideally to the production channels. This is an ideal scheme that will help minimize the spread of narcotic drugs within correctional institutions, it is difficult to do, but work needs to be done in this direction.

The situation with the distribution and use of alcohol in prisons is a little different. Statistics show that the bulk of alcohol production (94%), seized in prisons, is handicraft. Consequently, alcohol is made in the territory of the correctional institution from the components authorized for storage and consumption. Work to prevent the manufacture, distribution and consumption of alcohol should be carried out mainly by modal methods.

Alcohol production is a rather time-consuming process, so stationary CCTV cameras will help to identify it. An important element of preventive activity will be the implementation of integrated routine measures. The activities of penitentiary operatives in the area of undercover work can also help identify people who make and distribute alcohol. Security guards who watch video archives, detachment chiefs who work directly with convicts are all officials directly involved in organizing the prevention of alcohol consumption.

Based on the foregoing, we can conclude that work to prevent the turnover and use of alcoholic beverages should be carried out in close cooperation of all structural units of the correctional institution. In this work, the role of each employee is important, because it is the performance of official duties at a high level that should lead to minimization of the spread and use of alcohol by convicts.

An analysis of empirical sources and the practice of correctional facilities show that at present it is not possible to completely stop the penetration of drugs and alcohol into restricted areas. The methods of tricks used by convicts to hide and use the prohibited items under consideration are diverse and depend on the type of regime of the correctional institution, its condition, and the quality of the organization of operational-regime measures.

As we indicated above, convicts receive narcotic substances and alcohol products either from their "will" or they make them themselves. But there are also cases when convicts pretend to be ill with various illicit substances (often narcotic drugs). Convicts do this in order to get into the medical unit of the correctional facility and receive (and sometimes theft) potent drugs.

Convicts who systematically use drugs are well aware of the symptoms of certain diseases. Such a simulation allows them to mislead first employees of correctional institutions, and then medical workers. Often the simulation of convicts is so successful that they are prescribed various drugs, including psychotropic ones, for the purpose of treatment.

The work of the penitentiary system should also be carried out in the direction of identifying people who use alcohol or drugs. An analysis of empirical sources shows that convicts are able to hide the visible signs of alcohol or drug intoxication. In fairness, it is worth saying that it is practically impossible to hide drug intoxication, however, convicts know and apply a number of tricks that allow misleading employees of correctional institutions. These include ac-

tions to use tobacco in order to dilate the pupils; masking with various substances "bad breath", etc.

Convicts also take measures to artificially and promptly reduce the concentration of alcohol (and sometimes these actions help reduce the concentration of drugs) in the blood. These include the use of tightly brewed tea, hormonal preparations, biologically active substances, etc.

Based on the foregoing, it can be concluded that the work on the timely examination of convicts is of great importance in preventing the trafficking and use of narcotic drugs and alcoholic beverages. Timely and correctly identified persons subjected to alcohol or drug intoxication should be isolated, and subsequently put on various types of preventive records.

Bibliographic list

1. Anisimkov V.M. Organization of correctional labor institutions to combat drug addiction: a training manual / Anisimkov V.M., Barabanov N.P., Metelkin M.B. Moscow, 1990. 70 p.

2. Malchuk O.I., Nuzhdin A.A. Operative-search crime prevention in correctional institutions: theoretical aspect // The penal system: law, economics, management. 2018. No. 1. P. 29–31.

3. Nuzhdin A.A. Crime Prevention: Theoretical and Legal Aspect. In the collection: III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (on the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive Code of the Russian Federation) // Collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 8 volumes. Ryazan. 2017. P. 183–186.

4. Official site of the Federal Penitentiary Service of Russia [Electronic resource] // URL: <https://fsin.rf>.

For citation: Nesterova O.I. Criminological measures to identify and prevent illicit trafficking in alcohol and drugs in correctional facilities // Legal Thought. 2019. No 6. (116). P. 108–111.

12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

УДК 343.163

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.010

Полномочия прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере защиты прав предпринимателей

Р.Р. Солтанов*

Аннотация. Прокурорский надзор признается одним из эффективных средств защиты прав предпринимателей. Статистика свидетельствует, о довольно большом количестве нарушений прав предпринимателей, что требует действенного механизма для предупреждения и пресечения таких нарушений, достижение которого возможно в рамках прокурорского надзора. Автор акцентирует внимание на полномочиях прокуроров по защите прав предпринимателей. Предложены отдельные меры по совершенствованию прокурорского надзора в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, полномочия прокурора, прокуратуры, предприниматели, субъекты малого и среднего предпринимательства.

Предпринимательская деятельность в России является основой для экономического развития страны. Успешное функционирование и стабильный рост во многом зависит от условий, созданных в обществе и государстве в целом. На сегодняшний день со стороны государства принимаются активные меры по стимулированию и поддержке предпринимательского сектора. Осуществляется контроль устранения административных барьеров и всяческого давления на бизнес. Создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности в России – первоочередная задача для развития страны в целом [6].

Основная роль в защитном механизме отводится органам прокуратуры, которые осуществляют надзор за соблюдением прав предпринимателей

* Солтанов Ризван Расулович, студент 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: mr.riz@bk.ru

Научный руководитель – Хабибулин Алик Галимзянович, заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

[5]. Иными словами, органы прокуратуры обеспечивают экономическую свободу, что предполагает наличие санкционированного и гарантированного государством правового режима, в условиях которого осуществляются действия по устранению монополий любых видов, препятствующих гражданам и юридическим лицам заниматься предпринимательской деятельностью в легальных формах, а также отсутствуют или сведены к минимуму излишний государственный контроль и нормативно-правовая регламентация, стесняющая частную предприимчивость [7, с. 30].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не предусматривает отдельного вида надзора прокурорский надзор по соблюдению прав предпринимателей [1]. Защита прав предпринимателей осуществляется в рамках общего надзора за исполнением законов в сфере защиты прав предпринимателей.

Несмотря на то, что Президент Российской Федерации неоднократно высказывался за необходимость стимулирования и поддержания развития бизнеса, ведь именно бизнес основа для развития экономики страны, количество случаев нарушения прав предпринимателей ежегодно растет.

Ежегодно органы прокуратуры выявляют огромное количество нарушений в предпринимательской сфере. Так, за 2019 год количество нарушений прав предпринимателей увеличилось на 6,6%. Увеличилось и количество вносимых протестов и представлений на 14%.

Особая значимость отводится таким уникальным полномочиям прокуратуры, как формирование сводного плана плановых проверок субъектов предпринимательства в соответствии с планами органов государственного и муниципального контроля; согласование внеплановых проверок хозяйствующих субъектов, которые проводятся при возникновении причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия и являются угрозой причинения такого вреда [4].

Появились названные полномочия в результате принятия Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3].

Наделение прокуратуры такими полномочиями оказали влияние на повышение эффективности защиты прав предпринимателей и законных интересов бизнеса.

Как правило, каждая вторая внеплановая проверка не имеет оснований для проведения или для включения в ежегодный план.

Однако, несмотря на то, что органы прокуратуры осуществляют такие полномочия, а основной законодательный акт, определяющий прокурорский надзор, не предусматривает упоминания о таких полномочиях. Целесообразно, предусмотреть дополнение Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Не менее важным направлением правозащитной деятельности органов прокуратуры признается пресечение давления на бизнес со стороны государственных органов, пресечение коррупции. По результатам прокурорских проверок возбуждается довольно большое количество уголовных дел, в части,

приостановления деятельности юридических лиц, при отказе в выдаче разрешений на строительство, взыскательство денежных средств. Однако, как правило, привлекаются к ответственности только должностные лица государственных и контролирующих органов, в свою очередь действиям правоохранительных органов уголовно-правовая оценка дается крайне редко. Продолжают неосновательно возбуждаться уголовные дела с целью применения меры процессуального принуждения. Особенно это касается проведения оперативно-розыскных мероприятий в помещениях, зданиях, на участках местности, которые принадлежат или используются предпринимателями.

Права предпринимателей могут быть защищены в рамках судебной защиты, но как показывает практика, судебная защита – это не только долго, но и очень затратно, и поэтому не эффективна, так как в полной мере не позволяет восстановить нарушенные права предпринимателей. В свою очередь, законодатель наделяет прокурора полномочием надзора исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. На практике такие проверки осуществляются уже после проведения оперативно-розыскных мероприятий. А это значит, что права предпринимателей при проведении таких мероприятий нарушаются. Поэтому целесообразно на законодательном уровне ввести процедуру согласования с органами прокуратуры отдельных оперативно-розыскных мероприятий, а также закрепить обязанность оперативных служб об уведомлении органов прокуратуры о проведении данных мероприятий.

Более того, целесообразно наделить прокурора полномочиями обязывать уполномоченные органы незамедлительно возвращать незаконно или необоснованно изъятое имущество, предоставив этим органам право обжалования такого решения вышестоящему прокурору или в суд. Соответственно для этого необходимо внести изменения в статьи 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2].

Таким образом, хозяйствующие субъекты на сегодняшний день активно используют возможность защищать свои права гражданско-правовыми способами, предусмотренными ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации. Указанные способы являются затратными и требуют длительного времени для восстановления нарушенного права, что не скажешь о прокурорском надзоре. Прокурорский надзор в сфере предпринимательской деятельности давно признают в качестве приоритетного направления в деятельности органов прокуратуры.

Повышенное внимание к прокурорскому надзору за исполнением законов в сфере экономической и предпринимательской деятельности подтверждается рядом осуществленных в последние годы правовых и организационных преобразований в системе прокуратуры Российской Федерации, направленных на обеспечение защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

4. Ануфриева Ю.Б. Полномочия прокурора по защите прав предпринимателей при реализации контролирующими органами контрольно-надзорных функций // Мир юридической науки. – 2018. – № 3–4. – С. 27–31.

5. Каинов А.С. Место и роль прокуратуры в функционировании институтов гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 1 (45). – С. 81–88.

6. Кобзарев Ф.М. Защита прав предпринимателей средствами прокурорского надзора: состояние и направления совершенствования // Вестник Академии. – 2018. – № 1. – С. 80–85.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

Для цитирования: Солтанов Р.Р. Полномочия прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере защиты прав предпринимателей // Юридическая мысль. – 2019. – № 6 (116). – С. 112–115.

The powers of prosecutors in carrying out supervision over execution of laws in sphere of protection of the rights of entrepreneurs

R.R. Soltanov*

Annotation. Prosecutor's supervision is recognized as one of the most effective means of protecting the rights of entrepreneurs. Statistics show a fairly large number of violations of the rights of entrepreneurs, which requires an effective mechanism for preventing and suppressing such violations, which can be achieved within the framework of Prosecutor's supervision. The author focuses on the powers of prosecutors to protect the rights of entrepreneurs. Separate measures are proposed to improve the Prosecutor's supervision in the sphere of business activity.

Keywords: prosecutor's supervision, powers of the Prosecutor, Prosecutor's office, entrepreneurs, small and medium-sized businesses.

Entrepreneurship in Russia is the basis for the economic development of the country. Successful functioning and stable growth largely depends on the conditions created in society and the state as a whole. Today, the state is taking active measures to stimulate and support the business sector. Control over

* *Soltanov Rizvan Rasulovich*, 2nd year student of the Graduate School of State Audit (Faculty), Moscow State University M.V. Lomonosov. E-mail: mr.riz@bk.ru

Academic Supervisor – *Khabibulin Alik Galimzyanovich*, Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University M.V. Lomonosova, Doctor of Law, Professor.

the removal of administrative barriers and all kinds of pressure on the business is carried out. Creating favorable conditions for doing business in Russia is a priority for the development of the country as a whole [6].

The main role in the protective mechanism is assigned to the prosecution authorities, which oversee the observance of the rights of entrepreneurs [5]. In other words, the prosecution authorities provide economic freedom, which implies the existence of a legal regime authorized and guaranteed by the state, in the context of which actions are taken to eliminate monopolies of any kind that prevent citizens and legal entities from engaging in legal activities, as well as missing or minimized state control and legal regulation, constraining private enterprise [7, p. 30].

The Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" does not provide for a separate type of supervision, prosecutorial oversight to observe the rights of entrepreneurs [1]. Protection of the rights of entrepreneurs is carried out in the framework of general supervision of the implementation of laws in the field of protection of the rights of entrepreneurs.

Despite the fact that the President of the Russian Federation has repeatedly spoken out for the need to stimulate and support the development of business, it is precisely the business basis for the development of the country's economy, the number of cases of violation of the rights of entrepreneurs is growing every year.

Every year, prosecutors identify a huge number of violations in the business sector. So, in 2019, the number of violations of the rights of entrepreneurs increased by 6.6%. The number of protests and representations made increased by 14%.

Of particular importance is given to such unique powers of the prosecutor's office as the formation of a consolidated plan of planned inspections of business entities in accordance with the plans of state and municipal control bodies; coordination of unscheduled inspections of business entities that are carried out in the event of damage to life, health of citizens, harm to animals, plants, the environment, cultural heritage sites and are a threat of causing such harm [4].

These powers appeared as a result of the adoption of the Federal Law "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the State Control (Supervision) and Municipal Control" [3].

The provision of such powers to the prosecutor's office had an impact on improving the efficiency of protecting the rights of entrepreneurs and the legitimate interests of business.

As a rule, every second unscheduled inspection has no reason to conduct or to be included in the annual plan.

However, in spite of the fact that the prosecutor's bodies exercise such powers, the main legislative act defining prosecutor's supervision does not mention such powers. It is advisable to provide for the addition of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation".

The suppression of pressure on business by state bodies and the suppression of corruption is recognized as an equally important area of human rights activity of prosecution bodies. According to the results of prosecutorial inspec-

tions, quite a large number of criminal cases are initiated, in part, the suspension of the activities of legal entities, in case of refusal to issue building permits, extortion of funds. However, as a rule, only officials of state and regulatory bodies are brought to justice, in turn, the actions of law enforcement agencies give a criminal legal assessment extremely rarely. Criminal cases continue to be unreasonably initiated with the aim of applying a measure of procedural coercion. This is especially true for conducting operational-search measures in premises, buildings, and in areas of land that are owned or used by entrepreneurs.

The rights of entrepreneurs can be protected in the framework of judicial protection, but as practice shows, judicial protection is not only long, but also very costly and therefore not effective, since it does not fully allow restoring the violated rights of entrepreneurs. In turn, the legislator gives the prosecutor the power to supervise the enforcement of laws in the operational-search activity. In practice, such checks are carried out after the operational-search measures. And this means that the rights of entrepreneurs are violated during such events. Therefore, it is advisable at the legislative level to introduce a procedure for coordination with the prosecution authorities of certain operational-search measures, as well as to consolidate the duty of operational services to notify prosecution authorities about these activities.

Moreover, it is advisable to empower the prosecutor to oblige the authorized bodies to immediately return illegally or unreasonably seized property, giving these bodies the right to appeal such a decision to a higher prosecutor or to a court. Accordingly, for this it is necessary to amend Articles 6 and 15 of the Federal Law "On the operational-search activity" [2].

So, business entities today are actively using the opportunity to protect their rights in civil law methods provided for in Art. 12 of the Civil Code of the Russian Federation. These methods are costly and require a long time to restore the violated right, which cannot be said about prosecutorial supervision. Prosecutorial supervision in the field of entrepreneurial activity has long been recognized as a priority in the activities of prosecution bodies.

The increased attention to prosecutorial supervision of the implementation of laws in the field of economic and entrepreneurial activity is confirmed by a number of legal and organizational transformations carried out in recent years in the prosecution system of the Russian Federation aimed at ensuring the protection of the rights and legitimate interests of business entities.

Bibliographic list

1. Federal law of 17.01.1992 № 2202-1 (as amended on 02/06/2020) «On the prosecutor's office of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 47. Art. 4472.

2. Federal law of 08/12/1995 № 144-ФЗ (as amended on 02/02/2019) «On operational search activity» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

3. Federal Law of 26.12.2008 № 294-ФЗ (as amended on 01.04.2020) «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (part 1). Art. 6249.

4. Anufrieva Yu.B. The powers of the prosecutor to protect the rights of entrepreneurs in the implementation by the regulatory authorities of the control and supervision functions // *World of Legal Science*. 2018. No. 3–4. P. 27–31.

5. Kainov A.S. The place and role of the prosecutor's office in the functioning of civil society institutions // *Bulletin of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2018. No. 1 (45). P. 81–88.

6. Kobzarev F.M. Protection of the rights of entrepreneurs by means of prosecutorial supervision: status and areas of improvement // *Bulletin of the Academy*. 2018. No. 1. P. 80–85.

7. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation* / S.A. Komarov [et al.]; under the editorship of S.A. Komarova. 3rd ed., Revised and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p. (Series: Professional Comments).

For citation: Soltanov R.R. The powers of prosecutors in supervising the implementation of laws in the field of protecting the rights of entrepreneurs // *Legal Thought*. 2019. No. 6 (116). P. 115–118.

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

УДК 347.918

DOI: 10.25839/MATGIP.2020.116.6.011

Основания для оспаривания решений третейских судов

Н.Д. Вороненков*

Аннотация. В данной статье анализируются положения, действующего процессуального законодательства Российской Федерации, согласно которым государственные арбитражные суды осуществляют функции контроля и оказывают содействие третейским судам. На данный момент вопрос оспаривания решений третейских судов приобретает все большее значение в связи с реформой законодательства о третейских судах и созданием новых арбитражных учреждений, главной задачей которых является профессиональное, беспристрастное разрешение споров на добровольной основе между хозяйствующими субъектами.

Ключевые слова: третейские суды, оспаривание, арбитраж, судебное разбирательство.

Введение. Принятие Федерального закона об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации [2], обновлённой главы 30 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [1] ознаменовало усиление государственного контроля за ситуациями, когда между участниками третейского соглашения имеет место конфликт, но, надо отдать должное, такая возможность государственного вмешательства все же носит довольно ограниченный характер.

Под государственным контролем имеются в виду, в частности, предусмотренные АПК РФ основания оспаривания решений третейских судов в арбитражном суде, которые далее будут подробно рассмотрены и проанализированы.

По общему правилу, отменить решение третейского суда можно либо путем его оспаривания в арбитражном суде, либо уже на стадии выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, когда арбитражный суд рассматривает соответствующее заявление.

* Вороненков Николай Денисович, студент 2 курса магистратуры международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. E-mail: ko-vo@mail.ru

Кто имеет право оспорить решение третейского суда? Согласно п. 2 ст. 230 АПК РФ к таким субъектам относится круг лиц, обладающий правом оспаривания решения, вынесенного третейским судом, не только непосредственных участников разбирательства, но и иных лиц, права и обязанности которых могли быть затронуты вынесенным решением. Такая формулировка в целом аналогична формулировке ст. 42 АПК РФ, которая относится к решениям арбитражного суда.

Интересно, что ранее круг лиц, обладающих правом оспаривания решения, вынесенного третейским судом, был ограничен непосредственными участниками разбирательства. На данный момент, п. 30 ст. 230 АПК РФ предусматривает также права прокурора оспаривать решения третейских судов в целях осуществления защиты публично-правовых оснований. Ранее, когда закон, ограничивался предоставлением возможности оспаривания третейского решения лишь его участникам, это соответствовало частично-правовой природе судебного разбирательства, которая напрямую вытекает из самой сути третейского спора, который возможен только между лицами, добровольно связавшими себя такие обязательства, заключив арбитражное соглашение или включив в договор арбитражную оговорку.

Ведь, по общему правилу, для лиц, не связанных таким соглашением или оговоркой, решение третейского суда не может быть обязательным, а значит, не может затрагивать и таким образом нарушать их права и законные интересы. Причиной же расширения круга лиц вполне можно считать желание установить более жесткий контроль за третейскими судами, дабы предотвратить злоупотребления, которые имели место прежде [4].

Отчасти данная норма по предоставлению прокурору полномочий по обжалованию решений третейских судов уравнивает регулирование третейских и арбитражных судов, так как решения последних могут быть, например, обжалованы по заявлению конкурсных кредиторов в связи с банкротством должника [5, п. 24].

В целом, закрепление законодателем права третьих лиц обжаловать решение третейского суда является логичным продолжением сложившейся судебной практики, которая позволяла отмену третейского решения по заявлению лица, чей законный интерес был затронут вынесенным решением [6, п. 11].

При этом, необходимо отметить, что расширение круга лиц, имеющих право обжаловать третейское решение, открывает возможность для злоупотреблений, в частности, стороны, желающие затянуть принятие решение или вовсе уклониться от его исполнения, смогут через своих аффилированных лиц достичь своей цели, используя новую норму [23, с. 16].

Более того, данная новелла не соответствует устоявшимся принципам международного коммерческого арбитража. В целом, можно отнести такое противоречие на счет разных подходов к обязательности судебных решений в России и за рубежом. В частности, ст. 16 АПК РФ говорит об обязательности судебного акта для всех физических и юридических лиц, безотносительно их участия в процессе и затрагивания их прав и законных интересов.

За рубежом же такого подхода не придерживаются, напротив, преобладает регулирование, согласно которому решение суда является обяза-

тельным только для лиц, непосредственно участвовавших в деле, и не может затрагивать третьих лиц, а именно их права и обязанности [23, с. 8, 15]. В частности, ст. 230 АПК РФ в сегодняшней формулировке не соответствует Типовому закону ЮНСИТРАЛ, так как в нем указывается, что процедура обжалования решения третейского суда – это исключительный инструмент сторон третейского разбирательства, аналогичное положение содержится в ст. IX Европейской конвенции.

Будет неправильным не упомянуть, что в третейском соглашении можно ограничить возможность оспаривания третейского решения, т.е. необходимо предусмотреть положение, что решение, выносимое на основании соответствующего соглашения, является окончательным и не подлежит отмене. В таком случае, арбитражное производство, оспаривающее решение третейского суда, подлежит прекращению [7].

Как показывает практика, это далеко не всегда останавливает проигравшую сторону от попытки оспорить соответствующее решение третейского суда, однако, суду необходимо руководствоваться п. 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов», а именно прекратить арбитражное производство [8].

Данное ограничение, которое можно предусмотреть в третейском соглашении, соответствует принципу свободы договора и дает дополнительные гарантии в отношении окончательности решения третейского суда. При этом, необходимо подчеркнуть, что такое ограничение нельзя назвать каким-то образом ограничивающим права и законные интересы лиц, связанных данным решением, так как свои возражения они могут выдвинуть на этапе выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Справедливо будет задать вопрос: подпадают ли третьи лица, которые теперь наделены правом обжаловать судебное решение под вышеназванное исключение, т.е. если арбитражным соглашением предусмотрена его окончательность, будет ли она распространяться на третьих лиц? Логичным ответом будет – «нет», так как арбитражное соглашение, как и любой договор, связывает только его стороны, т.е. третьи лица, независимо от положений, предусмотренных арбитражным соглашением, сохраняют возможность оспаривать решение третейского суда.

Обратное нивелировало бы стремление законодателя предоставить право на защиту прав и законных интересов заинтересованных лиц. При этом следует понимать, что защита заинтересованных лиц исходит в том числе из того, что спорное решение вынесено не напрямую против заинтересованного лица, что лишает его возможности представить возражения в деле по выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда [25].

Можно сформулировать два критерия применения принципа окончательности арбитражного решения: является ли лицо, подающее заявление об отмене решения третейского суда, стороной прямого соглашения и вы-

несено ли третейское решение против данного лица. При положительном ответе на оба вопроса лицо лишается права на подачу заявления.

Основания для оспаривания решения третейского суда. В п. 3 ст. 233 АПК РФ перечисляет основания для оспаривания, вынесенного третейским судом решения, в частности: недееспособность одной из сторон третейского соглашения; недействительность третейского соглашения; выход третейским судом за пределы компетенции; состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону; неуведомление проигравшей стороны должным образом или невозможность для нее по другим уважительным причинам представить свои объяснения.

Кроме того, согласно вышеупомянутой статье бремя доказывания наличия данных оснований лежит на стороне, которая их заявляет. Это означает, что суд не обладает полномочиями самостоятельно проверить наличие или отсутствие данных оснований для оспаривания, а также не имеет права возложить бремя доказывания на иную сторону.

Далее подробно рассмотрим каждое из вышеназванных оснований для отмены решения третейского суда.

Недееспособность одной из сторон третейского соглашения. Отметим, что с точки зрения российского права термин «дееспособность» можно отнести исключительно к физическим лицам, в то время как для юридических лиц актуально понятие «правоспособность», которое по сути несет ту же смысловую нагрузку. Б.Р. Карабельников отмечает, что правильной формулировкой в данном случае послужило бы словосочетание «дефект правоспособности» [24, с. 120]. Однако, нами не было обнаружено судебной практики, которая говорила бы о том, что данная терминологическая ошибка привела к каким-либо сложностям.

Отметим, что, если спор касается внутреннего третейского разбирательства, то вопрос наличие у лица необходимой правоспособности будет разрешаться согласно российскому праву. В случае, если имеет место спор в отношении решения международного арбитража, то правоспособность его участников определяется на основании права, которому подчинено арбитражное соглашение согласно пп. а п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции и п. 2 ст. VI Европейской конвенции.

Недействительность третейского соглашения. По нашему мнению, под недействительностью для целей ст. 234 АПК РФ стоит понимать незаключенность, недействительность, утрату силы и невозможность исполнения. При этом аналогично правилу, применимому к дееспособности, вопрос о действительности третейского соглашения должен решаться по праву, которое к нему применимо (пп. «а» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции и пп. «а» п. 1 ст. IX Европейской конвенции).

Ситуации, когда к арбитражному соглашению применяется право отличное от права, применимого к самому договору, в отношении которого заключается третейское соглашение, довольно редки. Более того, некоторые авторы указывают на то, что если между сторонами есть соглашение о выборе применимого права по отношению к основному договору, то необходимо распространить его действие и на арбитражное соглашение [3].

Интересно, что в российской судебной практике такая позиция тоже встречалась, хотя и не приобрела характер устоявшегося подхода [9].

Арбитражное соглашение может быть признано недействительным по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, как и любой другой договор [10]. В частности, в силу несоблюдения требований к форме заключения арбитражного соглашения.

Важно отметить, что вследствие действия принципа автономности третейского соглашения, основание недействительности должно касаться именно положений такого третейского соглашения, а не договора в целом. Как пример, можно привести ситуацию, когда нарушение порядка одобрения крупной сделка является причиной признания такой сделки недействительной, но никак не затрагивает арбитражное соглашение, так как оно по определению не может являться крупной сделкой [11].

Согласно изученной нами судебной практики российских судов, арбитражные соглашения зачастую признавались недействительными по следующим основаниям: неарбитрабельность спора [12]; несоответствие выбранного арбитражного учреждения признакам объективной беспристрастности [13]. Однако, принятие Конституционным судом РФ Постановления от 18.11.2014 № 30-П должно повлечь утрату актуальности этого основания признания арбитражного соглашения недействительным; отсутствие полномочий у лица, подписавшего арбитражное соглашение [14]; подделка подписей сторон на арбитражном соглашении [15]; несоответствие третейского соглашения императивному требованию закона [16].

Выход третейским судом за пределы компетенции означает, что решение было вынесено по спору, который не является предметом арбитражной оговорки/арбитражного соглашения. Зачастую причиной становится некорректно сформулированная арбитражная оговорка, в частности, когда ее предмет слишком узко сформулирован [17].

Однако, важно подчеркнуть, что на практике оспаривание по данному основанию решения редко оказывается успешным, так как большинство арбитражных оговорок, наоборот, очень широко сформулированы дабы исключить такую возможность оспаривания [24, с. 336].

Несоответствие состава третейского суда или процедуры арбитража соглашению сторон или федеральному закону. Примером несоответствия состава третейского суда соглашению сторон или федеральному закону может служить несоответствие квалификации или образования арбитра требованиям, предъявляемым в соглашении или законом соответственно, или, если арбитры были избраны с нарушением процедуры, предъявляемой к формированию арбитража [18].

Примерами же несоблюдения процедуры может служить: несоблюдение срока для вынесения арбитражного решения, установленного в третейском соглашении; рассмотрение дела без устных слушаний; формальное нарушение в выборе формы акта, принятого третейским судом (постановление или решение); несоответствие содержания решения требованиям к нему предъявляемым.

Неуведомление проигравшей стороны должным образом или невозможность для нее по другим уважительным причинам предста-

вить свои объяснения. Данное основание относится к числу серьезных процессуальных нарушений, которое может стать причиной для отмены решения третейского суда. Согласно ст. 18 Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» стороне должны быть предоставлены все возможности для изложения своей позиции, что происходит из основополагающих принципов арбитража, в частности, состязательности и равного отношения к сторонам спора. Отсюда следует, что простое уведомление стороны о назначенном третейском разбирательстве не будет являться достаточным, необходимо также сделать это заблаговременно, чтобы у стороны была реальная возможность для подготовки своей позиции [19].

Доказательства того, что сторона была надлежаще уведомлена, это, по общему правилу, документы, которые могут подтвердить получение или попытку доставки сообщения, или иные документы, например, переписка по электронной почте [20]. В такой ситуации суд каждый раз должен оценивать все фактические обстоятельства и аргументы, используя критерии ложного уведомления, которые установлены как непосредственно арбитражным соглашением, так и законодательством [21].

В ситуации, когда сторона спора приводит довод о своей невозможности подготовить позицию по причине сжатых сроков, в которых она оказалась, так как ее поздно уведомили о назначении третейского разбирательства, ей необходимо предоставить доказательства такой невозможности исходя из срока или объема извещения [7, п. 23]. Однако, отдельно отметим, что если стороны заранее в арбитражном соглашении согласовали график ознакомления с документами и назначения разбирательства, то они лишаются возможности сослаться на отсутствие разумной возможности подготовить позицию в согласованные сроки. Отсюда следует, что данное основание для оспаривания решений третейского суда не избавляет стороны от необходимости действовать разумно и осмотрительно, а также принимать разумные меры для обеспечения принятия корреспонденции. Такой подход гарантирует минимизацию злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданских правоотношений [22].

Заключение. Третейское разбирательство как альтернативная форма защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности становится все более популярной в Российской Федерации. Анализ действующего законодательства и судебной практики по вопросу оспаривания решений третейских судов позволяет прийти к выводу об актуальности проблем, возникающих при оспаривании решений третейских судов.

Библиографический список

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // www.consultant.ru
2. Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // www.consultant.ru
3. Derains Yves, The ICC arbitral process, Part VIII: Choice of law applicable to the contract and international arbitration (2006) 6 ICC International Court of Arbitra-

tion Bulletin 10, P. 16 – 17; Nigel Blackaby N., Constantine Partasides C., et al., Redfern and Hunter on International Arbitration (Sixth Edition), 6th edition; Oxford University Press, 2015, para 3.12.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 7805/12 по делу № А56-49603/2011 //www.consultant.ru

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // www.consultant.ru

6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 N 96; Определение ВАС РФ от 25.03.2013 N ВАС-2871/13 по делу N А14-14800/2012 // www.consultant.ru

7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» //www.consultant.ru

8. Информационное письмо Арбитражного третейского суда г. Москвы от 04.03.2015 N 449 «О процессуальных особенностях рассмотрения арбитражными судами дел о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если одновременно подано заявление об отмене данного решения третейского суда» //www.consultant.ru

9. Постановление ФАС Московского округа от 18.01.2010 N КГ-А40/14211-09 по делу N А40-59802/09-97-533; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 04.06.2010 по делу N А45-13290/2009 //www.consultant.ru

10. Определение ВС РФ от 07.10.2014 N 308-ЭС14-177 по делу N А63-1982/2013 //www.consultant.ru

11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.04.2006 N Ф04-1614/2006(21058-А70-12) по делу N А70-3077/12-2005 //www.consultant.ru

12. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 N 11535/13 по делу N А40-148581/12, А40-160147/12 //www.consultant.ru

13. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.04.2014 по делу N А63-1982/2013 //www.consultant.ru

14. Определение ВС РФ от 14.06.2016 N 302-ЭС16-5416 по делу N А19-6703/2015 //www.consultant.ru

15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.02.2016 по делу N А19-6703/2015 //www.consultant.ru

16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.02.2016 по делу N А56-9227/2015 //www.consultant.ru

17. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 21.06.2003 по делу N А05-7905/01-515/23 //www.consultant.ru

18. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.09.2016 по делу N 33-29075/2016 //www.consultant.ru

19. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 (с приложением) //www.consultant.ru

20. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.01.2009 N 10613/08 по делу № А40-31695/07-13-318 //www.consultant.ru

21. Определение ВС РФ от 22.10.2015 N 310-ЭС15-4266 по делу № А36-5174/2013 //www.consultant.ru

23. Постановление Президиума ВАС РФ от 31.03.2009 N 17412/08//www.consultant.ru

24. Асосков А.В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 2. – С. 6–35.

25. *Карабельников Б.Р.* Международный коммерческий арбитраж: Учебник. 2-е изд. – М., 2013. – 554 с.

26. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др.; под общей ред. В.В. Хвалея. – М.: РАА, 2017. – 935 с.

Для цитирования: *Вороненков Н.Д.* Основания для оспаривания решений третейских судов // *Юридическая мысль.* – 2019. – № 6. – С. 119–126.

Grounds for challenging decisions arbitration courts

N.D. Voronenkov*

Annotation. This article covers the provisions of the current procedural law of the Russian Federation, according to which state commercial courts exercise the functions of control and provide assistance to arbitral tribunals. Nowadays the issue of challenging the rulings of arbitral tribunals has become of vital importance mainly because of the reform of legislation on the arbitration tribunals and the creation of the new arbitration institutions which will settle the disputes professionally and amicably between incorporated businesses.

Keywords: arbitral tribunals, contestation, arbitrage, trial.

Introduction. The adoption of the Federal Law on Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation [2], the updated chapter 30 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (here in after – the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation) [1] marked the strengthening of state control over situations when there is a conflict between the parties to the arbitration agreement, but, we must pay tribute, this possibility of government intervention is still quite limited.

Under state control, we mean, in particular, the grounds provided for by the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation to challenge the decisions of arbitration courts in an arbitration court, which will be further examined and analyzed in detail.

As a general rule, a decision of the arbitration court can be canceled either by contesting it in the arbitration court, or already at the stage of issuing a writ of execution for the enforcement of the decision of the arbitration court when the arbitration court considers the relevant application.

Who has the right to challenge the decision of the arbitration court?

According to paragraph 2 of Art. 230 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, such entities include a circle of persons having the right to challenge the decision made by the arbitration court, not only the direct participants in the proceedings, but also other persons whose rights and obligations could be affected by the decision. Such a wording is generally similar to the wording of Art. 42 APC RF, which refers to the decisions of the arbitral tribunal.

* *Voronenkov Nikolai Denisovich*, 2nd year student of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs. E-mail: ko-vo@mail.ru

It is interesting that earlier the circle of persons with the right to challenge the decision made by the arbitration court was limited to the direct participants in the proceedings. At the moment, paragraph 30 of Art. 230 APC of the Russian Federation also provides for the right of the prosecutor to challenge the decisions of the arbitration courts in order to protect public law grounds. Previously, when the law was limited to providing an opportunity to challenge the arbitral award only to its participants, this corresponded to the private legal nature of the trial, which directly follows from the very essence of the arbitration dispute, which is possible only between persons voluntarily binding themselves by such obligations, having entered into an arbitration agreement or including an arbitration clause in the contract.

Indeed, as a general rule, for persons not bound by such an agreement or reservation, the decision of the arbitration court cannot be binding, which means that it cannot affect and thus violate their rights and legitimate interests. The reason for expanding the circle of people can be considered the desire to establish tighter control over the arbitration courts in order to prevent the abuses that took place before [4].

In part, this rule on providing the prosecutor with the authority to appeal the decisions of the arbitration courts equalizes the regulation of the arbitration and arbitration courts, since the decisions of the latter can, for example, be appealed at the request of bankruptcy creditors in connection with the bankruptcy of the debtor [5, p. 24].

In general, the consolidation by the legislator of the right of third parties to appeal the decision of the arbitration court is a logical continuation of the established judicial practice, which allowed the annulment of the arbitration decision on the application of the person whose legitimate interest was affected by the decision [6, p. 11].

At the same time, it should be noted that expanding the circle of persons entitled to appeal the arbitration decision opens up the possibility of abuse, in particular, parties wishing to delay the decision or even evade its implementation will be able to achieve their goal through their affiliates using the new norm [23, p. 16].

Moreover, this short story does not comply with the established principles of international commercial arbitration. In general, this contradiction can be attributed to different approaches to the binding judgments in Russia and abroad. In particular, Art. 16 of the APC of the Russian Federation says that a judicial act is binding on all individuals and legal entities, regardless of their participation in the process and the violation of their rights and legitimate interests.

Abroad, such an approach is not followed, on the contrary, regulation prevails, according to which a court decision is binding only on persons directly involved in the case and cannot affect third parties, namely their rights and obligations [23, p. 8, 15]. In particular, Art. 230 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in its current wording does not comply with the UNCITRAL Model Law, since it states that the appeal procedure of the arbitration court decision is an exclusive tool of the parties to the arbitration proceedings, a similar provision is contained in Art. IX European Convention.

It would be wrong not to mention that in the arbitration agreement it is possible to limit the possibility of challenging the arbitration decision, i.e. it is necessary to stipulate that the decision made on the basis of the relevant agreement is final and not subject to revocation. In this case, the arbitration proceedings challenging the decision of the arbitral tribunal shall be terminated [7].

As practice shows, this does not always stop the loser from trying to challenge the relevant decision of the arbitration court, however, the court should be guided by paragraph 9 of the information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 22, 2005 No. 96 "Review of the Practice of Consideration by the Arbitration Courts of Cases on Recognition and Litigation execution of decisions of foreign courts, on contesting decisions of arbitration courts and on the issuance of writ of execution for the enforcement of decisions of arbitration courts", namely, to terminate arbitration proceedings [8].

This restriction, which can be provided for in the arbitration agreement, is consistent with the principle of freedom of contract and provides additional guarantees regarding the finality of the arbitration court decision. At the same time, it must be emphasized that such a restriction cannot be called in any way limiting the rights and legitimate interests of persons connected by this decision, since they can put forward their objections at the stage of issuing a writ of execution for the enforcement of the arbitration court decision.

It will be fair to ask a question: are third parties who are now vested with the right to appeal the court decision with the above exception, i.e. if the arbitration agreement provides for its finality, will it apply to third parties? The logical answer is "no," since the arbitration agreement, like any agreement, binds only its parties, i.e. third parties, regardless of the provisions provided for by the arbitration agreement, retain the opportunity to challenge the decision of the arbitration court.

The opposite would offset the desire of the legislator to provide the right to protect the rights and legitimate interests of interested parties. It should be understood that the protection of interested parties comes from the fact that the controversial decision was not made directly against the interested person, which deprives him of the opportunity to present objections in the case of issuing a writ of execution for the enforcement of the decision of the arbitration court [25].

Two criteria can be formulated to apply the principle of finality of the arbitral award: whether the person filing the application for the annulment of the arbitration court decision is a party to the direct agreement and whether the arbitral award is made against the person. If the answer is yes to both questions, the person is denied the right to submit an application.

Grounds for contesting the decision of the arbitral tribunal. In paragraph 3 of Art. 233 of the APC of the Russian Federation lists the grounds for contesting the decision made by the arbitral tribunal, in particular: the incapacity of one of the parties to the arbitration agreement; invalidity of the arbitration agreement; the arbitration court goes beyond its competence; the composition of the arbitral tribunal or the arbitration procedure did not

comply with the agreement of the parties or federal law; failure to notify the losing party properly or inability for it to submit its explanations for other valid reasons.

Furthermore, according to the aforementioned article, the burden of proving the existence of these grounds lies with the party that claims them. This means that the court does not have the authority to independently verify the presence or absence of these grounds for contestation, and also does not have the right to place the burden of proof on the other side.

Next, we consider in detail each of the above grounds for canceling the decision of the arbitration court.

The failure of one of the parties to the arbitration agreement. Note that from the point of view of Russian law, the term “legal capacity” can be attributed exclusively to individuals, while for legal entities the concept of “legal capacity” is relevant, which essentially carries the same meaning. B.R. Karabelnikov notes that the phrase “defect of legal capacity” [24, p. 120]. However, we did not find any jurisprudence that would suggest that this terminological error led to any difficulties.

Note that if the dispute relates to internal arbitration, then the issue of whether a person has the necessary legal capacity will be resolved in accordance with Russian law. If there is a dispute regarding the decision of the international arbitration, then the legal capacity of its participants is determined on the basis of the law to which the arbitration agreement is subordinated in accordance with paragraphs. and paragraph 1 of article V New York Convention and paragraph 2 of Art. VI European Convention.

The invalidity of the arbitration agreement. In our opinion, under invalidity for the purposes of Art. 234 of the APC of the Russian Federation it is worthwhile to understand the non-conclusion, invalidity, loss of power and impossibility of execution. Moreover, similar to the rule applicable to legal capacity, the question of the validity of the arbitration agreement must be resolved by the law that applies to it (paragraphs “a”, paragraph 1 of article V of the New York Convention and paragraphs “a” of paragraph 1 of article IX European Convention).

Situations when a law other than the law applicable to the contract itself, in respect of which the arbitration agreement is applied, applies to the arbitration agreement, are quite rare. Moreover, some authors point out that if there is an agreement between the parties on the choice of the applicable law in relation to the main contract, then it is necessary to extend its effect to the arbitration agreement [3]. It is interesting that in Russian judicial practice this position also occurred, although it did not take on the character of a well-established approach [9].

An arbitration agreement may be invalidated on general grounds provided for by civil law, like any other agreement [10]. In particular, due to non-compliance with the requirements for the conclusion of an arbitration agreement.

It is important to note that due to the principle of autonomy of the arbitration agreement, the grounds for invalidity should relate specifically to the provisions of such an arbitration agreement, and not to the agreement as a whole. As an example, we can cite a situation where a violation of the approval procedure for a major transaction is the reason for the recognition of such a transac-

tion as invalid, but does not affect the arbitration agreement, since by definition it cannot be a major transaction [11].

According to the jurisprudence of the Russian courts that we studied, arbitration agreements were often invalidated on the following grounds: non-arbitrability of the dispute [12]; inconsistency of the selected arbitration institution with signs of objective impartiality [13]. However, the adoption by the Constitutional Court of the Russian Federation of Resolution No. 30-P dated November 18, 2014 should result in the loss of relevance of this ground for invalidating the arbitration agreement; lack of authority of the person who signed the arbitration agreement [14]; falsification of signatures of the parties to the arbitration agreement [15]; non-compliance of the arbitration agreement with the mandatory requirement of the law [16].

Going beyond the competence of the arbitral tribunal means that the decision was made in a dispute that is not the subject of an arbitration clause / arbitration agreement. Often the reason is an incorrectly formulated arbitration clause, in particular when its subject is too narrowly worded [17].

However, it is important to emphasize that, in practice, challenging a decision on this basis is rarely successful, since most arbitration clauses, on the contrary, are very broadly worded in order to exclude such a challenge [24, p. 336].

Inconsistency of the composition of the arbitral tribunal or the arbitration procedure to the agreement of the parties or federal law.

An example of a mismatch of the composition of the arbitral tribunal to the agreement of the parties or federal law is the mismatch of the qualification or formation of the arbitrator with the requirements specified in the agreement or the law, respectively, or if the arbitrators were elected in violation of the procedure for the formation of the arbitration [18].

Examples of non-compliance with the procedure include: non-compliance with the deadline for making an arbitral award established in the arbitration agreement; trial without oral hearings; formal violation in the choice of the form of the act adopted by the arbitration court (decision or decision); non-compliance of the content of the decision with the requirements to it.

Failure to notify the losing party properly or the inability for it to submit its explanations for other valid reasons. This reason is one of the serious procedural violations that may become the reason for the annulment of the arbitration court decision. According to Art. 18 Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338-1 "On International Commercial Arbitration", a party should be given all opportunities to state its position, which stems from the fundamental principles of arbitration, in particular, adversarial and equal treatment of the parties to the dispute. It follows that a simple notification of a party about the appointed arbitration proceedings will not be sufficient, it is also necessary to do this in advance so that the party has a real opportunity to prepare its position [19].

Evidence that the party has been duly notified is, as a general rule, documents that can confirm receipt or attempt to deliver a message, or other documents, for example, correspondence by e-mail [20]. In such a situation, the court must each time evaluate all factual circumstances and arguments using the false notification criteria, which are established both directly by the arbitration agreement and the law [21].

In a situation where the party to the dispute argues that it is impossible to prepare a position due to the tight deadlines in which it finds itself, since it was late notified of the appointment of the arbitration, it is necessary to provide evidence of such impossibility on the basis of the time or volume of the notice [7, p. 23]. However, we note separately that if the parties agreed in advance in the arbitration agreement on a schedule for reviewing the documents and the purpose of the proceedings, they will lose the opportunity to invoke the lack of a reasonable opportunity to prepare a position within the agreed time frame. It follows that this basis for challenging the decisions of the arbitral tribunal does not save the parties from the need to act reasonably and prudently, as well as take reasonable measures to ensure acceptance of correspondence. This approach guarantees the minimization of abuses by unscrupulous participants in civil relations [22].

Conclusion. Arbitration as an alternative form of protection of the rights and legitimate interests of business entities is becoming increasingly popular in the Russian Federation. The analysis of the current legislation and judicial practice on the issue of challenging the decisions of the arbitration courts allows us to conclude that the problems that arise when challenging the decisions of the arbitration courts are relevant.

Bibliographic list

1. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated 07.24.2002 No. 95-ФЗ //www.consultant.ru
2. Federal Law "On Arbitration (Arbitration) in the Russian Federation" dated December 29, 2015 No. 382-ФЗ //www.consultant.ru
3. Derains Yves, The ICC arbitral process, Part VIII: Choice of law applicable to the contract and international arbitration (2006) 6 ICC International Court of Arbitration Bulletin 10, P. 16–17; Nigel Blackaby N., Constantine Partasides C., et al., Redfern and Hunter on International Arbitration (Sixth Edition), 6th edition; Oxford University Press, 2015, para 3.12.
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 10.23.2012 No. 7805/12 in the case No. A56-49603 / 2011 //www.consultant.ru
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 22.06.2012 No. 35 "On Certain Procedural Issues Related to the Consideration of Bankruptcy Cases" //www.consultant.ru
6. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 22, 2005 N 96; Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 25, 2013 No. VAS-2871/13 in the case No. A14-14800 / 2012 //www.consultant.ru
7. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 22, 2005 No. 96 "Overview of the Practice of Arbitration Court Consideration of Cases on the Recognition and Enforcement of Decisions of Foreign Courts, on Contesting the Decisions of Arbitration Courts and on the Issue of Enforcement Orders for the Compulsory Enforcement of Decisions of Arbitration Courts" // www.consultant.ru
8. Information letter of the Moscow Arbitration Court of March 04, 2015 N 449 "On the procedural features of consideration by arbitration courts of cases on the issuance of a writ of execution for the enforcement of a decision of an arbitration court if

an application for cancellation of this decision of the arbitration court is submitted simultaneously” // www.consultant.ru

9. Decision of the FAS of the Moscow District of 01/18/2010 N KG-A40 / 14211-09 in the case of N A40-59802 / 09-97-533; Decision of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District dated 04.06.2010 in the case N A45-13290 / 2009 // www.consultant.ru

10. Determination of the Armed Forces of the Russian Federation of 07.10.2014 N 308-ES14-177 in the case of N A63-1982 / 2013 // www.consultant.ru

11. Decision of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District of 04.20.2006 N Ф04-1614 / 2006 (21058-A70-12) in the case of N A70-3077 / 12-2005 // www.consultant.ru

12. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 01.28.2014 N 11535/13 in the case of N A40-148581 / 12, A40-160147 / 12 // www.consultant.ru

13. Decision of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus District dated April 21, 2014 in the case N A63-1982 / 2013 // www.consultant.ru

14. The determination of the Armed Forces of the Russian Federation dated 06/14/2016 N 302-ES16-5416 in the case N A19-6703 / 2015 // www.consultant.ru

15. The decision of the Arbitration Court of the East Siberian District of 02.10.2016 in the case N A19-6703 / 2015 // www.consultant.ru

16. The decision of the Arbitration Court of the North-Western District on 02.17.2016 in the case N A56-9227 / 2015 // www.consultant.ru

17. Decision of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District of June 21, 2003 in the case of N A05-7905 / 01-515 / 23 // www.consultant.ru

18. Appeal ruling of the Moscow City Court of September 14, 2016 in the case N 33-29075 / 2016 // www.consultant.ru

19. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 26, 2013 No. 156 (with attachment) // www.consultant.ru

20. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.01.2009 No. 10613/08 in the case No. A40-31695 / 07-13-318 // www.consultant.ru

21. Determination of the Armed Forces of the Russian Federation of 10.22.2015 No. 310-ES15-4266 in the case No. A36-5174 / 2013 // www.consultant.ru

23. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 31, 2009 N 17412/08 // www.consultant.ru

24. Asoskov A.V., Kurzinski-Singer E. Limits of action of judicial and arbitral awards by the circle of persons // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. N 2. P. 6–35.

25. Karabelnikov B.R. International Commercial Arbitration: A Textbook. 2nd ed. Moscow, 2013. 554 p.

26. Scientific-practical article-by-article commentary on the legislation on arbitration courts / M.N. Akuev, M.A. Akchurina, T.K. Andreeva et al.; under the general ed. V.V. Praise. Moscow: RAA, 2017. 935 p.

For citation: Voronenkov N.D. Grounds for contesting decisions of arbitration courts // Legal Thought. 2019. No 6. P. 126–132.

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова;**

– **рецензия;**

– **перевод на английский язык:**

а) фамилии и инициалов автора;

б) заглавия статьи;

в) аннотации;

г) ключевых слов.

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

Статьи аспирантов должны быть подписаны их научным руководителем (руководителями) с приложением рецензии.

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. **Рецензии присылаются вместе со статьями.** В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinstspb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru**.

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Law Institute (St. Petersburg)», 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles., For exceeding the specified amount – an additional 300 rubles. for each page.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords**

– **review**

– **translation into English:**

a) the name and initials of the author;

b) the title of the article;

c) the summary;

d) keywords.

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the commendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru**.

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку,
обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **диплом о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург,

ул. Гаванская, д. 3

(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spб.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgir.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgir2017@yandex.ru

Выход в свет 25.12.2019. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 16,48. Усл. п.л. 9,6. Тираж 200 экз. Заказ № 92217.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru